

CONTENTS

Near East in Russian Literary Reflections 1750-1850	Kotelnikov Vladimir Alekseevich	11
Balance of Oppositions as a Philosophical Base of Maximilian Voloshin's Life and Creativity	Pinaev Sergey Michailovich	35
From the History of the Process of the Formation of Russian Legal Terminology of the 14th - 17th Centuries	Chashchina Elena Anatolyevna	49
The Image of the Arab East in the Travel Literature of the Silver Age	Eltsova Elena Nikolaevna	67
Professionally-Oriented Linguvodidactics: Formation of Research Competence of Students Who Learn Russian	Pakhalkova-Soich Tetiana Vladimirovna / Morozova Lana Jur'evna	83
Playing Technologies as Mean for Development of Linguistic Competence of Foreign Students during Studying of Language History	Sarapas Marina Vladimirovna	103
Emotional Masks: Linguoecological Aspect	Solodovnikova Natalia Gennadievna	121
Language and the National Language Picture of the World in the Era of Integration and Globalization	Shkorina Inna Markovna	139
Formation and Functioning of the Communicative Space of the Modern Megapolis (On the Example of the Youth Slang in the City of Kyiv)	Prykhodko Iryna Georgiyivna	157
Affixal Models of Expressing the Category of "Graduality" in the Adjectives of the Russian Language	Baharloo Hadi / Ahmadi Mireyla / Sanjari Maryam	175
A Reflection of the Struggle for Individual Freedom in Nineteenth-Century Russia in the Life and Work of V.F. Raevskogo «The First Decembrist»	Yunkina Anna Aleksandrovna	199
The Personification of the Nature in the Novel "Sweet Salt of Bosphorus" By E. Safarli	Bryk Marina Murmanovna	217
.....		
Persian Abstracts		7

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

Ближний Восток в русских литературных отражениях 1750-1850 гг.	
	Котельников Владимир Алексеевич 11
Система равновесий как философская основа жизни и творчества Максимилиана Волошина	Пинаев Сергей Михайлович 35
Из истории процесса формирования русской правовой терминологии XIV – XVII вв.	Чащина Елена Анатольевна 49
Образ арабского Востока в путевой литературе Серебряного века	Ельцова Елена Николаевна 67
Профессионально-ориентированная лингводидактика: формирование исследовательской компетенции студентов, изучающих русский язык	
	Пахалкова-Соич Татьяна Владимировна / Морозова Лана Юрьевна 83
Игровые технологии как средство развития лингвистических компетенций иностранных студентов при изучении истории языка	
	Сарапас Марина Владимировна 103
Эмоциональные маски: лингвоэкологический аспект	
	Солодовникова Наталия Геннадиевна 121
Язык и национально-языковая картина мира в эпоху интеграции и глобализации	
	Шкорина Инна Марковна 139
Формирование и функционирование коммуникативного пространства современного мегаполиса (на примере молодёжного сленга г. Киева)	
	Приходько Ирина Георгиевна 157
Аффиксальные модели выражения категориальности в прилагательных русского языка	Бахарлу Хади / Ахмади Мирейла / Санджари Марьям 175
Отражение борьбы за свободу личности в России XIX века в жизни и творчестве В.Ф. Раевского - «первого декабриста»	Юнкина Анна Александровна 199
Олицетворение природы в романе Э.Сафарли «Сладкая соль Босфора»	Брык Марина Мурмановна 217
.....	
Краткие содержания	7

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение журнала в РИНЦ."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication of the journal in the RINC."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

Near East in Russian Literary Reflections 1750-1850

Kotelnikov Vladimir Alekseevich¹

Professor, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian
Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia.

(date of receiving: May, 2019; date of acceptance: October, 2019)

Abstract

This article gives the review examination of some Russian dramatic and poetic works, travel books 1750–1850 containing the reflections of the religious outlook, culture, poetry, national traditions of Near East people. The earliest examples are showing: Afanasij Nikitin's "*khozhenie za tri moria*" and "*khozhenija na vostok*" by Vasilij Pozniakov, Trifon Korobejnikov; also Ivan Peresvetov's "*skazanie o magmetesaltane*" and others. The oriental themes and motifs, including Koranical motifs and details of the native nature and the local life, are revealing in the works of M.V. Lomonosov, V.I. Majkov, A.A. Rzhetskij, A.A. Shishkov, V.A. Zhukovskij, P.G. Obodovskij, D.P. Oznobishin, A.S. Griboedov, A.S. Pushkin, A.G. Rotchev, A.D. Illichevskij, L.A. Jakubovich, V.I. Tumanskij, M.Ju. Lermontov, Ja.P. Polonskij, A.N. Majkov, A.K. Tolstoj. There are characteristics of the travel books by V.G. Grigorovich-Barskij, D.V. Dashkov, A.N. Muravjev.

Keywords: Russian Literature XVIII-XIX, Near East, Oriental Themes and Motifs.

1. E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

Ближний Восток в русских литературных отражениях 1750-1850 гг.

Котельников Владимир Алексеевич¹

Профессор, Институт русской литературы (Пушкинского Дома) Российской
Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: май 2019 г.; дата принятия: октябрь 2019 г.)

Аннотация

В статье дается обзорное рассмотрение русских драматических и поэтических произведений, путевых записок 1750–1850-х гг., в которых обнаруживаются отражения религиозного мирозерцания, культуры, поэзии, национальных традиций ближневосточных народов. На материале литературы Нового времени показывается присутствие восточных тем и мотивов, в частности, в творчестве М.В. Ломоносова, А.А. Ржевского, В.И. Майкова, а в более поздний период – в произведениях В.А. Жуковского, А.А. Шишкова, А.С. Грибоедова, П.Д. Ознобишина, А.С. Пушкина, А.Г. Ротчева, А.Д. Илличевского, П.Г. Ободовского, Л.А. Якубовича, В.И. Туманского, М.Ю. Лермонтова, В.И. Соколовского. Рассматривается разработка ориентальных мотивов в творчестве А.К. Толстого, Я.П. Полонского, А.Н. Майкова. Речь идет также о путешествиях на Ближний Восток В.Г. Григоровича-Барского, Д.В. Дашкова, А.Н. Муравьева.

Ключевые слова: Русская Литература XVIII–XIX ВВ., Ближний Восток, Ориентальные Темы И Мотивы, Поэзия, Драматургия.

1. E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

Введение

В поле русского культурного и политического интереса Ближний Восток всегда занимал весьма значительное место, начиная со Средневековья до двадцатого века. Ближневосточные темы, в различных их аспектах, возникают уже в летописях, в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, который проходил в Индию через страны Востока, позднее в «Хождениях на Восток» Василия Познякова, Трифона Коробейникова, в текстах Ивана Пересветова («Сказание о Магмете-салтане», XVI в.) и др. Создаются произведения, тематически связанные с Востоком, ранее прошедшие арабскую обработку и в переложениях вошедшие в русскую литературу, – такова, например, «Повесть об Акире Премудром», ассирийский сюжет которой был широко распространен на Востоке. Появляются также тексты, содержащие сведения о военных столкновениях и политических отношениях Запада и Востока, характерны в этом отношении возникшие в русской посольской среде памфлетные сочинения «Переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом» и «Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками» (последняя четверть XVII в.).

Реальное познавательное освоение Ближнего Востока началось с паломническим движением на Святую Землю, которое, естественно, проходило через разные ближневосточные земли и оставило следы в путевых записках и воспоминаниях. Первопроходцем здесь стал В.Г. Григорович-Барский, затем в XIX в. среди паломников в Святую Землю немало крупных деятелей, получивших широкую известность на государственном, научном и литературном поприщах. Среди них Д.В. Дашков, О.И. Сенковский, А.Н. Муравьев, А.С. Норов, П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, Т.И. Филиппов и многие другие. Их путевые записки замечательны и как историко-документальные источники, и как живые человеческие свидетельства религиозных и умственных настроений эпохи.

К таким свидетельствам, к извлеченным из книг сведениям в ряде случаев прибавлялся и личный опыт, что, пополняемое художественным вымыслом, в совокупности определяло впоследствии разработку восточной темы в творчестве русских писателей. К ней обращались поэты и прозаики различной тематической и стилевой ориентации, принадлежащие к разным литературным направлениям: М.В. Ломоносов, А.А. Ржевский, В. Майков, позже – В.А. Жуковский, А.А. Шишков, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, Д.П. Ознобишин, А.Г. Ротчев, А.Д. Илличевский, М.Ю. Лермонтов, В.И. Туманский, А.С. Норов, В.Н. Григорьев, П.Г. Ободовский, А.А. Шишков, В.Г. Тепляков, А. И. Подолинский, В.И. Соколовский, А.Ф. Вельтман, А.К. Толстой, Я.П. Полонский, Л.А. Мей, А.Н. Майков, К.Н. Леонтьев, а в XX в. – И.А. Бунин, Н.С. Гумилев, В.В. Хлебников, С.А. Есенин.

Названные факты присутствия ближневосточных тем и мотивов в русской литературе, разумеется, привлекали внимание исследователей, но преимущественно в своих частных аспектах. Из немногих работ можно назвать статьи В.А. Эбермана «Арабы и персы в русской литературе» (1923), К.С. Кашталевой «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник (1930), В.А. Котельникова «"Восточный вопрос" в русской политике и литературе» (2004), труды Б.М. Данцига («Русские путешественники на Ближнем Востоке»(1965), «Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX вв.) (1968), «Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период)» (1973), а также некоторые работы Т.М. Гольц, Н.Н. Холмухамедовой (связанные, прежде всего, с деятельностью П.Д. Ознобишина). Перечисленные труды учитывались при написании нашей статьи.

Основная часть

Первоначально для многих русских, отправлявшихся на Ближний Восток, главной целью было посещение Святой Земли, и по дороге к ней они открывали для себя и другие ближневосточные страны. В.Г. Григорович-

Барский (1701–1747), одержимый жадой странствий, в 1724 году, в одежде римского пилигрима, отправляется сначала в Европу, после, побывав на Афоне, путешествует по Египту, Палестине; наконец оказывается в Сирии, а с мая 1744 года по 1746 год изучает монастыри и книгохранилища Афона. В течение нескольких лет Григорович-Барский работает над книгой, в которой отразились его впечатления и разыскания (Григорович-Барский 1885). В ней он отчасти следует давней русской традиции паломнических «хожений», но в рамках этого жанра развертывает новый, познавательный более ценный материал – географический, историко-археологический, искусствоведческий. Несравненно полнее, чем в прежних «хожениях», предстает в книге личность автора – пытливого исследователя, знатока языков и культуры, и в то же время православного инок.

Д.В. Дашков (1788–1839) активно участвовал в литературной жизни начала XIX в. вместе с Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским; затем вступил в дипломатическую службу и был членом русской миссии в Константинополе. Во время русско-турецких столкновений вмешательство Дашкова спасло от гибели множество греков. В 1820 году он путешествовал по Греции и Палестине, что нашло отражение в его путевых очерках, вторая часть которых называется «Русские поклонники в Иерусалиме» (Дашков Кн. 2. 1905). Дашков избегает повторять то, что многократно описано его предшественниками, но не забывает на них сослаться и упомянуть тех, чье мнение он считает более верным. Это касается изображения местности, населения, городской и храмовой архитектуры, расположения святынь, о чем он рассказывает сдержанно, но точно и изящно. Когда же речь заходит о личных впечатлениях при встрече со Святыми местами, он не жалеет слов, исполненных религиозного пафоса и романтической экспрессии.

Известный духовный писатель, а также поэт, драматург, церковный деятель А.Н. Муравьев (1806–1874) – «русский Шатобриан», как называли его

некоторые современники, – неоднократно бывал на Востоке. Широкую известность принесла ему книга о его первом путешествии туда (Муравьев 1832), предпринятом в 1830 году. Она неоднократно переиздавалась, вызвала множество одобрительных откликов, в том числе и А.С. Пушкина. Описываемый им вид Иерусалима и его окрестностей рождает в душе Муравьева очень сильные движения, в словесной передаче которых автор обычно соединяет литературную манеру романтизма с традицией русского церковного красноречия, которая была близка Муравьеву, прежде всего, благодаря его тесным личным отношениям с митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) – именно Филарет придал данной традиции особенную и новую значительность в своем богословско-проповедническом творчестве. Созерцая с Елеонской горы Соломонов храм, купола храма Св. Гроба, Сион, овраг Геенны, русло Кедрона, долину Иосафатову, вертеп Гефсиманский, он признается: «Я бы желал выразить то необыкновенное волнение, которое овладело духом, когда в одном великом зрелище предстали мне оба Завета: все пророчества Ветхого и их дивное событие в Новом» (Муравьев 1833. 153).

Собственно художественное использование восточных реалий и мотивов начинается с середины XVIII в., в качестве одного из первых примеров чего можно назвать трагедию М. В. Ломоносова «Тамира и Селим» (1750). Сюжет ее представлен как продолжение исторических событий: поражения хана Мамай в Куликовской битве в 1380 г., бегства его в Крым, намерения крымского хана выдать за него свою дочь Тамиру. Дальнейшие события, непосредственно предшествующие сценическому действию, Ломоносов излагает в «Кратком изъяснении»; в нем и тем более в самой трагедии исторические факты уже соединяются с вымыслом: поход багдадского царевича Селима с целью очистить Черное море от крымских разбойников, осада им Кафы, грозящие гибелью коллизии и, наконец, счастливое увенчание любви Тамиры и Селима (Ломоносов 1991. 161–212). Однако принадлежность

персонажей и происшествий к Востоку еще весьма незначительно сказывается на характерах и стиле трагедии, хотя на Восток прямо указывают топонимика (Малая Азия, Анатолия и др.), исторические фигуры (Хозрой – т. е. иранский шах Хосров I Ануширван).

Более насыщенной восточными реалиями оказалась написанная в 1760-е годы А.А. Ржевским (1737–1804) трагедия «Подложный Смердий» на сюжет, заимствованный из «Истории» Геродота. Действие трагедии происходит в то время, когда трон занимал Лжесмердис, после смерти персидского царя Камбиза, погубившего своего брата Смердиса. С убийством Лжесмердиса разрешается придворная интрига и воцаряется Дарий (Ржевский 1991. 213–266). При сценическом динамизме Ржевский сумел достичь и психологического напряжения в изображении героев, хотя известная условность, продиктованная эстетикой русского классицизма и образцами жанра, которые были узаконены А.П. Сумароковым, здесь очевидна. В этом же русле создавалась трагедия В.И. Майкова «Фемист и Иеронима» (1773), в которой действующими лицами искусно построенного автором сюжета являются турецкий султан Магомет Второй, захвативший Константинополь, его визирь Солиман, под чьим именем и обликом скрывается сын Феодора Комнина, окружение Магомета, и происходит все в султанском серале (Майков 1991. 267–314).

Возникновение в ту пору на русском литературном горизонте Востока как особой темы с более или менее реальным историческим и преимущественно условным жизненным содержанием вполне объяснимо. Во-первых, наличием в культурной памяти представления о необычности и отчасти загадочности экзотических южных стран «за морями и горами», что возбуждало интерес к ним. Во-вторых – открывающейся для образованного светского писателя возможностью изобразить восточных героев и восточную обстановку, из чего извлекался художественный, а в драматургии еще и сценический эффект.

Главное же – это позволяло вывести персонажей за пределы современной действительности, поставить их в далекой от нее по времени и месту области, где можно приподнять их страсти и поступки до героической высоты, требующейся по законам классицизма. Влияла, конечно, и ближайшая разработка темы в Европе, начиная с П. Корнеля («Родогуна», 1644) вплоть до Вольтера («Заира», 1732; «Магомет», 1739).

Подобные инсценировки на тему Востока, дистанцированные от личного авторского мировосприятия, вскоре ушли из движения литературы, хотя их рецидивы появлялись позже – такова драматическая поэма В.И. Соколовского «Хеверь» (1834–1836), хотя в ней тематическая и локальная приуроченность не составляет цели: колоритное «восточное покрывало» служит скорее для прикрытия ветхозаветного сюжета. Со временем более важным становится личный интерес автора к реальным явлениям, лицам, предметам, связанным с Ближним Востоком, и, соответственно, – включение их в художественную работу.

Поэтическая романтизация Востока во многих случаях была плодом воображения автора, но, разумеется, не обходилась без определенных книжных источников, в том числе ориентальных произведений европейских писателей. Характерный образчик – стихотворение В.А. Жуковского «Песнь араба над могилою коня» (1810), перевод стихотворения французского поэта Ш. Мильвуа «L'arabe au tombeau de son coursier». Отчасти сохраняя свойственную оригиналу стилизацию под древнеарабские «верблюжьи баллады», моаллакаты, Жуковский возвысил тональность своего текста до «героической песни», придавая ему одновременно и элегический оттенок (Жуковский 1999. 153–154). Обращаясь через много лет к теме Востока, Жуковский пишет эпическую поэму «Рустем и Зораб. Персидская повесть, заимствованная из царственной книги Ирана (Шах-Наме)» (1847) (Жуковский 2010. 161–293), бывшую вольным подражанием ближайшему источнику –

одноименному переложению немецкого поэта Ф. Рюккерта. При этом Жуковский по-своему пытался придать восточный колорит излагаемому им эпизоду о Ростеме и Сохрабе из поэмы Фирдоуси.

В поэзии А.А. Шишкова (1799–1832) восточные мотивы порождаются уже некоторым знакомством с мифологией и историей Востока, возможно, и с какими-то его реалиями, чему способствовало трехлетнее пребывание автора в Грузии. Он удачно вплетает в обращенное к Н.Т. Аксакову стихотворение «Я видел Кур; он катит воды...» (1821) эротические образы гурий, роз Гилани (северная провинция Ирана), он слышит «небесных пери звучный хор» и звуки струн Саади (Шишков 1972. Т. 1. 401–402). В стиле романтического ориентализма написана им баллада «Осман» (1824), в которой изображается потерпевший поражение турецкий султан, скорбящий о своей судьбе среди разрушенного дворца и торжествующих врагов (Шишков 1972. Т. 1. 402–403).

Интерес к Ближнему Востоку, именно к мусульманскому, к его религиозному миропониманию и к поэзии, весьма широко распространился в русской литературе первой половины девятнадцатого века и побудил поэтов разных тематических и стилевых ориентаций к разработке популярной темы.

Необычные для христианина формы изложение религиозных истин, заповедей, пророчеств в священной книге Ислама, ее образный язык вызвали попытки создать поэтические эквиваленты некоторых глав Корана. В 1824 г. Пушкин пишет «Подражания Корану», пользуясь довольно точным русским его переводом, выполненным М.И. Вревкиным в 1790 г. с французского перевода. Он перелагает содержание, зачастую взятое из разных сур, и подчас дополняет его собственным развитием коранических мотивов. Наиболее адекватно передавая образ, найденный в одной из сур, в строфе

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны Тобой,

Да не падут на сушь и воды

И не подавят нас собой,

он в своем примечании говорит об источнике: «Какая смелая поэзия!» (Пушкин 1956. 207–214). Через два года к этому жанру обратился и А.Г. Ротчев (1806–1873), стремившийся, под влиянием поэзии декабристов, придать своим подражаниям современный социальный смысл, для чего он выбирал те суры, в которых говорилось о неравенстве людей, о гонениях, о грядущей справедливости (Ротчев 1972. Т. 1. 432–436).

Нередко разработка темы происходила как стилизация действительных или воображаемых произведений восточных поэтов. У Пушкина это стихотворение «Из Гафиза» (1829), написанное в лагере при Евфрате, когда поэт находился вместе с русской армией в Закавказье (Пушкин 1957-а. 119) и когда война, и место действия увлекли его воображение на Восток. Под влиянием других настроений, но в таком же роде написано им в 1835 г. и «Подражание арабскому» (Пушкин 1957-а. 352). Иногда деталь восточного быта пробуждала фантазию и порождали поэтическую реконструкцию былых событий, обстановки, лиц. Так «лирическим героем» стал фонтан в Бахчисарайском дворце хана Крым-Гирея. С ним связаны поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823) (Пушкин 1957-б. 175–195) и его стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824) (Пушкин 1956. 202), а также стихотворение А.Д. Илличевского (1798–1837) «Бахчисарайский дворец» (1827) (Илличевский 1972. Т. 1. 496–497).

Разумеется, гораздо ближе к первоисточникам и гораздо точнее в их русском переводе или переложении были те, кто профессионально занимался восточной культурой. Среди них видное место занимает Д.П. Ознобишин (1804–1877), который с середины 1820-х гг. начинает основательное изучение персидского, арабского языка (а также санскрита) и литературы на этих языках.

Незаурядные познания в этой области он обнаружил уже в статье 1826 г. «О духе поэзии восточных народов». Однако точность в передаче оригиналов пришла к нему не сразу. С 1826 г. он выбирает формой подражания арабский мауль и создает в этом жанре стихотворения «Час блаженства» (1826), «Долги любви» (1828), «Упрек» (1828), «Счастливая ночь» (1828), в которых довольно приблизительно воссоздает содержание и стиль оригинальных образцов жанра (Ознобишин 2001. Кн. 1. 73, 76, 79, 81). Но вскоре, при прежней свободе поэтического изложения, он начинает в большей степени учитывать содержание и стиль подлинника, создавая такие стихотворения, как «Весна (Подражание Сойюти)», «Фиалка (Из Ибн-Руми)», «Яблоко (Абу-Новас)», «Суетность красоты (Подражание Саади)» (все 1827), «Амулеты. Омар Бен Фаред» (1829), «Ода Гафица» (1829) (Ознобишин 2001. Кн. 1. 144–147, 186, 198–199). Тема продолжается и во вполне оригинальных стихотворениях Ознобишина: «Могаммед» (1829), «Листки поэзии» (1835), последнее посвящено Земзему, священному источнику в Мекке (Там же. 234, 394).

Затронул общий интерес и скромного по своему дарованию поэта Л.А. Якубовича (1805–1839); почерпнутое им из разных источников (в том числе, вероятно, и у Д.П. Ознобишина) представление о Востоке вылилось в романтический панегирик («Иран», 1831), почти целиком состоящий из характерных именованных и образов:

Ликуй, Иран! Твоя краса
Как отблеск радуги огнистый!
Земля цветет – и небеса,
Как взоры гурий, вечно чисты!

Так возлюбил тебя Аллах,
Иран, жемчужина Востока,

И око мира, падишах,
Сей лев Ислама, меч Пророка!

Твой воздух амброй растворен,
Им дышит лавр и мирт с алоем;
Здесь в розу соловей влюблен,
Поэт любви томится зноем.

(Якубович. 1972. Т. 2. 264)

Подобные картины живописали тогда и другие поэты, в частности П.Г. Ободовский (1803–1864) в «Персидском вечере» (1826), который должен был войти в задуманную «восточную поэму» «Орсан и Леила», отрывки из нее были опубликованы в 1826 г. (Ободовский 1972. Т. 1. 447–448). А Якубович не ограничивался воспеванием Востока, но вслед за Пушкиным и Ротчевым обратился к поэтическим переложениям Корана («Из Алкорана, глава ХСІ», 1829).

Большую конкретность в деталях, красках, настроении имели произведения, созданные на основании впечатлений, полученных во время пребывания на Востоке. В.И. Туманский (1800–1860) во второй половине 1830-х гг. служил в русском посольстве в Константинополе, что позволяло ему близко узнать и прочувствовать жизнь Востока. Отразился этот опыт в его стихотворении «Дом на Босфоре» (1836) (Туманский 1972. Т. 1. 306–307). В составе русской дипломатической миссии А.С. Грибоедов с 1819 г. находился в Персии, где воспринял чувственное обаяние восточного быта, отразившееся в «Кальянчи (Отрывок из поэмы)» (1821–1822?):

В каком раю ты, стройный, насажден?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом ли ты светлым порожден,
Питомец Пери, или Джиннием взлелеян?

Когда заботам вверенный твоим
Приносишь ты сосуд водовмещальный
И сквозь него проводишь легкий дым, –
Воздушной пеною темнеет ток кристальный,
И ропотом манит к забвенью, как ручья
Гремучего поток в зеленой чаще!
Чинара трость творит жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимого Ширазского листа
Глодают чрез нее мглу алые уста...
<.....>

(Грибоедов 1999. 216)

С IX «Подражанием Корану» («И путник усталый на Бога роптал...») Пушкина иногда соотносят балладу «Три пальмы (Восточное сказание)» (1839) М.Ю. Лермонтова (Турбин 1981. 580). В них действительно можно усмотреть противоположные по смыслу аллегорические изображения ближневосточного мира. У Пушкина томившийся жаждой и роптавший на Бога странник находит, наконец, пальму и воду и засыпает возле них, а проснувшись через много лет стариком, видит истлевшую пальму и иссякший источник. Но Аллах вопреки ходу времени совершает чудо: пальма вновь живет, кладезь наполнен водой, к страннику вернулась молодость:

Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он дале пускается в путь.

(Пушкин 1956. 213)

Милостивый и Милосердный дает залог неистребимости жизни и вечного возрождения.

Лермонтовские «три гордые пальмы» также возроптали на Бога, сетуя на свое бесполезное существование «в песчаных степях аравийской земли». И к ним пришел караван, и пальмы пали под ударами топора и были сожжены в костре. После ухода каравана остался лишь пепел, разносимый ветром, и высыхающий источник.

И ныне все дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно Пророка о тени он просит:
Его лишь песок раскаленный заносит
<.....>

(Лермонтов 1961. 456)

Поэт утверждает мысль о трагической судьбе всего живого: в тварной природе (и, значит, в человеке, который подразумевается в образе пальм, живущих в бесплодной пустыне этого мира лишь по благоволению Бога) пробуждается противление Божьему миропорядку – тогда совершается возмездие и гибельный конец оказывается необратим.

В ином ракурсе и с участием иных сил рисует Лермонтов встречу природы и человека в стихотворении «Спор» (1841). Шат (Эльбрус) предупреждает Казбека о грядущем нашествии людей: «Берегися! Многолюден / И могуч Восток!».

– Не боюся я Востока! –
Отвечал Казбек, –
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин

На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.

(Там же. 527)

Таким, для распространенного европейского взгляда, предстает здесь Восток в исторической неподвижности и жизненном полусне. Но далее у Лермонтова в сюжете отношений человека и природы взгляд обращается на Север: Казбек различает надвигающуюся оттуда опасность: там

Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно-медленны, как тучи,
Прямо на восток.
<.....>

(Там же. 528–529).

Поэт очень широкого тематического кругозора А.Н. Майков (1821–1897) на раннем этапе творчества также обратился к Ближнему Востоку. В небольшой группе стихотворений под общим заглавием «Из восточного мира» выделяется поэтическая стилизация «Молитва бедуина» (1839), в которой правдоподобно передано мировосприятие «человека пустыни» и органично скомпонованы реалии его существования. Нужно заметить, что молитвенное обращение не к Всевышнему, Аллаху, а к солнцу заставляет предполагать, что речь идет об арабе-кочевнике доисламского периода:

О солнце! твой щит вечным золотом блещет –
А море племен здесь клокочет и плещет...

Вдали от серебряных рек и ручьев,
Там бродит и гибнет в степи караван позабытый;
Напрасно ждут люди от вихрей песчаных защиты
Под грудью верблюдов и сенью шатров.

О солнце! накрой ты порфирой зеленой
Пустыни нагие; росой благовонной
Кокос наш, и финик, и пальму питай;
Смягчи серебро ты оводов белорунных Кедара;
Верблюдам дай силу идти средь безводья и жара;
Коням легкость ветра пустынного дай!
Самума от нас отврати ты заразы;
А к вечеру звезд сыпь на небе алмазы...
<.....>

(Майков 1984. Т. 1. 73–74)

Наделенный тонкой художественной отзывчивостью на явления природы, культуры, национальной жизни, Я.П. Полонский (1819–1898) рано обратил свой поэтический взгляд к Ближнему Востоку. Одним из посредников для углубленного проникновения в мир Востока было издание «Les livres sacrés de l'orient», ставшее его настольной книгой в студенческие годы. В книге, наряду с другими текстами Ислама, был и Коран, но с ним Полонский познакомился еще прежде. Под влиянием этого чтения он задумал драматическую поэму «Магомет», в которой, кроме Пророка, намеревался также изобразить, как вспоминал он позже, Абу Талеба, Омара, Кадишо и Айшу. В первой половине 1840-х гг. он написал два стихотворения, которые, вероятно, должны были войти в упомянутую поэму. В первом, «Магомет перед омовением», Полонскому, как мало кому из поэтов той поры, удалось передать мусульманское представление о созданном Аллахом мире (с культовым для

арабов значением в нем воды) и эсхатологическую картину его земного завершения:

О, благодатная, святая влага!
Со всех сторон,
С востока солнца до заката солнца,
Объемля мир,
Из облаков на жаждущие нивы
Не ты ль дождем
Серебряным, при звуках грома,
Шумишь – как дух,
Когда по воздуху, очам незримый,
Несется он,
По сторонам разбрасывая складки
Своих одежд!
<...>
Земля сгорит, и лопнет камень,
И упадут
На рубежах поставленные горы...
Лишь ты одна
Кипящими зальешь волнами
Развалины
Пылающего мира, и густой,
Горячий дым –
Прокатится, гонимый ветром,
Из края в край.
О, благодатная, святая влага!
Обмой меня –

И освежи меня, и напои
Того, кто жаждет!

(Полонский 1935. 27–28)

Во втором, «Из Корана», с характерно коранической экспрессией, передается Божье повеление Пророку:

Скажи строптивым, малодушным,
Коварно-злым и непослушным,
Что в неразумии своем
Меня слепцы лишь не находят,
И не идут прямым путем,
А ощупью в потемках бродят.

Не спрячут их запоры башен –
Везде найдет их Азраил;
Придет незванный, бледен, страшен –
И изо всех ударит сил...
И вздрогнут каменные стены,
И подогнутся их колены.
<.....>

(Там же. 28)

Пятилетнее пребывание Полонского в Тифлисе с 1846 г. дало ему, как и другим русским поэтам, оказавшимся на Кавказе и в Закавказье, возможность многое узнать о жизни кавказских мусульман и их единоверцев в закавказских краях. Это нашло отражение в ряде стихотворений, в том числе в «Караване», «отрывке из восточной повести», где автор точно воссоздал черты местного быта и отношений, дал пейзажные зарисовки в восточном стиле:

Луна светла, как трон Аллы,
Как тени, длинные шагают
Верблюды по краям скалы;
На них ружейные стволы
То пропадают, то мелькают.

(Там же. 87)

И еще один любопытный пример – он относится к Крыму и напоминает нам, что со времени политического и культурного освоения Тавриды и Кавказа они традиционно считались «вратами Востока» (поэтому лермонтовские поэмы, действие которых происходило на Кавказе, обычно назывались «восточными повестями», поэтому Бахчисарай был русским «ближним Востоком»).

На материале впечатлений своего крымского путешествия в июне 1856 г. А.К. Толстой (1817–1875) написал цикл «Крымские очерки», в котором есть несколько восточных мотивов. Наиболее очевиден один в начале третьего стихотворения цикла:

Всесильной волею Аллаха,
Дающего нам зной и снег,
Мы возвратились с Чатырдаха
Благополучно на ночлег.
<.....>

(Толстой 2017. 67)

Мотив вполне оправдан реальностью: в 1850-е гг. значительную часть коренного населения Крыма составляли татары; они играли существенную роль в сельском хозяйстве; были хорошими проводниками, чем воспользовался Толстой в своем путешествии по Крыму, поэтому типичные

татарские имена – Гуссейн, Али – естественно появляются в стихотворении. Крымские татары исповедовали ислам, и приведенные стихи передают типично мусульманское упоминание о Боге. Ср. подобное переложение у Пушкина в «Подражаниях Корану» (1824; V):

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

(Пушкин 1956. 210)

Не исключено, что Толстой здесь и в других стихотворениях цикла учитывал аналогичное обращение к мусульманским мотивам в «Крымских сонетах» А. Мицкевича (1826).

Заключение

В русской литературе 1750–1850 гг. весьма значительной если не по объему, то по распространенности стала тема Ближнего Востока. Она привлекала драматургов XVIII в., разрабатывавших тему еще в русле русского классицизма. Поэты рубежа столетий и первой половины XIX в. творчески преодолевали дистанцию между двумя этнокультурными и этноконфессиональными мирами и в ряде произведений то в форме стилизаций, то с использованием мотивов и реалий жизни ближневосточных народов разрабатывали тему в разных жанрах.

Литература

- 1- Грибоедов А.С. (1999). *Полное собрание сочинений*. В 3 т. Т. 2. СПб.: Изд-во «Нотабене».
- 2- Дашков Д.В. (1905). *Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывки из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году* // Русский архив. 1905. Кн. 2.

- 3- Жуковский В.А. (1999). *Полное собрание сочинений и писем*. В 20 т. Т. 1. М.: Изд-во «Языки русской культуры».
- 4- Жуковский В.А. (2010). *Полное собрание сочинений и писем*. В 20 т. Т. 5. М.: Изд-во «Языки русской культуры».
- 5- Илличевский А.Д. (1972). *Бахчисарайский дворец // Поэты 1820-1830-х годов*: В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во «Советский писатель».
- 6- Лермонтов М.Ю. (1961). *Собрание сочинений*. В 4 т. Т. 1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- 7- Ломоносов М.В. (1991). *Тамира и Селим // Русская литература – век XVIII: Трагедия*. М.: Изд-во «Художественная литература».
- 8- Майков А.Н. (1984). *Сочинения*. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Правда».
- 9- Майков В.И. (1991). *Фемист и Иеронима // Русская литература – век XVIII: Трагедия*. М.: Изд-во «Художественная литература».
- 10- Муравьев А.Н. (1833). *Путешествие ко Святым местам в 1830 г.* В 2 ч. 2-е изд. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии.
- 11- Ободовский П.Г. (1972). *Персидский вечер // Поэты 1820-1830-х годов*: В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во «Советский писатель».
- 12- Ознобишин Д.П. (2001). *Стихотворения. Проза: В 2 книгах*. М.: Изд-во «Наука».
- 13- Полонский Я.П. (1935). *Стихотворения и поэмы*. [М.]: Изд-во «Советский писатель».
- 14- Пушкин А.С. (1956). *Полное собрание сочинений*: В 10 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР.
- 15- Пушкин А.С. (1957-а) *Полное собрание сочинений*. В 10 т. Т. 3. М.: Издательство Академии наук СССР.
- 16- Пушкин А.С. (1957-б). *Полное собрание сочинений*. В 10 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР.
- 17- Ржевский А.А. (1991). *Подложный Смердий // Русская литература – век XVIII: Трагедия*. М.: Изд-во «Художественная литература».
- 18- Ротчев А.Г. (1972). *Подражания Корану // Поэты 1820-1830-х годов*: В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во «Советский писатель».
- 19- Толстой А.К. (2017). *Полное собрание сочинений и письма*. В 5 т. Т. 1. М.: Редакционно-издательский центр «Классика».
- 20- Туманский В.И. (1972). *Дом на Босфоре // Поэты 1820-1830-х годов*: В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во «Советский писатель».

- 21- Турбин В.Н. (1981). «Три пальмы» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». С. 507–508.
- 22- Шишков А.А. (1972). «Я видел Кур; он катит воды...»; Осман // Поэты 1820-1830-х годов: В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во «Советский писатель».
- 23- Якубович Л.А. (1972). Иран // Поэты 1820-1830-х годов: В 2 т. Т. 2. Л.: Изд-во «Советский писатель».

Bibliography

- 1- Griboedov A.S. (1999). *Polnoe sobranie sochinenij*. V 3 t. T. 2. SPb.: Izd-vo «Notabene».
- 2- Dashkov D.V. (1905). *Russkie poklonniki v Ierusalime. Otryvki iz puteshestvija po Grecii i Palestine v 1820 godu* // Russkij arhiv. 1905. Kn. 2.
- 3- Zhukovskij V.A. (1999). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*. V 20 t. T. 1. M.: Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury».
- 4- Zhukovskij V.A. (2010). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*. V 20 t. T. 5. M.: Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury».
- 5- Illichevskij A.D. (1972). *Bahchisarajskij dvorec* // Pojety 1820-1830-h godov: V 2 t. T. 1. L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 6- Lermontov M.Ju. (1961). *Sobranie sochinenij*. V 4 t. T. 1. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR.
- 7- Lomonosov M.V. (1991). *Tamira i Selim* // Russkaja literatura ~ vek XVIII: Tragedija. M.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 8- Majkov A.N. (1984). *Sochinenija*. V 2 t. T. 1. M.: Izd-vo «Pravda».
- 9- Majkov V.I. (1991). *Femist i Ieronima* // Russkaja literatura ~ vek XVIII: Tragedija. M.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 10- Murav'ev A.N. (1833). *Puteshestvie ko Svjatym mestam v 1830 g.* V 2 ch. 2-e izd. SPb.: Tipografija III Otdelenija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii.
- 11- Obodovskij P.G. (1972). *Persidskij vecher* // Pojety 1820-1830-h godov: V 2 t. T. 1. L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 12- Oznobishin D.P. (2001). *Stihotvorenija. Proza: V 2 knigah*. M.: Izd-vo «Nauka».
- 13- Polonskij Ja.P. (1935). *Stihotvorenija i pojemy*. [M.]: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 14- Pushkin A.S. (1956). *Polnoe sobranie sochinenij*: V 10 t. T. 2. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- 15- Pushkin A.S. (1957-a). *Polnoe sobranie sochinenij*. V 10 t. T. 3. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

- 16- Pushkin A.S. (1957-b). *Polnoe sobranie sochinenij*. V 10 t. T. 4. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- 17- Rzhavskij A.A. (1991). *Podlozhnyj Smerdij // Russkaja literatura vek XVIII: Tragedija*. M.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 18- Rotchev A.G. (1972). *Podrazhanija Koranu // Pojety 1820-1830-h godov: V 2 t. T. 1*. L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 19- Tolstoj A.K. (2017). *Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma*. V 5 t. T. 1. M.: Redakcionno-izdatel'skij centr «Klassika».
- 20- Tumanskij V.I. (1972). *Dom na Bosfore // Pojety 1820-1830-h godov: V 2 t. T. 1*. L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 21- Turbin V.N. (1981). «*Tri pal'my*» // Lermontovskaja jenciklopedija. M.: Izd-vo «Sovetskaja jenciklopedija». S. 507508.
- 22- Shishkov A.A. (1972). «*Ja videl Kur; on katit vody...*»; *Osman // Pojety 1820-1830-h godov: V 2 t. T. 1*. L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 23- Jakubovich L.A. (1972). *Iran // Pojety 1820-1830-h godov: V 2 t. T. 2*. L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Котельников В. А. (2020). Near East in Russian Literary Reflections 1750-1850. *Izledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 8(1), 11-33.

DOI: 10.29252/iarll.15.11

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/106>

Balance of Oppositions as a Philosophical Base of Maximilian Voloshin's Life and Creativity

Pinaev Sergey Michailovich¹

Professor of Russian Peoples' Friendship University,
Moscow, Russia.

(date of receiving: April, 2019; date of acceptance: November, 2019)

Abstract

The article deals with the main characteristic of the worldview and creativity of M.A. Voloshin is about the harmony of his world as a balance of opposites. This principle is supposed to work at all levels of being. First, it is given in the personality of the poet: as the width of his soul and spiritual infinity on one hand and the discipline and self-restriction on the other. In the totality of the world there are the oppositions of God and devil and the opposition of two devils as making the balance of the whole world. The world itself as a system of strong balances. In history there are two streams of time, "flowering and break-up". When the balance is disrupted the catastrophe happens, and this is obvious in Russian Revolution. But Voloshin believes that the process of destruction is limited and opposed by the principle of Love.

Keywords: Voloshin, World Outlook, Harmony, Balance, Oppositions, Revolution.

1. E-mail: serpinaev@mail.ru

Система равновесий как философская основа жизни и творчества Максимилиана Волошина

Пинаев Сергей Михайлович¹

Профессор, Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.

(дата получения: апрель 2019 г.; дата принятия: ноябрь 2019 г.)

Аннотация

В статье речь идет об основной характеристике мировосприятия и творчества М.А. Волошина – о гармоничности его мира как равновесии противоположностей. Этот принцип последовательно полагается им на всех уровнях бытия. Прежде всего, он проявлен в самой личности поэта: как многогранность личности и духовная безмерность, с одной стороны, и дисциплина и самоограничение, с другой. В строении мироздания это противоположности сил: Бог – дьявол, два демона как уравнивающие друг друга силы; сам мир как «мир осозаемых и стойких равновесий»; в истории – «двойная бесконечность» времени, два потока – цветение и распад. Нарушение равновесия, что характерно для революций, приводит к катастрофическим последствиям, но распаду, по Волошину, противостоит принцип любви.

Ключевые слова: Волошин, Мировосприятие, Гармония, Равновесие, Противоположности, Революция.

1. E-mail: serpinaev@mail.ru

Введение

Жизнь и творчество Максимилиана Волошина представляют собой цельный феномен, для понимания которого важно выявить его философскую основу, мировоззрение поэта – как оно, прежде всего, проявляется в его стихотворениях. В настоящее время в волошиноведении эта тема – одна из самых значимых, и при этом дискуссионных. Думается, что прежде чем характеризовать мировоззрение поэта, его нужно описать, основываясь на тщательном анализе его произведений. И, прежде всего, раскрыть такие слова, как «гармония», «гармоничность», которые постоянно употребляются исследователями. Действительно, Волошин ищет и находит – в лирическом самовыражении, в природе, в мироздании, – как писала близко знавшая поэта Марина Цветаева, то единство, в котором было всё, и то всё, которое было единством. Целостность многообразия – это в целом главная особенность волошинского творчества. Она прослеживается как закономерность на различных уровнях бытия, отраженного в волошинском творчестве: в личности самого поэта, в его понимании основ мироздания и строя космоса, в восприятии им человеческой истории и истории России. При этом в воссозданном Волошиным мире нарушение равновесия между противоположными полюсами этих многоплановых целостностей всякий раз проявляется в катастрофических последствиях.

Основная часть

Оставаясь глубоко русским поэтом, преклоняясь перед Пушкиным и Достоевским, Тютчевым и Вл. Соловьёвым, Волошин вбирал в себя культуру Запада и Востока, объединяя элементы той и другой культур в своём творчестве. Творчество это невозможно воспринимать исключительно с какой-то одной религиозной или философской позиции, будь то христианство, антропософия, масонство или что-то ещё. Как поэт и мыслитель Волошин не

укладывается ни в одну конкретную эстетическую систему или эзотерическую концепцию. Он как личность, с его творчеством, его стихи и проза, выше и шире любой однополярности в мировоззрении: это «средоточье всех путей» – литературы, культуры, философии – в России Серебряного века, некое всеобъемлющее единство, в котором тесно спаяны поэзия, эссеистика, живопись, соединены традиции и яркая индивидуальность. «...Так нельзя выломать отдельные завитки из ракушки... её очарование – целое», – писал Андрей Белый, подметивший это «целое» в крымском доме Волошина: «Дом Волошина, начиная с внешних форм до музейных остатков быта этой творческой жизни, восхищает меня как одна из ракушек, которыми мы любимся...» (Воспоминания о Максимилиане Волошине 1990. 507), – как, впрочем, и в его творчестве: «целое единственной жизни; поэт-Волошин, Волошин-художник, Волошин-парижанин, Волошин-коктебельский мудрец, отшельник и краевед даны в Волошине, творце быта...». Можно принимать или не принимать Волошина во всех этих ипостасях, но необходимо выделить главное, доминанту личности, подмеченную Андреем Белым: «...во всех согласиях и несогласиях меня пленяли» в нём «широта интересов, пытливість ума, многосторонняя начитанность, умение выслушать собеседника и удивительно мягкий подход к человеку», его способность выступать в роли «миротворца, сглаживая противоречия между противниками, часто не видящими из-за деревьев леса...» (Воспоминания о Максимилиане Волошине 1990. 508).

«Француз культурой, русский душой и словом, германец – духом и кровью» (Воспоминания о Максимилиане Волошине 1990. 262) – так определила составляющие творческой личности Волошина М. И. Цветаева, связывая с «германством Макса» его пантеизм («всебожественность, всебожие, всюдубожие»), вбирающий в себя весь окружающий мир с населяющими его людьми, далёкими и близкими, а также мистицизм

(«родники скрытые из скрытых и тайные из тайных»). Если французская культура прививала Волошину дисциплину художественной формы, обогащала палитру его изобразительных приёмов, то славяно-германская «безмерность духа» пронизывала волошинское творчество изнутри, способствовала рождению философских и эзотерических концепций, вела к постижению мира как «открытой книги», которую, прочитывая, человек принимает в себя. Отсюда – характерный волошинский тезис: «Человек – это книга, в которую записана история мира». Этот тезис мы находим среди его записей за 1907 год.

Однако «безмерность духа» требует сдерживающей формы. Поэтому обратной стороной данного принципа является закон самоограничения, наличие некоей сдерживающей силы, контролирующей и направляющей работу духа. В стихотворении «Подмастерье» (1917), представляющем собой для Волошина поэтический символ веры, читаем: «Для ремесла и духа – единый путь: / Ограниченье себя...» (Волошин 2003. 216) – строки, являющиеся разработкой гётеанского мотива: «Лишь в чувстве меры мастерство приметно, / И лишь закон свободе даст главенство» («Природа и искусство», 1800). Самопознание личности поэта начинается с самоограничения и самодисциплины, с выработки устойчивых жизненных принципов, что окажется для Волошина особенно ценным в период лихолетья. Волошин сводит эту тему самоограничения к афористически выраженному императиву в стихотворении «Подмастерье», говоря о творческом процессе: «Стих создают — безвыходность, необходимость, сжатость, Сосредоточенность...» (Волошин 2003. 216). Для поэта «безвыходность, необходимость, сжатость» – это закон, имеющий отношение не только к художественной форме, но и к жизненному коду поведения. «Все трепеты и все сиянья жизни» (Там же. 217) могут быть почти сведены на нет, дух поэта отрешается от трепетов жизни, и они лишь в снятой и скрытой форме могут

мерцать в глубине слов – ради совершения подвига творчества, ведь оно подчинено законам духа и «является неугасимым горением совести» (Волошин 1988. 301).

Совесть – одно из ключевых слов в нравственной и философской системе Волошина. Отмечает он и в поэме «Россия», говоря о природе русской природы, это «бродило духа – совесть / И наш великий покаянный дар...» (Волошин 2003. 379) – нечто родственное утверждению С.А. Аскольдова о «соборной целостности русской души» и о том, что в России «всегда осуществлялся подвиг братского замещения греха одних смирением, терпением других» (Из глубины 1991. 32). И, конечно, молитвой. Молитва «за тех и за других» – это единственное, что в годину братоубийственной войны оставалось поэту, выучившемуся «молиться за палачей», ибо, как он писал, «каждый / Есть пленный ангел в дьявольской личине». Это свое знание он выражает в стихотворении «Потомкам», с его острыми противоположностями, соединенными в единство: «На дне темниц мы выносили силу // Неодолимую любви, и в пытках // Мы выучились верить и молиться // За палачей, мы поняли, что каждый // Есть пленный ангел в дьявольской личине...» (Волошин 2003. 350). Именно отсюда вытекает его способность видеть и в белом офицере, и в красном комиссаре – братьев.

«...Когда дети единой матери убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев». А братья равны в своей правоте и неправоте. Волошин был убеждён, что мир строится на равновесиях. «Две дуги одного свода, падая одна на другую, образуют несокрушимый упор. Две правды, два принципа, две партии, противопоставленные друг другу в устойчивом равновесии, дают опору для всего здания» (Волошин 1992. 81).

Мысль о равновесии двух сил, созидających мироздание, была высказана поэтом ещё в сонетном мини-цикле «Два демона» (1911, 1915). Это два сонета, объединённых по принципу контрапункта, двуединства антиномии. Первый

Демон олицетворяет тлетворность цивилизации, убийственный дух механико-рационалистического начала: «Я друг свобод. Создатель педагогик. / Я — инженер, теолог, физик, логик. / Я призрак истин сплавил в стройный бред» (Волошин 2003. 201). Наука в данном случае воспринимается поэтом односторонне-негативно, разум и прогресс – в их антигуманной функции. Рационалистическое начало в современном мире, как считает Волошин, легко подменяется одурманиванием, «наркозом» учений, что ведёт к видимости политических свобод, ложной гармонии и «общедоступному» счастью. Если первый Демон, «князь земли» (Волошин 2003. 201), в чём-то сродни Мефистофелю, то его антипод, второй Демон, заключает в себе мильтоновскую традицию. Это падший ангел, Богоборец, олицетворяющий творческое начало жизни («Мятежный дух, послушник высшей воли» (Там же.) с его противоположностями: «Я свят грехом. Я смертью жив. В темнице / Свободен я. Бессилием — могуч. / Лишённый крыл, в паренье равен птице...» (Там же. 202). Возможно, в этом сонете сказалось увлечение Волошина масонством. Однако второй Демон, хоть он и ближе автору, не отстраняет первого. Это две стороны единого целого.

Исходя из тех же принципов, оценивает Волошин и историю. Он прокламирует, прежде всего, единство движения по времени вперёд и назад. Но такое движение, в сущности, оказывается отсутствием движения. Так, ничего не меняется вследствие взаимодействия классов, правящего и уголовного, которые во время революции, по мнению поэта, только меняются местами. Ничего не меняется и тогда, когда современность неожиданно «наплывает» на, казалось бы, ушедшие эпохи, которые вдруг «выныривают» из бездны времён. На первый взгляд, здесь возникают ассоциации с тезисом Б. П. Вышеславцева, который утверждал, что «история идёт в обе стороны, к началу и к концу, что она всегда “архаична” и телеологична, что смысл изучения истории состоит не в созерцании прошлого, а в предвидении

будущего...» (Вышеславцев б.г., 118). Вероятно, Волошин согласился бы здесь с понятием телеологичности, заданности истории. Но Вышеславцев имеет в виду взаимообратное движение по времени, историческому времени. В случае же с Волошиным речь может идти не столько об историческом, сколько о мифологическом времени.

В мифологическом времени отсутствуют начало и конец: к нему не применимо понятие линейной протяжённости. У Волошина в первом же программном четверостишии 1902 года, задающем тон всему творчеству («И мир как море пред зарёю, / И я иду по лону вод, / И подо мной и надо мною / Трепещет звездный небосвод...» (Волошин 2003. 11)), лирического героя окружает время без границ, без начала и конца – он как бы вписан в вечность. В стихотворном «Письме», обращенном к Маргарите Сабашниковой, поэт говорит о своём мироощущении такими словами: «...Но мне понятна беспредельность, / Я в мире знаю только цельность...» (Волошин 2003. 55). Волошин уподобляет поэтов перешагнувшим через время «мудрым и бессмертным» кентаврам, в которых заключены «бег планет и мысль Земли» (Волошин 2003. 56). В стихотворениях из цикла «Когда время останавливается» (1903–1905) этот ракурс мировидения ещё более ощутим: «И день и ночь шумит угрюмо, / И день и ночь на берегу / Я бесконечность стерегу / Средь свиста, грохота и шума. / Когда ж зеркальность тишины / Сулит обманную беспечность, / Сквозит двойная бесконечность / Из отражённой глубины» (Там же. 39)

«Двойная бесконечность», простирающаяся в обе стороны... Эта амбивалентность мироощущения, осознание себя в мгновении и вечности, создаёт силовое поле стихов: «Быть заключённым в темнице мгновенья, / Мчаться в потоке струящихся дней. / В прошлом разомкнуты древние звенья, / В будущем смутные лики теней...» (Волошин 2003. 38). Сам временной поток осознаётся в мифологии как нечто цельное («Я в мире знаю только

цельность»), своего рода «ядро», в котором неразделимы причины и следствия. Всё, что совершается в этом «ядре», само для себя есть и причина, и цель. Именно так смотрит поэт на историю России. Петровская эпоха – это и следствие каких-то процессов, и причина того, что произошло в XX веке. Большевицкая эпоха – это следствие, но она содержит в себе и цель (вот она, телеологичность) – возрождение России, обретение «поруганного храма», ибо это неизбежно. Да, приход большевиков к власти ознаменовал царство антихриста... Но говорит же Господь в главе «Левиафан» книги «Путями Каина», призывая к приятию такого мира: «Сих косных тел алкание и злоба / Лишь первый шаг к пожарищам любви. / Я сам сошел в тебя, как в недра гроба, / Я сам томлюсь огнем в твоей крови. / Как я тебя – так ты взыскуешь землю. / Сгорая – жги! / Замкнутый в гроб – живи!» (Волошин 2004. 59).

Волошину как философу не хватает того, что связано с Россией и её историей. Его интересует человечество как таковое и даже нечто, ему предшествующее. В первой главе «Мятеж» («Путями Каина») даётся оригинальная концепция становления мироздания путём мятежа. По Волошину, «В начале был мятеж, / Мятеж был против Бога / И Бог был мятежом. / И все, что есть, началось чрез мятеж» (Волошин 2004. 7). По сути, речь идет о мятеже против себя самого в доказательство и обеспечение своего бытия. «И всё, что есть, началось чрез мятеж»: согласно «Диалектике мифа» А.Ф. Лосева, для того, чтобы «вывести это всё, надо его чему-то противопоставить... надо его чем-то отрицать...», и так как «никого и ничего нет кроме этого всего, то... всё будет само противоположать себя себе же» (Лосев 1991. 178). Это равновесие-противоречие и является источником существования мира, его способом и формой. «Бог был окружностью, / А центр Дьявол, / Распяленный в глубинах вещества» (Волошин 2004. 47).

Бог-окружность... Волошин, по сути дела, опираясь на древних философов, воссоздаёт картину античного космоса. Ведь ещё Ксенофан утверждал, что

существо божье шарообразно. Парменид считал небо самым точным из встречающихся шаров, отмечая, что, наподобие Земли и Вселенной, Бог неподвижен, конечен и имеет форму шара. Для Волошина же главное – двоица как материальный и духовный принцип миростроительства, двоица как равновесие. Бог – дьявол, два демона, строителя-держателя вселенной, две дуги собора, упавшие друг на друга и тем самым образовавшие нестигаемый свод. И, наконец, «смерть и рождение – вся нить бытия» (Волошин 2003. 39), в другом месте: «смерть и воскресенье – творящий ритм мятежного огня» (Волошин 2004. 7). Человек «утверждает Бога мятежом, / Творит неверьем, строит отрицаньем, / Он зодчий, / И его ваяло – смерть...» (Волошин 2004. 8).

В основе волошинской космологии – гармония равновесий, «зеркальный бред взаимоотражений». «Мир осязаемых и стойких равновесий», возникший из «вихрей и противоборств» (Волошин 2004, 7) обречённый на распад, но и сохраняющий надежду на спасение, восстановление изначальной гармонии. Эта система равновесий (равновесие противоположностей), включающих в себя череду взаимопритяжений и отталкиваний, проявляется в космогонических фантазиях и утверждается в историософском восприятии современности. В начале главы «Космос» даётся поэтическая концепция сотворения мира по Каббале (книга Зогар), и описано божественное творчество: «Десница подняла материки, / А левая распределила воды, / От чресл размножилась земная тварь, / От жил — растения, от кости — камень...» (Волошин 2004, 44). Здесь же упоминаются «двойники – небесный и земной», которые «Соприкоснулись влажными ступнями. / Господьдохнул на преисподний лик, / И нижний оборотень стал Адамом. / Адам был миром, / Мир же был Адам...» (Волошин 2004. 44).

Не вдаваясь в историю происхождения этих образов, заметим, что здесь налицо единство, превратившееся в двоицу. Если число 1 (монада) традиционно является выражением такой гармонической целостности, как Бог

или космос, то 2 (двоица) чаще всего представляет собой две противоположности, антиномию, нередко таящую в себе гибель. Однако у Волошина подразумевается равновесие противоположностей, единство противопоставления взаимодополняющих частей монады.

Эволюцию человечества поэт воспринимает как бунт против равновесия вещей и столкновение контрастных начал. Зло необходимо хотя бы как ступень к добру, достигаемому через бунт против зла. При этом «благоразумный» возвращается в стадо; «мятежник» стремится пересоздать мир и себя, но застревает в «капканах равновесья». К тому же он попадает в плен к собственным иллюзиям. В бунте против материи человеку начинает казаться, что он подчинил себе духов природы, однако в действительности он сам попал в подчинение эльфам и кобольдам, ундинам и саламандрам, освободив «силы / Извечных равновесий вещества». И с этого момента «Бесы пустынь, самумов, ураганов / Ликуют в вихрях взрывов, / Дремлют в минах / И сотрясают моторы машин...» («Магия») (Волошин 2004. 14).

Революция «есть... нарушение того высшего религиозного принципа жизни, который составляет основу религиозной жизни как индивидуальной, так и общественной, т. е. её органическое единство» (Из глубины 1991. 10), – писал философ С.А. Аскольдов. По его мнению, революция – это власть множественности над государственным единством, в какой бы форме оно ни выражалось. У Волошина эта множественность, «расплавляющая спайки целого», – множественность бесов. Исключительной, нерушимой целостностью представляется художнику в это страшное время лишь «меч молитв», означающий крепость целительного слова: «Когда же в мир пришли иные силы / И вновь преобразили человека, – / Меч не погиб, но расщепился в дух...» («Меч») (Волошин 2004. 21).

Утверждая свой «единственный мыслимый идеал», «Град Божий», «находящийся... за гранью времён», поэт даёт повод задуматься о постоянном,

как говорил Н.А. Бердяев, «противодействию вечного во времени, постоянном усилии вечных начал свершить победу вечности» (Бердяев 1990. 53).

Заключение

Весь волошинский поэтический строй воспринимается, как уже говорилось, сквозь призму равновесия противоположностей, весь мир и его эволюция есть сложная система противоположностей, их борьбы и их конечного равновесия. Нарушение этого принципа, когда те или иные силы разрушают изначальную и сущностную гармонию, равновесие противоположных начал, ведёт к катастрофе, что и подтвердили революционные события в России. В своей историософской концепции М. Волошин в значительной степени отталкивается от теории О. Шпенглера («Закат Европы»), основная мысль которой – безысходное круговращение истории и неминуемая гибель культуры под спудом механистическо-потребительской цивилизации. Поэт считал, что в мире в целом идёт непрерывный распад материи, обрекающий его на полное исчезновение, и высказывает гениальное предположение, что история будущего пройдёт под знаком «интраатомной» энергии. Разрушительные тенденции в мире, стремящиеся нарушить с трудом удерживаемое равновесие, огромны. Спасти человечество и этот «гибнущий мир распадающегося вещества» может только противоположный поток, «зизждительный поток творящей энергии», горение человеческой любви, которая способна возродить утраченную гармонию между противоположными началами.

Литература

- 1- Бердяев Н.А. (1990). *Смысл истории*. Москва: Изд-во «Мысль».
- 2- Волошин М. (1988). *Лики творчества*. Ленинград: Изд-во «Наука».
- 3- Волошин М.А.(1992). *Россия распятая: Сборник статей и стихов*. Москва: Изд-во «ПАН».

- 4- Волошин М.А. (2003). *Собрание сочинений*. Том 1. Москва: Изд-во «Эллис Лак».
- 5- Волошин М.А. (2004). *Собрание сочинений*. Том 2. Москва: Изд-во «Эллис Лак».
- 6- *Воспоминания о Максимилиане Волошине* (1990). Москва: Изд-во «Советский писатель».
- 7- Вышеславцев Б.П. (б.г.). *Бессмертие, перевоплощение и воскресение // Переселение душ: проблема бессмертия в оккультизме и христианстве*. Paris: YMCA-PRESS.
- 8- *Из глубины: Сборник статей о русской революции* (1991). Москва: Изд-во «Правда».
- 9- Лосев А.Ф. (1991). *Философия. Мифология. Культура*. Москва: Изд-во «Политиздат».

Bibliography

- 1- Berdjaev N.A. (1990). *Smysl istorii*. Moskva: Izd-vo «Mysl'».
- 2- Voloshin M. (1988). *Liki tvorchestva*. Leningrad: Izd-vo «Nauka».
- 3- Voloshin M.A.(1992). *Rossija raspjataja: Sbornik statej i stihov*. Moskva: Izd-vo «PAN».
- 4- Voloshin M.A. (2003). *Sobranie sochinenij*. Tom 1. Moskva: Izd-vo «Jellis Lak».
- 5- Voloshin M.A. (2004). *Sobranie sochinenij*. Tom 2. Moskva: Izd-vo «Jellis Lak».
- 6- *Vospominanija o Maksimiliane Voloshine* (1990). Moskva: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 7- Vysheslavcev B.P. (b.g.). *Bessmertie, perevoploshhenie i voskresenie // Pereselenie dush: problema bessmertija v okkul'tizme i hristianstve*. Paris: YMCA-PRESS.
- 8- *Iz glubiny: Sbornik statej o ruskoj revoljucii* (1991). Moskva: Izd-vo «Pravda».
- 9- Losev A.F. (1991). *Filosofija. Mifologija. Kul'tura*. Moskva: Izd-vo «Politizdat».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Пинаев С. М. (2020). Balance of Oppositions as a Philosophical Base of Maximilian Voloshin's Life and Creativity. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 8(1), 35-47.

DOI: 10.29252/iarll.15.35

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/107>

From the History of the Process of the Formation of Russian Legal Terminology of the 14th - 17th Centuries

Chashchina Elena Anatolyevna¹

Professor of Adam Mickiewicz University in Poznań,
Poznan, Poland

(date of receiving: April, 2019; date of acceptance: September, 2019)

Abstract

The article is devoted to the description of the process of the formation of legal lexicon in the Russian language of the 14th — 17th centuries. In the earlier documents of the ancient Russian period crimes are called “*зло, грех, проказа, пакости, ослушание*” etc. Criminals who have committed unlawful actions are called “*ослушники*” and “*злодеи*”. In the future criminal actions are differentiated according to the signs: committed against the person or property, intentional — unintentional, and the first time or repeatedly. The author in the article analyses terminology of crimes against property. Criminal acts are called in legal texts “*разбой, татьба, грабеж*” etc. Persons who commit crimes are called “*разбойник, тать, грабежник*” etc. Important criteria for naming the perpetrators of the theft are the crime scene and the character of the stolen things: “*церковный тать, кромский тать, клетный тать, коневый тать*” etc. The vocabulary is analysed from the point of view of origin, semantics and the sphere of use.

Keywords: Historical Lexicology, Lexical Meaning, Juridical Lexicon, Ancient Russia, Moscow State.

1. E-mail: jelena.ch@mail.ru

Из истории процесса формирования русской правовой терминологии XIV – XVII вв.

Чащина Елена Анатольевна¹

Профессор, Познаньский университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

(дата получения: апрель 2019 г.; дата принятия: сентябрь 2019 г.)

Аннотация

Статья посвящена особенностям процесса формирования правовой лексики в русском языке XIV – XVII вв. В ранних источниках древнерусского периода противоправные действия разного рода именуется лексемами обобщенного характера, такими как *зло*, *грех*, *проказа*, *пакости*, *ослушание* и т.п. Преступники, совершившие противоправные действия, представлены в источниках *ослушниками* и *злодеями*. В дальнейшем преступные действия дифференцируются, причем фиксируется лексическое отражение преступлений, различающихся по признакам: совершенное против личности или собственности, умышленное – неумышленное, а также совершенное впервые или повторно и др. В статье рассматривается терминология преступлений против собственности. Преступные действия данного свойства обозначаются в правовых текстах лексемами *разбой*, *татьба*, *грабеж* и др. В качестве наименований их субъектов используются существительные *разбойник*, *тать*, *грабежник* и т.п. Важными критериями при наименовании лиц, совершивших кражу, являются место преступления и характер украденного: *церковный тать*, *кромский тать*, *клетный тать*, *коневый тать* и др. Лексика в статье анализируется с точки зрения происхождения, семантики, процесса терминологизации и сферы употребления.

Ключевые слова: Историческая Лексикология, Лексическое Значение, Лексика Права, Древняя Русь, Московское Государство.

1. E-mail: jelena.ch@mail.ru

Введение

Процесс формирования правовой лексики в истории русского языка являлся длительным и сложным. На разных его этапах наименования противоправных действий и лиц, их совершавших, менялись под воздействием многих причин, в том числе под влиянием взгляда на само преступление и его субъекта. В ранних источниках древнерусского периода, например, в Договорах Руси с Византией 911 года, разного рода преступные действия именовались лексемами обобщенного характера, такими как *проказа*, *злодеянье*, *согрешенье* и др. (Георгиевский 2013. 160). «Явные преступники, обличенные несомненными доказательствами и долженствовавшие понести наказание по закону и приговору суда», в правовых документах той эпохи именовались *злодеями* (Самоквасов 1908. 148).

После принятия христианства на древнерусское законодательство значительное влияние оказала Русская православная церковь, по канонам которой нарушение закона воспринималось как посягательство на божественные установления, то есть являлось грехом. Как отмечает Э.В. Георгиевский, «в различные периоды церковью употреблялись следующие термины: *злое дело*, *богомерзкое дело*, *беззаконие*, *досада* и ... *законопреступление* или *преступление Закона Божьего*» (Георгиевский 2013. 168). Самых же преступников духовенство именовало исключительно *злыми людьми* (Чебышев-Дмитриев 1862. 117). Таким образом, совершенное преступление рассматривалось не только как причинение материального ущерба, но, прежде всего, как грех и нарушение закона, то есть непослушание. В связи с этим запрещенное законом деяние именовалось термином *ослушание*, а преступники – лексемами *непослушник* или *ослушник*. Само действие – нарушить закон – значило *ослушаться* (Там же. 182). В Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. говорится: *А будет такой непослушникъ учинить такъ же и въ третие, у пристава ухоронится, или учинится*

приставу силен...; и приставу ездъ доправити безъ суда, да его же бити батоги и вкинути на месяц въ тюрьму (Тихомиров 1961). Историк А. Чебышев-Дмитриев приводит фрагмент указа 1626 года: *А будетъ учнутъ ослушаться и учнутъ на безлепицу ходить и государь указалъ техъ людей имать и за ослушание битъ кнутом по торгомъ»* (Чебышев-Дмитриев 1862. 190-191).

В московский период преступление получает наименование *лихое дело*, а преступник становится *лихим человеком*. Однако в правовой сфере появляется необходимость дифференциации преступных действий, различавшихся по признакам: совершенное против личности или собственности, совершенное впервые или повторно и т.д., что повлекло за собой появление соответствующей терминологии. Далее мы рассмотрим наименования некоторых преступлений против собственности, к которым относились *татьба, грабеж, разбой*, и их субъектов.

Основная часть

Одним из преступлений против собственности в современном российском праве является кража, под которой понимается «тайное хищение чужого имущества» (Додонов 1999. 322). В русском языке используется с той же семантикой существительное *воровство*. Отметим также лексему *вор* – ‘тот, кто ворует, совершает кражи’ (Евгеньева 1981. 211).

В Древней Руси для обозначения преступного деяния – хищения чьей-либо собственности – используется глагол *взять*: *аще ли възьль будетъ, да заплатит сугубо* (Если украдет, то заплатит вдвойне) (Зимин 1952. 32). В дальнейшем этот глагол встречается в составе словосочетания неопределенного характера *кто что възьмет*: *А кто у них в монастыре и въ монастырских деревнях станут силно или кто что възьмет, или кто чемъ изобидит, и тому от нас, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России,*

быти в казни (Каштанов 1996. 160). В ранних источниках употребляется также глагол *украсть*: *Аще ли ключится украсти Русину отъ Грек что, или Гръчину от Руси, достоино есть да възратитъ е не точью едино, но и цену его* (Если украдет русин у грека или грек у русина, то справедливость требует, чтобы он возвратил не только украденную вещь, но и ее цену) (Зимин 1952. 32). Отметим, что украденная вещь здесь никак не конкретизируется. В Русской Правде иногда перечисляются предметы хищения с указанием суммы штрафа: *украдено у него что, или конь, или порт, или скотина; Аже кто украдетъ въ чьемъ перевесе ястребъ или сокол...* (Там же. 111, 116).

Однако в правовых текстах появляется специальный глагол со значением ‘красть’ – *татьбити*: *Не татьбити ни лукошки, ни кадки* (Срезневский 1912. 928). Соответственно, с семантикой ‘воровство, кража’ и ‘вор’ используются существительные *татьба* и *тать*. В Договоре Руси с Византией 911 года в статье 6 говорится: *Аще украдетъ Русин что любо у Хрестиана или паки Хръстян у Русина, и ят будетъ в том часе тать, егда татбу сътворить...* (Если русский украдет что-либо у христианина или же христианин у русского и будет схвачен вор в то самое время, когда совершает кражу...) (Зиновьев 1952. 7). Термин *татьба* являлся многозначным и обозначал также ‘то, что украдено’, о чем говорится в Псковской судной грамоте: *А которой человекъ с приставомъ приедетъ на двор татя имать и татбы искать* (Срезневский 1912. 927). Третье значение лексемы – ‘дело о краже’, с чем связано словосочетание *поехать на татьбу* – ‘производить следствие для отыскания похищенного’. В том же документе читаем: *А которой приставъ поедетъ на татьбу, ино ему езд имати вдвое, платить татю виноватому...* (Там же. 928). Здесь следует пояснить, что на ранних этапах развития права существовал закон о неприкосновенности жилища. Каждый человек, находясь в собственном доме, был защищен настолько, что даже представители судебных органов не могли войти без его согласия. В соответствии с

германским правом, если подозреваемый в убийстве прятался в доме, то его не могли арестовать. В этом случае проводили судебное заседание непосредственно перед домом, а он защищал себя из окна. Затем этим правом иммунитета обладали феодалы. Хозяин мог укрывать обвиняемого в преступлении в своем доме, но срок ограничивался 6 неделями и 3 днями. За это время беглец дожидался решения суда или имел возможность примириться с потерпевшими (Дьяконов 1905. 16-17). В русском праве тоже прослеживается такое правило, в частности, в Русской Правде говорится: *Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнет не дати его, ... да платить господин за нь* (Зимин 1952. 78). Возвращаясь к указанному фрагменту Псковской судной грамоты, остановимся более подробно на его содержании. В документе говорится о том, что если приставы поедут *искать татьбы*, т.е. проводить обыск, и, придя в дом, скажут: *приехали есмы на дворъ татбы обыскивати, – и тотъ человекъ намъ не далъ обыскивати и в хоромы насъ не пустили и съ двора согнали* (Зимин 1953. 293-294). Как видим, если человек не дал согласия на обыск, то приставы не могут войти в дом. М.А. Дьяконов приводит фрагмент дела 1602 года по розыску некоего Губы Белоносова, в котором говорится о том, что сотский с потерпевшим... пришли к Белоносове жене и сотский спросил у нее: «Дашь ли ты двор на обыск?». И Улита двор на обыск дала, и тут искали и не нашли... И пришли к Еремею, и сотский спрашивал: «Еремей! Дашь ли ты двор на обыск Губы искати?» И Еремей дал на обыск, и у Еремея не нашли ж (Дьяконов 1905. 18-19).

В Русской Правде термин *татьба* фиксируется с четвертым значением – ‘стоимость украденного’: *Аже не будетъ следа или къ селоу или к товару, а не отсочать от себе следа, ни едутъ на след, или отобиються, ть темь платити татбоу и продажю* (Срезневский 1912. 928). В этом фрагменте речь идет о том, что те, кто не смогут оправдать себя при предъявлении обвинения

в краже, будут выплачивать стоимость украденного и штраф в пользу князя.

Прилагательное *татебный* в источниках фиксируется с двумя значениями:

1) 'относящийся к воровству, к краже; подстрекающий к воровству': *Зьлокъзливьи татьбъныи бесъ*; 2) 'краденый': *А у кого что познають татебное, и тотъ съ себя сведетъ ..., а продажи ему в том нетъ* (Там же). Этимология слова *тать* восходит к корню *таить*, что подтверждает его семантику – 'вор, совершающий кражу не открыто, тайно' (Черных 1999. 224). Исследователи отмечают еще одно значение этого термина – 'браконьер': «Тать был не просто вором, но являлся также браконьером» (Кочин 1934. 6). Этот термин используется в Русской Правде, когда речь идет о краже бобра. За хищение этого животного предусматривалось большое наказание – выплата штрафа, размер которого соответствовал штрафу за убийство холопа. По всей видимости, это было обусловлено тем, что бобер являлся ценным животным, так как пушнина составляла одну из важных статей дохода в то время. Существует еще одно объяснение: бобры являлись собственностью князя, охота на них нарушала княжеские права (Киржаева и др. 2014. 161).

В законодательных актах использовались терминосочетания с лексемами *татьба* и *тать*, которые содержали дополнительную информацию о том, что именно было украдено, где состоялась кража и кем была совершена: *церковная татьба*, *церковный тать*, *кромский тать*, *клетный тать*, *коневый тать* и др. О *церковной татьбе* говорится в Уставе князя Владимира, под которой понимается кража в церкви (Зимин 1952. 241, 250). За это преступление предусматривалось суровое наказание, которое, по мнению М.А. Исаева, объяснялось сакральным характером такой кражи в языческую эпоху: «Вор как бы покушался еще на домашних божков, ларов, как их называли римляне; у славян они чаще всего именуются домовыми» (Исаев 2001. 107). Тот, кто совершил кражу в церкви именовался *церковным татем*. В Соборном

Уложении 1649 года говорится: *А церковных татей казнить смертью же безо всякого милосердия, а животы их отдавати в церковныя татьбы* (Тихомиров и др. 1961). С хищением церковных ценностей связана лексема *святотатство*, в составе которой содержится корень *-tat-*, и означала она ‘похищение святыни’.

Словосочетание *кримский (кромский) тать* встречается в Псковской судной грамоте: *А кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати* (Зимин 1953. 287). В связи с тем, что Псковский Кремль именовался как *Крем / Кром*, а в нем хранились запасы и государственная казна, то исследователи определяют семантику данного словосочетания как ‘вор, совершивший кражу в Крому, то есть в Псковском Кремле’ (Киржаева и др. 2016. 113). М.А. Исаев расширяет семантику данного терминосочетания и рассматривает *кримского татя* как церковного вора в связи с тяжестью наказания – смертной казнью (Исаев 2001. 107). В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» *кромский тать* фиксируется со значением ‘вор, обкрадывающий дома’ (Филин и др. 1981. 72).

Клетным татем именуется тот, кто крадет из клетки, кладовой, амбара и других хозяйственных построек, о чем свидетельствует 35 статья Русской Правды: *Аже кто познаеть свое, что будет погубил или украдено у него ...но поиди на свод, где еси взяль; сведитесь, кто будет виновать, на того татьба сидеть, тогда онъ свое возметь ... пакы ли будет клетный тать, то 3 гривны платити ему* (Зимин 1952. 111). Двусоставное наименование *коневый тать* обозначало конокрада: *аче будет коневый тать, а выдати князю на поток* (Там же). За кражу коня устанавливалось одно из самых суровых наказаний – *поток*, которое предусматривало лишение человека покровительства закона, а также изгнание его за пределы земли и продажу в рабство. Это наказание представляло собой отголосок византийского права (Дьяконов 1905. 26). В Псковской судной грамоте в статье 7 за кражу коня

назначается смертная казнь: *А кримскому татю и коневому... тем живота не дати* (Зимин 1952. 111). М.А. Исаев подчеркивает: «в России конокрадство считалось в обычном праве самым тяжким преступлением, и общины (миры) вплоть до Октябрьской революции 1917 выносили своей властью конокрадам смертные приговоры и сами приводили их в исполнение» (Исаев 2001. 107). Конокрады, как правило, если не были пойманы, совершали преступления неоднократно, то есть являлись рецидивистами.

Конечный тать – ‘настоящий вор’, ‘тот, кто виновен’ (Там же). Согласно древнерусскому праву, если какой-то человек обнаруживал украденную вещь или раба, то он должен был идти по следу, то есть выяснять, как попала эта вещь или раб к тому, у кого он ее нашел. Последний человек в этой цепочке, который не сможет объяснить, как он стал владельцем, будет считаться вором и понесет наказание. В статье 38 Русской Правды говорится: *О челядине. Аще познаеть кто челядинъ свои украден, а поиметь и, то оному вести и по кунамъ до третьяго свода; пояти же челядинъ въ челядина место, а оному дати лице, ать идетъ до конечняго свода, а то есть не скоть, не лзе речи: не веде у кого есмь купилъ, но по языку ити до конца; а где будетъ конечнии тать, то опять воротить челядина, а свои поиметь, и проторъ тому же платити, а князю продаже 12 гривне въ челядине или украдише* (Зимин 1952. 112). Повторное или неоднократное совершение преступлений находило отражение в терминосочетании *тать ведомый* со значением ‘пользующийся известностью’, ‘тот, о котором осведомлены’ (Бархударов 1975. 48).

Существительное *воровство* появляется в русском языке в XVI в. Особенно употребительной эта лексема была в частных жалобах – челобитных, которые в значительной степени отражали разговорную речь той эпохи. Приведем примеры: *И буде, государь, те беглые крестьяни где объявятца на татбе или на розбое, или на каком воровстве, и тебе б, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси, явка наша*

была известна (Горбушина 1994. 11); либо того Фетку где поймают на каком воровстве или на татбе (Там же. 92); ведомо про то великое воровство и про нашу бедность (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 719). В этих контекстах *воровство* - преступление без какой-либо конкретизации. Как отмечает Н.Г. Благова, в законодательных актах XVII века *воровство* обозначает преступное деяние в целом: «Это и измена государству, и подделка документов, и преступления против личности, собственности, должностных лиц, незаконная продажа спиртного и т.п.» (Благова 1998. 55). Затем семантика этого термина сужается до современного значения ‘кража’, которое утверждается в языке с начала XIX века. Словосочетание *ведомый вор* означало преступника-рецидивиста, совершавшего противоправные действия неоднократно: *и оне, те сильные люди, учали его бити и топтати и поволокли съ улицы его подъ гору въ воду... Да и впредь, господа, те ведомые воры, сильные люди, похваляются на отца моего и на нас* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 670).

Э.В. Георгиевский обращает внимание на то, какую важную роль играли такие обстоятельства, как время совершения *татьбы* – день или ночь. Ночного *тата* дозволялось убить, что свидетельствует об использовании в праве общей системы двоичных противопоставлений, свойственной, в том числе, и архаической славянской мифологии. В германском праве противопоставление дня и ночи выражалось в том, что ночного вора вешали, а дневному отрубали голову (Георгиевский 2013. 177).

Еще одной архаичной оппозицией является способ совершения преступления – тайный или явный. Ко второму относится *грабеж* – ‘открытое похищение чужого имущества’. О грабеже говорится в статье 7 Договора Руси с Византией 911 года и используется слово *искус*: *О сем. Аще ли кто или Русин Хрестьянину или хрестьянин Русину мученья образом искус творити и насилье яви возметь что либо дружне* (Зимин 1952. 8). Как отмечает И.И.

Срезневский, здесь речь идет «о преступлении в роде воровства, соединенного с насилием, о грабеже или разбое (в нынешнем смысле этого слова)» (Срезневский 1893. 1123). Согласно данной точке зрения, эта фраза является буквальным переводом с греческого и означает морских разбойников – пиратов. Глагол *грабить* широко представлен в жалобах частных лиц московского периода: *И от их, государь, убойства и грабежу и от всякова их насилства нигде нам и женишкам нашим и детишкам проходу и проезду нет, везде бьют и грабят* (Горбушина и др. 1994. 93); *и тотъ Сергей за мною гонялся съ ножемъ и билъ меня и грабилъ* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 531); *и велите, государи, у него, Ивана, крепостеи прощать и почему он, Иван, нас грабит, и бьет, и увичит, и живот наш надсаждает, и без указу нас казнит* (Горбушина и др. 1994. 132); *И тот Федор Замыцкою, подметя на мне деньги, собрався с людьми своими и со крестьяны и учили, государь, меня бить и грабить в Шуе среди торгу* (Там же. 17). Встречается данный глагол с приставкой *вы-* *выграбить*: *тот Иван Карпов ... выграбил всякого хлеба сто четверте двацет, да отогнал у нас всякую животины коров и быков и овец болии сорока* (Там же. 15).

Термин *грабеж* использовался с двумя значениями, первое из которых – ‘грабеж, открытое хищение’. Приведем примеры: *И позналъ есми на томъ грабеже того Андрея зъ братомъ, а иных есми его товарищевъ не позналъ* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 131). Второе значение – ‘то, что похищено, отнято силой’: *а грабежу, господине, будетъ сметка и убыткам моимъ всемъ писана въ челобитной* (Там же. 531); *А грабежу, государь, взять у меня пятьдесят рублей с полтиною денег* (Горбушина и др. 1994. 14); *А грабежу, государь, взяли у меня мерин* (Там же. 17). Лексема *грабежом* в значении наречия с семантикой ‘насиленно, посредством грабежа’ встречается в следующих контекстах: *И тотъ меня Павель стигъ со многими людьми незнаемыми да меня тутъ билъ и ограбилъ: снялъ зъ головы шапку*

голубу да сорвали съ бедры хамьянъ, а въ хамьяне 7 рублевъ денегъ, и всего живота грабежемъ взялъ на семь рублевъ съ четвертью (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 532); А грабежомъ взяли они государя моево денежной казны сто трицать рублев и два рубли с полтиною, да с меня, со Ондрюшки, взяли грабежомъ денег и платья на сорок пять рублев с полтиною (Горбушина и др. 1994. 13); И всего нашего живота тотъ Посникъ у насъ грабежемъ взялъ на 3 рубля съ четвертию (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 588). Субъект данного преступного деяния именовался лексемами *грабительщик, грабежник: ино тотъ Федотъ намъ и боець и скоту нашему убоець же, и животу нашему грабителщик* (Там же. 757-758); *а татя, розбоиника, грабежника, душегубца, где имут, туто судят* (Бархударов и др. 1977, 112). Прилагательное *грабежный* – ‘захваченный грабежом’ – отмечено в составе словосочетания *грабежный живот* – ‘имущество, отнятое в результате грабежа’: *А грабежному животу будетъ перечень въ челобитной (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 670).*

Разбой в современном российском праве – «одно из преступлений против собственности, самая опасная из насильственных форм хищения. Представляет собой нападение с целью хищения чужого имущества, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего» (Додонов 1999. 576). Разбой в древности являлся ответной реакцией на совершенное преступление и выглядел следующим образом: пострадавший врвался в дом своего обидчика и начинал все там крушить, в процессе чего мог его и убить. Слово *разбой* имело значение ‘разгром кого-либо, чего-либо’, а глагол *разбивать* – ‘громить (разрушая запоры, ворота и т.п.), угрожая жизни людей, отнимая их имущество’. В московский период термин *разбой* приобретает значение, близкое к современному: *А наши намесницы володимирские и волостели талшенские, и ихъ тиуни тех моих бортниковъ не*

судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным, и кормов своих на нихъ не емлютъ и не всылают к ним ни по что (Каштанов 1996. 169). Глагол *разбить* встречаем в одной из частных жалоб: *В нынешнем, государь, во 155-м году марта против 25-го числа в ночи разбили, государь, меня, сироту, разбойники незнаемые люди и сынишка моего Микитку и ево жену Оленицу жгли и мучили* (Горбушина и др.1994. 93). Субъект данного преступления – *разбойник*, то есть ‘тот, кто промышляет разбоем, грабежом’: *Да они же, государь, разбойники взяли пять пуд меду, да выламали шестеры пчелы* (Там же. 94).

Заключение

В процессе своего развития русская правовая терминология претерпела значительные изменения. Лексика, связанная с преступлениями против собственности, на ранних этапах носила синкретичный характер. Затем происходит дифференциация видов преступлений по различным признакам, например, совершено оно тайно или явно, с применением насилия или нет, в соответствии с чем формируется целый ряд лексем *татьба, грабеже, разбой* и др. Субъекты преступлений именуется терминами *тать, грабежник, грабительщик, разбойник* и др. Для обозначения субъекта преступления также используются терминосочетания, содержащие информацию о характере краденого и месте кражи *церковный тать, клетный тать, кримский тать* и др. Повторность преступлений находит отражение в словосочетаниях *ведомый тать, коневый тать* и др. Затем многие из перечисленных лексем уходят из языка, в том числе и из сферы права. Значительные семантические изменения коснулись лексемы *воровство*: когда-то она обозначала преступление вообще, а в настоящее время означает ‘преступно присваивать, похищать чужое’. Для многих лексем характерна полисемичность, о чем свидетельствует, например, существительное *татьба*. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что

значение отдельных терминов остается до конца не ясным и дискуссионным, например, терминосочетания *кримский (кромский) тать*, существительного *искус* и др., что подтверждает необходимость дальнейшего изучения русской правовой терминологии.

Литература

- 1- *Акты Холмогорской и Устюжской епархии (1894), часть II. Русская Историческая Библиотека*, т. XIV. Санкт-Петербург.
- 2- Бархударов С.Г., гл. ред. (1975). *Словарь русского языка XI - XVII вв.*, вып. 2. Москва: Изд-во «Наука».
- 3- Бархударов С.Г., гл. ред. (1977). *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, вып. 4., Москва: Изд-во «Наука».
- 4- Благова Н.Г. (1998). *Лексика и фразеология памятников русского права XVII века (На материале Уложения 1649 г.)*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- 5- Георгиевский Э.В. (2013). *Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права*. Москва: Изд-во «Юрлитформ».
- 6- Горбушина Н.В., Данилова Л.В., Индова Е.И., сост. (1994). *Крестьянские челобитные XVII века: Из собраний Государственного Исторического музея*. Москва: Изд-во «Наука».
- 7- Дьяконов М.А. (1905). *Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства*. Юрьев.
- 8- Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М. (1999). *Большой юридический словарь*. Москва: Изд-во «ИНФРА – М».
- 9- Евгеньева А.П., гл. ред. (1981). *Словарь русского языка*, т. 1. Москва: Изд-во «Русский язык».
- 10- Зимин А.А., сост. (1952). *Памятники права Киевского государства X-XII вв. // Памятники русского права*, под ред. С.В. Юшкова, вып. 1. Москва: Государственное издательство юридической литературы».
- 11- Зимин А.А., сост. (1953). *Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. // Памятники русского права*, под ред. С.В. Юшкова, вып. 2. Москва: Государственное издательство юридической литературы
- 12- Исаев М.А. (2001). *Толковый словарь древнерусских юридических терминов. От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства*. Москва: Изд-во «Спарк».

- 13- Каштанов С.М. (1996). *Из истории русского средневекового источника (Акты X – XVI вв.)*. Москва: Изд-во «Наука».
- 14- Киржаева В.П., Якунченкова И.А. (2014). *Тать // Юридическая лексика русского языка XI-XVII веков. Материалы к словарю-справочнику*, вып. 1. Саранск: Изд-во «Саранского ун-та». С. 158-162.
- 15- Киржаева В.П., Якунченкова И.А. (2016). *Тать кри(о)м(ъ)ский // Юридическая лексика русского языка XI-XVII веков. Материалы к словарю-справочнику*, вып. 3. Саранск: Изд-во Саранского ун-та. С. 113-114.
- 16- Кочин Г.Е. (1934). *Указатель // Русская Правда по спискам: Академическому, Карамзинскому и Троицкому*. Москва; Ленинград
- 17- Самоквасов Д.Я. (1908). *Курс истории русского права*. Москва.
- 18- Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. (1961). *Соборное уложение 1649 года*. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (Дата последнего обращения: 25.01.2018).
- 19- Срезневский И.И. (1893). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. I. Санкт-Петербург: Изд-во. «Отд-ния рус.яз. и словесн. Имп. АН».
- 20- Срезневский И.И. (1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. III. Санкт-Петербург: Изд-во. «Отд-ния рус.яз. и словесн. Имп. АН».
- 21- Филин, Ф.П., гл. ред. (1981). *Словарь русского языка XI - XVII вв.*, вып. 8. Москва: Изд-во «Наука».
- 22- Чебышев-Дмитриев А. (1862). *О преступном действии по русскому допетровскому праву*. Казань.
- 23- Черных П.Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. II. Москва: Изд-во «Русский язык».

Bibliography

- 1- *Akty Holmogorskoj i Ustjuzhskoj eparhii* (1894), chast' II. Russkaja Istoricheskaja Biblioteka, t. XIV. Sankt-Peterburg.
- 2- Barhudarov S.G., gl. red. (1975). *Slovar' russkogo jazyka XI - XVII vv.*, вып. 2. Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 3- Barhudarov S.G., gl. red. (1977). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.*, вып. 4., Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 4- Blagova N.G. (1998). *Leksika i frazeologija pamjatnikov russkogo prava XVII veka (Na materiale Ulozhenija 1649 g.)*. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta.

- 5- Georgievskij Je.V. (2013). *Formirovanie i razvitie obshhih polozhenij drevnerusskogo ugolovnogogo prava*. Moskva: Izd-vo «Jurlitform».
- 6- Gorbushina N.V., Danilova L.V., Indova E.I., sost. (1994). *Krest'janskije chelobitnye XVII veka: Iz sobranij Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja*. Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 7- D'jakonov M.A. (1905). *Ocherki istorii russkogo prava. Istorija ugolovnogogo prava i sudoproizvodstv*. Jur'ev.
- 8- Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M. (1999). *Bol'shoj juridicheskij slovar'*. Moskva: Izd-vo «INFRA – M».
- 9- Evgen'eva A.P., gl. red. (1981). *Slovar' russkogo jazyka*, t. 1. Moskva: Izd-vo «Russkij jazyk».
- 10- Zimin A.A., sost. (1952). *Pamjatniki prava Kievskogo gosudarstva X-XII vv. // Pamjatniki russkogo prava*, pod red. S.V. Jushkova, vyp. 1. Moskva: «Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury».
- 11- Zimin A.A., sost. (1953). *Pamjatniki prava feodal'no-razdroblennoj Rusi XII-XV vv. // Pamjatniki russkogo prava*, pod red. S.V. Jushkova, vyp. 2. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury
- 12- Isaev M.A. (2001). *Tolkovyj slovar' drevnerusskikh juridicheskikh terminov. Ot dogovorov s Vizantiej do ustavnyh gramot Moskovskogo gosudarstva*. Moskva: Izd-vo «Spark».
- 13- Kashtanov S.M. (1996). *Iz istorii russkogo srednevekovogo istochnika (Akty X – XVI vv.)*. Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 14- Kirzhaeva V.P., Jakunchenkova I.A. (2014). *Tat' // Juridicheskaja leksika russkogo jazyka XI-XVII vekov. Materialy k slovarju-spravochniku*, vyp. 1. Saransk: Izd-vo «Saranskogo un-ta». S. 158-162.
- 15- Kirzhaeva V.P., Jakunchenkova I.A. (2016). *Tat' kri(o)m(#)skij // Juridicheskaja leksika russkogo jazyka XI-XVII vekov. Materialy k slovarju-spravochniku*, vyp. 3. Saransk: Izd-vo Saranskogo un-ta. S. 113-114.
- 16- Kochin G.E. (1934). *Ukazatel' // Russkaja Pravda po spiskam: Akademicheskomu, Karamzinskomu i Troickomu*. Moskva; Leningrad
- 17- Samokvasov D.Ja. (1908). *Kurs istorii russkogo prava*. Moskva.
- 18- Tihomirov M.N., Epifanov P.P. (1961). *Sobornoe ulozhenie 1649 goda*. Rezhim dostupa: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (Data poslednego obrashhenija: 25.01.2018).
- 19- Sreznevskij I.I. (1893). *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam*, t. I. Sankt-Peterburg: Izd-vo. «Otd-nija rus.jaz. i slovesn. Imp. AN».

- 20- Sreznevskij I.I. (1912). *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam*, t. III. Sankt-Peterburg: Izd-vo. «Otd-nija rus.jaz. i slovesn. Imp. AN».
- 21- Filin, F.P., gl. red. (1981). *Slovar' russkogo jazyka XI - XVII vv.*, vyp. 8. Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 22- Chebyshev-Dmitriev A. (1862). *O prestupnom dejstvii po russkomu dopetrovskomu pravu*. Kazan'.
- 23- Chernyh P.Ja. (1999). *Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*, t. II. Moskva: Izd-vo «Russkij jazyk».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Чащина Е. А. (2020). From the History of the Process of the Formation of Russian Legal Terminology of the 14th – 17th Centuries. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 8(1), 49-65.

DOI: 10.29252/iarll.15.49

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/108>

The Image of the Arab East in the Travel Literature of the Silver Age

Eltsova Elena Nikolaevna¹

Associate Professor, Higher Institute of Languages, University of Carthage,
Tunis, Republic of Tunisia.

(date of receiving: June, 2019; date of acceptance: December, 2019)

Abstract

The Silver Age of Russian culture as a specific image of the world outlook marks rising tide of interest in East culture. That period was dominated by increasing the numerous travels to the Arab World and, as a result, ushered in creating a large body of travel literature. The important role in image-building of the Arab East culture played such countries of the African Continent as Tunisia, Algeria, Morocco, Egypt and Abyssinia. Demystifying the subject of weird Africa turned it to a “land for travelers” thus African issues heavily entered in Russian research and art space. If the interests of travelling scientists were focused on imperial policy of Russia, then the art world, full of mysticism and philosophy, discovered in the Arab World “wealth of knowledge” and returned to primitiveness and purity of archaic cultures. In this article, we represent Andrey Bely as one of the most famous Silver Age Symbolists. His journey to the East (Tunisia, Egypt) revealed not only oriental trend of Era, symbolic vision of eastern countries, but also reflected the writer’s philosophical and creative thoughts, the start of new poetics.

Keywords: Silver Age, Arab East, Travel Literature, Andrey Bely, Tunisia, Egypt.

1. E-mail: elcova-elena@mail.ru

Образ арабского Востока в путевой литературе Серебряного века

Ельцова Елена Николаевна¹

Доцент, Высший институт языков Туниса, Университет Карфагена,
Тунис, Тунисская Республика.

(дата получения: июнь 2019 г.; дата принятия: декабрь 2019 г.)

Аннотация

Серебряный век русской культуры как особый образ мировосприятия знаменует собой возрождение интереса к Востоку. В данный период значительно возрастает количество путешествий в страны арабского мира и создается большой пласт путевой литературы. Среди территорий, сыгравших значительную роль в формировании образа арабского Востока, важное место наряду с классическим Ближним и Средним Востоком начинают занимать страны африканского континента (Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Абиссиния). С неведомой Африки снимается покров таинственности, она становится «землей для путешественников» и активно включается в русское исследовательское и художественное пространство. Если интерес ученых-путешественников во многом отражал имперскую политику России, то в художественном мире, полном мистицизма, философских и теософских исканий, арабский мир открывал глубокий пласт знаний и возвращал к первобытности, чистоте архаических культур. В рамках данной статьи рассмотрим путевую прозу яркого представителя литературы Серебряного века символиста Андрея Белого. Его путешествие на Восток (Тунис, Египет) раскрывает не только ориенталистские тенденции эпохи, символическое видение восточных стран, но и философские и творческие искания самого поэта, становление новой поэтики.

Ключевые слова: Серебряный Век, Арабский Восток, Путевая Литература, Андрей Белый, Тунис, Египет.

1. E-mail: elcova-elena@mail.ru

Введение

Серебряный век как одно из значительных явлений философской и культурной жизни России на рубеже XIX-XX вв. знаменует собой возрождение интереса к Востоку, который вбирал в себя разноликие культуры: буддизм, индийский и тибетский мистицизм, китайское и японское искусство, египетскую, персидскую, абиссинскую, шумеро-аккадскую мифологию, ближневосточные ветхозаветные традиции. В художественной геософии данной эпохи Восток теряет четкие территориальные ориентиры и становится эстетическим понятием. По замечанию Е.В. Шахматовой, на рубеже веков «кризис европейской ментальности выявил острое противоречие между рационалистической картиной мира эпохи Нового времени и религией. Поворот к Востоку, его религиозно-философским системам, трактовавшим онтологические проблемы с позиций естественного равенства, стихийного гуманизма и необходимости совершенствования личности и мира, становился своеобразной формой протеста против прагматизма западной культуры» (Шахматова 2017. 5-6). В этот эпохальный исторический период происходит военная экспансия европейскими странами восточных территорий, противостояние Российской и Османской империей, покорение Кавказа и Средней Азии, Русско-японская война. Российская общественная мысль пытается определить свою самобытность в дихотомии «Запад – Восток». Образ арабского Востока проникает в этот период в Россию через популярную западную литературу, а также переводные материалы. Путевые очерки французских и английских путешественников печатаются в «Отечественных записках», «Современнике», «Русском вестнике», «Вестнике Европы», «Библиотеке для чтения» и т.д. Познанию реального Востока способствуют научные экспедиции Императорского Русского Географического Общества (1845), деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847), бурный рост востоковедения, в том числе арабистики. Значительно возрастает количество путешествий

(представители императорского двора, дипломаты, журналисты, художники, писатели и поэты, паломники) в страны арабского мира и создается большой пласт особого автобиографического дискурса – литература путешествий, ярко отразившей ориенталистские тенденции эпохи и в свою очередь повлиявшей на создание образа Востока в русском общественном и художественном сознании.

Основная часть

Среди территорий, сыгравших значительную роль в формировании нового для русского сознания образа арабского Востока в период Серебряного века, важное место наряду с классическим Ближним и Средним Востоком, являющимся колыбелью древних культур и мировых религий, начинают занимать арабские страны африканского континента (Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Абиссиния). С неведомой Африки снимается покров таинственности, она становится «землей для путешественников» и активно включается в русское исследовательское и художественное пространство. Путешественниками и учеными создается новая литературно-военно-историческая литература, содержащая богатый материал об отдаленных арабских странах (М.Ю. Венюков, А.В. Елисеев, А.А. Рафалович, В.Г. Галузев, Л.Ф. Костенко, П.А. Чихачев, М.И. Ростовцев и др.). Если их интерес во многом соответствовал самой исторической обстановке и раскрывал имперскую политику России, то в художественном мире, полном мистицизма, философских и теософских исканий, новых образов и символов, арабский Восток открывал глубокий пласт знаний и возвращал к первобытности, чистоте архаических, земледельческих культур. Представители художественной элиты совершают поездки в различные североафриканские и ближневосточные страны: поэты и писатели А. Белый, К.Д. Бальмонт, Н.С. Гумилев, И.А. Бунин, М. Кузмин, Вяч. Иванов, В.А.

Сологуб, поэт и философ В.С. Соловьев, художники К.С. Петров-Водкин, В.В. Кандинский, В.И. Якоби и др. Выразив свои историко-культурные, философские и собственно художественные впечатления в путевой прозе и поэзии, они создают богатейший материал литературы путешествий.

В рамках данной статьи обратимся к путевым заметкам яркого представителя литературы Серебряного века символиста Андрея Белого (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева). Специальных работ, посвященных заметкам Белого-путешественника об арабском Востоке (Тунис, Египет), практически нет. Исключения составляют исследования Л.А. Сугай о теоретическом осмыслении Белым культурологии как самостоятельной науки и Е.А. Чач, рассмотревшей проявление ориентализма в общественном и художественном сознании Серебряного века. Пытаясь типологизировать путешествия «русских интеллектуалов» (А. Белого, К.Д. Бальмонта, И.А. Гриневской, Н.С. Гумилева, А.К. Булатовича, В.К. Арсеньева) по восточным странам, Е.А. Чач относит Белого к «типичным туристам»: «Андрей Белый путешествовал по Востоку с чисто туристической целью – «посмотреть», и стремился зафиксировать самый факт своего пребывания в тех или иных местах, часто романтизируя отдельные элементы «восточной» действительности» (Чач 2012. 166). Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, так как восточные впечатления Белого представляют не только геокультурный образ арабских стран, но и отражают становление культурно-философской мысли России рассматриваемого периода, внутреннее движение переживаний самого поэта и формирование его поэтики, о чем неоднократно отмечал сам писатель-символист: «Питался я красками: я отдавал их, как мысли – высокому, чистому небу; я здѣсь осозналъ, что пути мои прежніе – изжиты; что возвращенье на родину, мнѣ предстоящее, будетъ приходом

впервые»¹ (Белый 1922. 244-245); «...смена же путевых впечатлений соответствовала все время этапам наших переживаний; когда исчерпались впечатления, то кончились дни наших странствий...» (Из литературного наследия Андрея Белого 1937. 414).

В декабре 1910 г. Андрей Белый с женой молодой художницей Анной Алексеевной Тургенева (в путевых заметках Ася) отправляются в Италию, где он предполагал остановиться и работать над новым романом. Однако первоначальный замысел не удался и они едут в Тунис, в Египет, потом в Палестину и возвращаются в Одессу 22 апреля 1911 г. Белый писал своему издателю Э.К. Метнеру «...В Палермо дорого, в Монреале сейчас наживем смертельную простуду, справились по Бедкеру; оказалось: в Тунисе дешевле, чем здесь; едем в Тунис и там проведем зиму» (Путешествие на Восток 1988. 144). Африканское путешествие стало своеобразным спасительным бегством из Москвы от семейных проблем и нерешенных вопросов с издательством, но оно значительно повлияло на философские и творческие искания, открыло путь «к новому духовному прозрению Белого и обусловила переход от софиологии Владимира Соловьева к антропософии Рудольфа Штейнера» (Шатин 2015. 390), стало путешествием от самого себя к новой философии и поэтике, позволило творчески осмыслить концепцию культуры. Отдельные очерки Белого, посвященные путешествию, были опубликованы еще в 1911 г. в газетах «Речь», «Утро России», «Современное слово». Главы «Египта» появились в 1912 г. в трех номерах журнала «Современник» (№ 5, 6, 7). Впервые первая часть книги была издана в 1921 и 1922 гг. под разными названиями: «Офейра» и «Путевые заметки». Толкование необычного названия путевых заметок «Офейра» можем обнаружить в ритмизованном эссе «Глоссология» (1917), где говоря о небесной Аэрии (Офейре или Зефиреи),

1. Цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации А. Белого.

Белый подчеркивает, что этой желанной прародины человечества «нет на земле», «пропала она», что она образована из «невидимой обычному оку» субстанции и, наконец, что это, «облачный город, зажженный лучами», вожделенная «золотая земля». На страницах «Путевых заметок» Белый возвращается к этому «сиянию, сказке лучей» и пишет, что Офейра находится в самом сердце Африки: «...африканские недра доселе таят неизвестности; береговая же Африка уже со времени Васко-де-Гама заселена европейцами; в недрах ее полагали когда-то «Офейру» (о ней гласят древние); солнце там жжет: пережженный есть «афф» — африканец. <...> к ней путь через Египет, через Нубию, через Судан к полноводным «нианзам» ...» (Белый 1994. 415).

«Африканский дневник» является продолжением и второй частью путевых заметок. Как пишет Белый в предисловии: «Цель этой книги дать несколько картинок из жизни и быта огромного африканского континента...» (Белый 1994. 330). Яркие восточные впечатления отражены и в письмах Белого, адресованные матери А.Д. Бугаевой, руководителю издательства «Мусовет» Э.К. Метнеру, литератору, музейному работнику А.С. Петровскому, издателю и библиофилу А.М. Кожебаткину. На протяжении всей своей жизни Белый будет неоднократно возвращаться к этой поездке, запечатлев символы своего путешествия в романе «Петербург» (1913-14) и мемуарной трилогии «Между двух революций» (1934). Б. Кузьмин, выделяя эту склонность Белого переосмысливать свои воспоминания, пишет: «...восприятие действительности было у Андрея Белого чрезвычайно противоречивым, и – при его символическом мышлении – неопределенным и многозначным. Поэтому в разные моменты своего духовного развития он подчеркивает и выдвигает на первый план различные оттенки своих прошлых переживаний и размышлений» (Из литературного наследия Андрея Белого 1937. 410). В автобиографическом романе «Между двух революций» путевые впечатления будут пронизаны «идейными изворотами», желанием стать «идейным

революционером» (Ходасевич 2008. 15) и поэтому будут включать новые откорректированные записи по отношению к буржуазной Европе и ее колониальной политике: «Открывалась мне здесь и сущность французского буржуа: перерождаться в колониях в паразита; я его наблюдал, как он мусорит местный быт отбросами своего быта, уместного, может, в Европе, но здесь отвратительного; колонизатор предстал мне в Африке, как гнилостная бактерия...» (Из литературного наследия Андрея Белого 1937. 424). Однако даже эти поздние вставки не могут стереть строй духовных переживаний писателя-символиста.

География восточных путешествий Белого связана с двумя североафриканскими странами: Тунисом и Египтом. История, культура, архитектура, быт, народы, населяющие эти страны, стали не только действующим лицом путевых заметок, но и способствовали созреванию автора как конденсатора духовной жизни своего времени. Путевые заметки и письма Белого, посвященные Тунису, пронизаны особым романтическим восхвалением Востока, богатством красок и линий в его описании. Н.В. Котрелев отмечает: ««Путевые заметки», кажется, триумф импрессионизма и лирики. Образ счастья светится со страниц. Скачут в причудливом ритме ассоциации, взятые из подручных путеводителей исторические и этнографические сведения, все заливают световые и цветовые впечатления, буйные краски. А за калейдоскопическим мельканием образов Белый открывает для себя новое видение мира» (Путешествие на Восток 1988. 146). Европейцу Белому в истории, архитектуре и быте жителей Туниса открывается особая философия жизни и особая культура, которая отличается от европейской. Эта новая культура кажется ему близкой, понятной и привлекательной: «Забываю, откуда пришел я; я – русский; и я – европеец. Европа? Ее – забываю; ея – не хочу. Знаю въ Англіи, знаю, въ Германіи, я тосковалъ бы по родинѣ; здѣсь – не тоскую; здѣсь точно родился; и – точно

умру...» (Белый 1922. 244). В арабском Востоке он видит проявление настоящей культуры, образ цельного человеческого существования, сформировавшегося тысячелетиями на основе взаимодействия и взаимовлияния различных культур, историй, религий и народностей. Автор путевых заметок осознанно интерпретирует эту идею, пытаясь уловить глубочайшие противоречия между цивилизациями: Европой и Африкой, шире Западом и Востоком.

Белый представляет творчески осмысленную концепцию образа Востока, в которой значительную роль играет колористический и интонационный рисунок. В описании Туниса доминируют белый цвет: «Голубела туманная дымка; и таяла: а оснѣженіе, выдавалось рельефомъ, бѣлѣло, бѣлѣло, бѣлѣло; и – Господи! Есть же предѣль бѣлизнѣ! Я предѣль этотъ знаю теперь: называю Тунисомъ его» (Белый 1922. 174). А метафора «белый Тунис» получает особое культурно-символическое наполнение в его художественном мире. В статье «Священные цвета» Белый, рассуждая об онтологической сущности наиболее значимых, выразительных, чистых, с точки зрения символической эстетики, цветов: белого, черного и красного, – отмечает, «белый цвет – символ воплощенной полноты бытия» (Белый 1911).

За внешней белизной Туниса скрывается его многоликость и пестрота красок: «...открываю окно на арабскую уличку; пестрыя пятна – гдѣ бѣлый Тунисъ? Онъ – разстался на радугу красокъ; онъ издали бѣлый; вблизи – глянцевитый, фаянсовый, радужный» (Белый 1922. 178). Эта яркая световая картина преломляется в архитектуре, в декоративных элементах, в национальной одежде, в самой национальной палитре (берберы, туареги, арабы, испанцы...). Не случайно Белый отмечает: «Такъ и арабъ: какъ накинеть бурнусъ, - привидѣнье, бѣлѣйшій туманъ; распахнется – оранжевый, синій, голубоватый и розовый онъ; и тунисская уличка: издали – бѣлая; если приблизится – пестрая уличка» (Белый 1922. 178).

Белизне арабского города контрастом выступает европейский: «Близокъ ужь берегъ: и тутъ, – вблизи берега, видимъ: по бѣлой, развернутой складкѣ бурнуса ползуть, расширяясь, желтыя пятна, какъ ... грязь: европейскій кварталъ ...» (Белый 1922. 175). В этой цветовой гамме путевых заметок противопоставлены не только два не соотносимых города: арабский и европейский, но и две культуры, два мировоззрения. Писатель четко разделяет эти два образа жизни (равно две культуры) и начинает размышлять о самом понятии «культура»: «Каждый день я бываю въ Тунисѣ; въ «культурномъ Тунисѣ»; и часто – въ арабскомъ; послѣдній – культурнѣе, потому, что основа культуры – это умѣніе жить; въ возсозданіи – знаніе; жизнь же – сознаніе: мудрое знаніе; знаніе, взятое въ смыслѣ обычномъ научнаго знанія еще не знаніе – собственно, а половинное знаніе» (Белый 1922. 219). По Белому, «культура Тунисіи» и представляет то истинное законченное, цельное знаніе жизни, которое проявляется в архитектуре, в обычаях, в жестах и цвете. Французские нововведения забирают прелесть арабского города, и писатель не раз на страницах своих путевых заметок выражает свое разочарование культурной колонизацией: «Тунисъ – гдѣ Тунисъ? Не Тунисъ, а Парижъ»; «Ахъ, отчего загрязнили Тунисъ здѣсь, у берега?» (Белый 1922.175).

В «Африканском дневнике» зазвучала шире лишь слегка затронутая в «Офейре» тема Африки. Белый пишет: «Пребывание в тихой арабской деревне, в Радесе (Белый с А. Тургеневой поселился в этом пригороде Туниса 15 января (н. ст.) 1911 г. и прожил там два месяца – Е.Е.) мне было огромнейшим откровением, расширяющим горизонты; отсюда я мысленно путешествовал в недра Африки, в глубь столетий, слагавших ее современную жизнь; эту жизнь мы уже чувствуем, тысячи нитей связывают нас с Африкой» (Белый 1994. 330). Ее олицетворением выступают тунисские арабы, «белые бурнусы» (плащ с капюшоном из белой шерстяной материи), как их нарицательно называет Белый. Африка противостоит Азии и монголам.

«Африка так манит, так она в своих африканских чертах непохожа на Европу, так самобытна, целостна: подумайте, милый: целый громадный материк иной, не европейской земли; *астрал, элементали* - все, все здесь *иное*; иное клише «видения». Не *Европа* Африка, но и не *Азия*; Азии вовсе нет, монгольства ни капли. Африка для меня неожиданный, многообещающий подарок моей поездки...» (Из письма к Э.К. Метнеру, Маскулла-Радес. 30 января / 12 февраля (н. ст.) 1911 г.) (Путешествие на Восток 1988. 156).

В «Африканском дневнике» зазвучало мистическое предчувствие будущего. Писатель-символист предсказывает события, происходящие в современном мире. Колониальная Африка, вобрав в себя «двадцать две» Франции, со временем покорит саму метрополию: «... я боюсь – будет час; кровь с огромною силой прилетит к голове организма французской Европы, – кровь черная: миллионами негров, мулатов вдруг хлынет в Париж, Марсель, Гавр, Лион, – Африка, так, жилы страны разорвутся, под мощным напором; и европейскую Францию быстро постигнет удар: почернеет ее голова; и в XXIII столетии будет Париж переполнен курчавыми толпами черных «чертей»: парижан!» (Белый 1922. 366).

Мотив грядущей вселенской катастрофы найдет последующее воплощение в описании Египта. Сам Белый эту поездку оценит как путешествие по «старинному континенту» души: «...от Египта мои «Путевые заметки меняют свое направление; и становятся: путевыми заметками странника, ищущего новой жизни души; «география» и «этнография» заменяются в них «психологией», «метафизикой», неуместной в простых «путевых наблюдениях»» (Белый 1994. 452). Эта смена художественного взгляда отобразится в восприятии и последующем символическом изображении Египта. Разрыв между романтически завораживающим Тунисом и мистически отталкивающим Египтом Белый тонко выделит не только в архитектурной планировке, геометрии рисунка, звуковой ритмике, цветовой гамме и запахе,

но и самой их метафизике: «Злой, неприятный, обидный Каир; это — первое впечатление наше; сравнение с Тунисом невольно. Миллионом разинутых ртов прогорланил Каир; и снежайше провеял немногими сотнями тысяч бурнусов — Тунис. Белоснежен Тунис; черносер, серопылен Каир; чист Тунис; выгрязает Каир из-за бурого вороха сора; тунисские бельма пестрейше распались в фаянсовых глянцах гирлянд; темноватые стены Каира покрыли каймой серой грязи отчетливо черные прочертни; белый цветок, — наклонился Тунис лепестком куполов над лепечущим озером; тело Каира — зловонно дымеет песками; над злобонною падалью (кошек, собак) — высоко зачертили круги прямкрылые коршуны; а над водой бирюзами легчайшей тунисской струи — розовеют цветочки фламинговых крыльев; топорчатся стены Каира сплошным кривулем-завитком и причудливой лепкой орнамента, в складках которого — грязь; и квадраты, и кубы тунисских построек, снежня, легчатся (Белый 1994. 391-392). Белое «снежение» Туниса сменяется отталкивающе мистическим «черным и серым». В теории цветовой символики писателя эти цвета имеют особую наполненность: черный трактуется как «символ небытия, хаоса», который определяет зло и нарушает полноту бытия. Серый как пограничный между черным и белым представляется воплощением «небытия в бытие, придающее последнему призрачность». Отсюда зло «заключается в относительной срединности, двусмысленности» (Белый 1911). В этой смене колористической наполненности (белый — черный, серый) и ее символики (жизнь — смерть, бытие — хаос) проявляется трагизм рубежа веков, символическое воплощение разрушающей силы нового времени.

Белый тонко подмечает и временной контраст двух географически единых, но культурно и антропологически разноликих стран: сцепление времен, характерное для тунисской культуры, в Египте сменяется разрывом настоящего и прошлого, современного и древнего. «Старый арабский Каир не волнуется; а пятитысячелетний древний Египет, кометой врезаюсь в сознание, в

нем оживает как самая жгучая современность; и даже как предстоящее будущее. В чем сила, превращающая тысячелетнюю пыль в наше время? ...» (Из литературного наследия 1937. 432).

Тунисские «белые арабы», которыми так восхищался Белый в «милой Тунисии», противопоставлены «феллахам» («феллах не тунисец» (Белый 1994. 365). Их гортанные и монотонные голоса слились в путевых заметках не только в нарицательное обращение «хахи», но и стали символикой мертвенности: «все египтяне суть «хахи», или – вымыслы, призраки: так облеченное ныне в абассию ваше же тело – они; неуютно склониться над собственным... телом: и жуткостью дышит Египет: он – тело, которое сбросили, – труп; мы – над собственной тризной; отсюда – и муки, и казни; и – бегство; давно мы бежали отсюда; и – плен: полонил нас Каир!» (Белый 1994. 389).

Прогулки по арабскому Каиру с его душными улицами наполняют Белого мистическим ужасом «плена» и отсюда желанием убежать из него: «И странен, и страшен Каир» (Белый 1994. 390). Здесь столкнулись неприглядные картины действительности («город душный», «дрянные миазмы», «гнусный хамсин», «пекло», «навязчивость феллахов», «множество туристов», «ужасная дороговизна» жизни, острая нехватка денег) и древняя история, «рой летящих тысячелетий» Каира, «Голос Безмолвия», исходящий от Сфинкса (письмо А.С. Петровскому, Каир, 15 (2 н. ст.) марта, 1911 г.) (Путешествие на Восток 1988. 161). Здесь символы мучающих его вопросов обретают явные очертания. Пирамиды, мумии, Сфинкс получают в восприятии Белого не эстетическую оценку, как это было в предшествующем описании Туниса, а приводят к глубоким культурно-философским размышлениям и переживаниям. Белый пытается запечатлеть все движения самого «живого лица» - Сфинкса: «И более – получаса сидели под Сфинксом, одолевая круги выражений большого немого лица: идиотское выражение сменяло, летя, эфиопское; звериное, трупное, каменно-титаническое, царственное, лициферическое, духовное,

ангельское, и – младенческочистое; так как бежит за волною волна, так бежали, сменяя друг друга, круги выражений; и в друг, закругляясь, в единство, круги выражений; сцеплялись в одно выражение: и прародимое время проснулось в круг выражений времен...» (Белый 1994. 430). Эти египетские впечатления, названные Белым «пирамидной болезнью», станут лейтмотивом всего его творчества: «Пишу эти несколько слов через восемь томительных лет; впечатления Египта со мною повсюду; Египет – во всем: и в туманно глаголющем Лондоне, как и в Берлине, прошел предо мною он; подстерегает меня он в Москве; выявляется гибельной мощью в стремленьях и вкусах, поет декадансом; понятен он всюду: он – всюду» (Белый 1994. 431). Мотив мертвенности Египта отражает философию Белого-символиста, который связывает гибель Европы, равно и современной ему культуры, с ее пресыщенностью и изжитостью как таковой.

Заключение

В эпоху рубежа веков путешествие становится особым методом познания Востока, его истории, культуры и духовности. Богатейший материал путевой литературы, созданный в данный период, несет информацию о странах, событиях, культурах и народах, а также дает концептуальное осмысление Востока. Рассмотренная в статье путевая проза символиста Андрея Белого является не только ярким художественным образцом символизма, но и пространством культуры, воссоздающим художественный метаобраз разноликого Востока. В путевой прозе Белого две североафриканские страны Тунис и Египет получают контрастное символическое воплощение. Тунисские впечатления пронизаны особым романтическим восхищением архитектурой, национальной одеждой, национальным колоритом, гармоничным слиянием исторического и настоящего, здесь у Белого рождается чувство родства России и Африки, себя и арабов. Яркий цветовой рисунок Туниса создан

метафорическим и символическим звучанием, импрессионизмом красок и геометрических линий. Египет обостряет мистические переживания Белого, столь характерные для культуры Серебряного века. Его изображение противоречиво: здесь сплелись остатки древней цивилизации (Сфинкс, пирамиды, пустыня) и неприглядная поэту реальность. Но именно древний Египет становится символом иссохшей «мертвой» европейской культуры и лейтмотивом всего последующего творчества. Путешествие Андрея Белого на Восток стало не столько повестью о бегстве, столь характерной для литературы рубежа веков, а познанием себя через Восток, созданием новой культурно-философской мысли и поэтики.

Литература

- 1- Белый А. (1994). *Африканский дневник / Публ. текста С. Воронина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах.* – Москва: Изд-во «Наука». Т. 1. – С. 330-454.
- 2- Белый А. (1922). *Путевые заметки: Сицилия и Тунис.* – Москва, Берлин: Изд-во «Геликон». Т. 1.
- 3- Белый А. (1911). *Священные цвета // Арабески.* Книга статей. – Москва, 1911. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_07_1903_arabesky.shtml (дата обращения: 2.02.2018).
- 4- Из литературного наследия Андрея Белого (1937). *Воспоминания. Т. III, часть II (1910-1912). Предисловие Б. Кузьмина. Публикация К. Бугаевой. // Литературное наследство.* Т. 27-28. – Москва: Изд-во «Журнально-газетное объединение». – С. 409-456.
- 5- Путешествие на Восток (1988). *Письма Андрея Белого. Вступит. статья, публ. и коммент. Н.В. Котрелева // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации.* – Москва: Изд-во «Наука». – С. 143-178.
- 6- Ходасевич Вл. (2008). *Андрей Белый // Андрей Белый. Петербург. Стихотворения.* – Москва: Изд-во «Эксмо». – С. 7-16.
- 7- Чач Е.А. (2012). *Русский интеллигент на Востоке в эпоху Серебряного века: опыт типологизации // История и культура.* Санкт-Петербургский гос. ун-т. № 9(9). – С. 163-203.
- 8- Шатин Ю.В. (2015). *Африка Андрея Белого и Николая Гумилева: лики травелога // Русский травелог XVIII-XX веков.* Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск. – С. 378-392.

- 9- Шахматова Е.В (2017). *Мифологема «Восток» в философско-эзотерическом контексте культуры Серебряного века*. Дис. ... док. фил. н. –Москва.

Bibliography

- 1- Belyj A. (1994). *Afrikanskiy dnevnik / Publ. teksta S. Voronina* // Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII-XX vv.: Al'manah. – Moskva: Izd-vo «Nauka». T. 1. – S. 330-454.
- 2- Belyj A. (1922). *Putevye zametki: Sicilija i Tunis*. – Moskva, Berlin: Izd-vo «Gelikon». T. 1.
- 3- Belyj A. (1911). *Svjashhennye cveta* // Arabeski. Kniga statej. – Moskva, 1911. [Elektronnyj resurs] URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_07_1903_arabesky.shtml (data obrashhenija: 2.02.2018).
- 4- Iz literaturnogo nasledstva Andreja Belogo (1937). *Vospominanija. T. III, chast' II (1910-1912). Predislovie B. Kuz'mina. Publikacija K. Bugaevoj*. // Literaturnoe nasledstvo. T. 27-28. – Moskva: Izd-vo «Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie». – S. 409-456.
- 5- Puteshestvie na Vostok (1988). *Pis'ma Andreja Belogo. Vstupit. ctat'ja, publ. i komment. N.V. Kotreleva* // Vostok – Zapad. Issledovanija. Perevody. Publikacii. – Moskva: Izd-vo «Nauka». – S. 143-178.
- 6- Hodasevich Vl. (2008). *Andrej Belyj* // Andrej Belyj. Peterburg. Stihotvorenija. – Moskva: Izd-vo «Jeksmo». – S. 7-16.
- 7- Chach E.A. (2012). *Russkij intellektual na Vostoke v jepohu Serebrjanogo veka: opyt tipologizacii* // Istorija i kul'tura. Sankt-Peterburgskij gos. un-t. № 9(9). – S. 163-203.
- 8- Shatin Ju.V. (2015). *Afrika Andreja Belogo i Nikolaja Gumileva: liki traveloga* // Russkij travelog XVIII-XX vekov. Pod. red. T.I. Pecherskoj. Novosibirsk. – S. 378-392.
- 9- Shahmatova E.V (2017). *Mifologema «Vostok» v filsofsko-jezotericheskom kontekste kul'tury Serebrjanogo veka*. Дис. ... dok. fil. n. –Москва.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ельцова Е. Н. (2020). The Image of the Arab East in the Travel Literature of the Silver Age. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 8(1), 67-82.

DOI: 10.29252/iarll.15.67

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/109>

Professionally-Oriented Linguodidactics: Formation of Research Competence of Students Who Learn Russian

Pakhalkova-Soich Tetiana Vladimirovna¹

Associate Professor, Kharkiv National University of Radio Electronics,
Kharkiv, Ukraine.

Morozova Lana Jur'evna²

Associate Professor, Kharkiv National University of Radio Electronics,
Kharkiv, Ukraine.

(date of receiving: April, 2019; date of acceptance: September, 2019)

Abstract

Modern trends in the educational paradigm cause increased attention to the professional training of students. The acquisition of professional knowledge depends on the knowledge of the language of the specialty for students. Training provides for a focus on the content of educational material and on activities that are made up of techniques and operations that form professional skills. The effectiveness of training depends on the correct choice of principles, approaches, methods, receptions and ways of teaching, the pedagogical conditions of professionally oriented learning to have been determined. The main topics and corresponding typical communicative situations are singled out, on the basis of the analysis of the professional speech of engineers. Teaching professionally oriented dialogical speaking of foreign students of engineering specialties of higher educational institutions can be presented as a linguodidactic model. Linguodidactic model formed on the basis of modern requirements for vocational training. It reflects the purpose and content of education, outlines the pedagogical conditions of the formation process and the final result — the formation of professionally oriented dialogical speech in students.

Keywords: Communicative Competence, Professionally Oriented Linguodidactics, Situationality, Creative Self-Expression, Professional Aspect.

1. E-mail: p-soich@rambler.ru

2. E-mail: lanmoroz@rambler.ru

**Профессионально-ориентированная лингводидактика:
формирование исследовательской компетенции студентов,
изучающих русский язык**

Пахалкова-Соич Татьяна Владимировна¹

Доцент, Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
Харьков, Украина.

Морозова Лана Юрьевна²

Доцент, Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
Харьков, Украина.

(дата получения: апрель 2019 г.; дата принятия: сентябрь 2019 г.)

Аннотация

Современные тенденции образовательной парадигмы обуславливают повышенное внимание к профессиональной подготовке студентов, для которых получение профессиональных знаний зависит от владения языком специальности. Обучение предусматривает направленность на содержание учебного материала и на деятельность, которая складывается из приемов и операций, формирующих профессиональные умения. Результативность обучения зависит от правильного выбора принципов, подходов, методов, приемов и способов обучения, благодаря которым были определены педагогические условия профессионально ориентированного обучения. На основе анализа профессиональной речи инженеров выделяют основные темы и соответствующие им типовые коммуникативные ситуации. Обучение профессионально ориентированному диалогическому говорению иностранных студентов инженерных специальностей высших учебных заведений можно преподнести в виде лингводидактической модели, образованной на основе современных требований к профессиональной подготовке, которая отображает цель и содержание образования, очерчивает педагогические условия процесса формирования и конечный результат – сформированность профессионально ориентированной диалогической речи у студентов.

Ключевые слова: Коммуникативная Компетенция, Профессионально-Ориентированная Лингводидактика, Ситуативность, Творческое Самовыражение, Профессиональный Аспект.

1. E-mail: p-soich@rambler.ru

2. E-mail: lanmoroz@rambler.ru

Введение

В условиях расширения международного сотрудничества учет специфики профессии приобрел приоритетное значение в обучении иностранному языку. Иноязычное общение становится существенным компонентом профессиональной деятельности специалистов.

Изучение русского языка становится не самоцелью, а средством достижения цели – повышения уровня образованности, эрудиции в рамках своей специальности. Учет специфики профилирующих специальностей, по нашему убеждению, должен осуществляться по таким направлениям: работа со специальными текстами, изучение специальных тем для развития устного высказывания, создания грамматических и лексических материалов для активизации уровня владения научным стилем речи студентов (Образцов 2005. 61). Материал, необходимый для изучения иностранного языка, должен отвечать следующим требованиям: актуальность содержания, информативность, конкретная тематика общения, мотивированность профессиональной деятельностью студента. Важно использовать аутентичные источники научно-популярной литературы, периодические издания последних лет, Интернет.

Проблема оптимизации обучения профессиональной речи иностранных студентов инженерно-технических вузов представлена различными аспектами: исследованиями в языковой компетенции, определением качества устного высказывания и др.

Целью профессионально ориентированного обучения является формирование коммуникативной компетенции иностранных студентов, а именно, владение нормами современного русского языка, терминологией, вербальными и невербальными способами общения, культурой профессионального говорения. Профессионально ориентированное обучение

предусматривает направленность, как на содержание учебного материала, так и на деятельность, складывающуюся из приемов и операций, которые формируют профессиональные умения. Результативность обучения зависит от правильного выбора принципов, подходов, методов, приемов и способов обучения.

В основу системы обучения легли общие принципы – научность, системность, последовательность и перспективность, доступность, связь теории с практикой, активность, самостоятельность и специальные принципы – ситуативность, профессионально-коммуникативная направленность (Дроздова 2009. 56-62). Следуя этим принципам, были определены педагогические условия профессионально ориентированного обучения. Такие виды учебной деятельности, которые максимально активизируют студентов, способствуют их творческому самовыражению (дискуссии, презентации, конференции, проектная работа и пр.) (Пахалкова-Соич 2016. 174).

Важным аспектом для активизации обучения является создание условий для самостоятельной познавательной деятельности студентов, формирование познавательных умений для индивидуально-творческой деятельности. При этом со студентом осуществляется индивидуально-дифференцированная работа.

Основная часть

Изучение иностранного языка – это активный процесс, в качестве основы которого выступает умение применять иностранный язык в нужной ситуации.

Важной составляющей научно-исследовательской работы студентов, их подготовки к будущей профессиональной деятельности являются научно-практические конференции.

Задачами конференции являются: привлечение студентов к поисково-исследовательской работе и решению проблем, которые имеют практическое

значение для развития науки, культуры; формирование у студентов навыков самостоятельной работы по изучению дисциплин, не входящих в учебные планы и программы; повышение качества подготовки специалистов за счет творческого подхода к усвоению студентами дополнительного учебного материала; стимулирование заинтересованности молодежи к актуальным проблемам современности; создание условий для реализации инновационного потенциала молодежи; формирование творческих связей и расширения международных отношений.

Студент должен уметь работать с научно-техническим текстом, а для этого необходимо знать особенности письменной и устной форм научного стиля, а значит знать нормы и правила невербальной коммуникации профессионального общения и владеть нормами построения и языкового оформления научных текстов. Студент должен уметь подготовить и провести публичное выступление, научную беседу или дискуссию.

Обучение иностранному языку в нелингвистическом высшем учебном заведении предусматривает широкое использование иноязычной литературы по специальности. Работа с профессиональными текстами способствует как реализации учебных целей в плане овладения иностранным языком, так и решению других заданий, а именно: знакомство с публикациями по определенной профессиональной тематике, выявление новых тенденций зарубежных исследований в этой отрасли, поиск и отбор материала для научной работы и практической деятельности. Среди эффективных приемов работы с текстами по специальности важное место занимает подготовка доклада для выступления, поскольку она предусматривает, кроме сугубо чтения и перевода, еще и анализ содержания прочитанного для исключения значимой информации и синтеза этой информации в процессе создания вторичной компрессии текста. Создавая такой текст, студенты приобретают навыки самостоятельного исключения, обработки и трансформации

информации. Однако, следует признать, что сжатое обобщение информации является непростым заданием для студентов и требует соответствующих умений и навыков.

Написанию статьи предшествует работа с научными источниками. Умение переработать первичные документы, то есть документы, несущие информацию, является одной из важнейших составных частей информационной деятельности. Для этого студентам необходимо овладеть разными приемами языкового выражения, такими как, во-первых, лексическое свертывание, которое состоит в замене словосочетания словом. Во-вторых, синтаксическое свертывание, часто сопровождаемое лексической заменой. Компрессия в плане содержания широко применяется, причем преобразование текста идет через обобщение частных фактов, то есть носит характер синтеза. В-третьих, существует также вид компрессии, называемый свертыванием промежуточных операций. Научный текст (устный или письменный) адресован узкому кругу специалистов и рассчитан на наличие общего опыта, знаний, интересов и целей. Поскольку коммуникация в науке есть непрерывный процесс, отправитель сообщения описывает не все детали денотативной ситуации, а лишь новую о ней информацию, и выявляет связи этого нового с уже известным. То, что пропущено, но относится к делу, должно восприниматься слушателем за счет собственных знаний. В-четвертых, еще один вид компрессии называется опусканием и состоит в опускании деталей (Смирнова 1978. 156).

При подготовке доклада студенты используют различные печатные источники и статьи из сети Интернет. Преподаватель дает студентам список выражений, необходимых для языкового оформления доклада. В процессе обучения необходимо показать студентам, как суммируется текст, научить их выделять главное и оформлять свои мысли, используя предлагаемые связки. Написание доклада сложный процесс, осуществляя который необходимо

обеспечить максимальную полноту существенной информации при минимальном объёме доклада; соответствие свёрнутой информации доклада информации первоисточника; возможность дальнейшего поиска информации.

Следует отметить, что процесс свёртывания в немалой степени определяется видом первичного документа (монография, теоретическая или обзорная статья), языком, на котором он опубликован, стилем изложения. Большое внимание уделяется основным требованиям, предъявляемым к докладу, среди которых в первую очередь нужно отметить: доклад как информационный документ, который, раскрывая содержание работы, обращает внимание на новую информацию, содержащуюся в первоисточнике; содержание работы излагается объективно; докладу присуща характерная форма изложения, отличающаяся строгой последовательностью, постоянством структуры, предельным лаконизмом (Клейменова 1982. 160). Доклад состоит из заголовочной части, основной части и справочного аппарата.

Важное значение при подготовке к выступлению на конференции приобретают самостоятельность, оригинальность высказанных мнений, умение обосновать, опровергать заблуждения. Выступление с докладом о результатах научного поиска позволяет приобрести и определенное общественное признание среди других студентов, преподавателей, а это важно для будущего специалиста.

Подготовка письменного текста доклада на конференцию должна иметь четкую логическую структуру. Необходимо у студентов формировать способность к общению на русском языке, что предполагает формирование качеств, делающих эффективным процесс овладения языком как средством межкультурной коммуникации. А именно, интерес и положительное отношение к изучаемому языку, к культуре народа, говорящего на этом языке, общечеловеческое сознание, самостоятельность в определенных видах деятельности, понимание важности изучения русского языка.

Большое значение придается коммуникативному обучению, то есть подготовке студентов к иноязычному общению в условиях иноязычной коммуникации.

Для совместного определения преподавателем и студентом предполагаемого направления и формулировки тематики выступления предлагаются следующие критерии: актуальность проблемы, практическая направленность, наличие и доступность информации, профессиональные интересы студента, отражение полученного им практического опыта в научно-исследовательской работе и в профессиональной деятельности, интерес к теме доклада.

Для подготовки выступления с докладом на конференции определены следующие временные и содержательные требования: на выступление студента по конкретной теме на основе самостоятельно собранной информации отводится 5-10 минут; в содержании доклада должна быть обоснована актуальность проблемы, сформулирована главная тема и высказано отношение докладчика к излагаемому материалу, аргументированы собственные мнение и выводы.

Этап подготовки к студенческой конференции на русском языке проводится в форме общего обсуждения под руководством преподавателя, который помогает выбрать тему доклада, консультирует, помогает студенту делать обобщения и сопоставления материалов по теме сообщения. Студенты осваивают приемы поискового чтения, аудирования, перефразирования, обработки текста, способы сокращения и структурирования информации.

Собирая материал по теме доклада, студенты по ключевым словам проводят поиск в Интернете. О результатах первичного поиска материала для доклада по выбранной теме студент сообщает преподавателю-руководителю, предъявляя статьи и заметки, сайты Интернета, аудио- и видеоматериалы по выбранной теме на русском и на иностранных языках, которыми владеет студент.

В перечень упражнений, выполняемых на стадии объединения нового материала со старым, выполняются следующие виды коммуникативных упражнений: ситуативные, побуждающие учащихся к построению высказываний по собственной программе в определенной ситуации общения с использованием изучаемого лексико-грамматического материала. Упражнения такого типа необходимы, и для того, чтобы коммуникативно-деятельный подход не превратился в механическое использование готовых речевых образцов в готовых ситуациях, и для того, чтобы эти упражнения являлись переходом к речевым упражнениям, направленным на формирование речевых умений; коммуникативные, помогающие формированию в сознании учащихся функционально-грамматических обобщений. Эти упражнения позволяют учащимся осознать место проблемы доклада в системе аналогичных; коммуникативные, которые способствуют предотвращению ошибок, появляющихся у учащихся вследствие возможной интерференции.

Сообщение на студенческой конференции должно содержать материалы научного характера и вместе с тем должно быть понятно неспециалисту. Кроме того, желательно, чтобы студент при подготовке к выступлению на конференции заранее продумывал, какие вопросы ему могут быть заданы по теме его выступления и готовился ответить на них.

По мере необходимости студент во внеаудиторное время обсуждает с преподавателем содержание, способы оформления и презентации доклада.

При подготовке к докладу используются речевые ситуации, тренировочные упражнения и вербально-зрительные опоры, которые имитируют ситуацию «Выступление на конференции». Поэтому преподаватель использует различные виды монологической речи, ролевые игры, а также создание системы ситуативных упражнений для эффективного формирования и совершенствования навыков устной речи.

Здесь выполняются следующие задачи: формируется у студентов мотивация к изучению русского языка, вырабатываются практические умения и навыки говорения в различных сферах общения, формируется коммуникативная компетенция, речевая культура, развиваются творческие способности, вырабатывается культура полемики, критическое мышление, анализ изученного, гуманистическое мировоззрение.

При подготовке иностранных студентов к докладу необходимо: подобрать материал по научной теме на русском и родном языке и перевести его на русский язык; обработать материал на русском языке и отредактировать его с научным руководителем; сформировать собственное мнение о прочитанном, подготовить выступление (обсудив его с научным руководителем и с преподавателем русского языка) и презентацию на русском языке (если необходимо – раздаточный материал). В ходе подготовке к выступлению иностранный студент должен изучать как минимум пятнадцать-двадцать новых слов, каждый день, усваивать незнакомые выражения.

Кроме того, большое внимание следует уделить обработке специальных клише, характерных для научного стиля и выступления. В научной речи есть целый ряд таких стереотипов, которые облегчают процесс коммуникации, экономят усилия, энергию и время докладчика.

Классификация речевых клише строится на понятийной основе, в данном случае это структура работы, например: общая характеристика работы; задачи, которые ставит автор; оценка полученных результатов исследования; подведение итогов, выводы по работе.

После подготовки текста возникает необходимость создания презентации к выступлению. Это важная творческая и сложная работа в ходе процесса обучения, поскольку она предполагает не только трансформацию текста оригинала, но и одновременное использование нескольких информационных

сред: текста, графики, фотографий, видеоматериалов, анимации, звукового сопровождения, и пр. Кроме предметных компетенций, презентация способствует формированию рациональных приемов мышления и повышению информационной культуры.

Здесь необходимо выполнить семантические операции по преобразованию текста связаны с целым комплексом операций, таких как сравнение, анализ, синтез, обобщение, абстракция и конкретизация. Реконструкция текста распадается на следующие операции: а) исключение материала, б) цитирование, в) перемещение отдельных отрезков, г) дополнение, д) сгущение или сжатие того, что в подлиннике детализировано, е) замена одного содержания другим, равнозначным по смыслу (Вейзе 1985. 51-52).

Ситуация понимания обуславливает возможность компрессии, а значит, возможность успешно создать презентацию. «Понимание текста при чтении включает две последовательные ступени: ступень языкового понимания и ступень извлечения смысла» (Вейзе 1985. 52). Цель текстовой компрессии – кратко изложить основное содержание, основную идею текста-оригинала.

Конференция помогает формировать навыки говорения через систему использования различных методов и форм обучения на уроках русского языка. Применение на практике различных методов и форм обучения при формировании навыков говорения, предоставляет возможность преподавателю повысить эффективность учебного процесса и уровень знаний студентов, а также направить учебно-воспитательный процесс на взаимопонимание, взаимодействие, решение проблем, важных для каждого из участников учебного процесса.

Участие студентов в конференции является показателем высокого уровня овладения учащимися русским языком как средством общения, приобретение учащимися навыков разговорного русского языка и умений практически их использовать в соответствии с ситуацией общения.

Выступление с докладом (говорение) – это сложный процесс, который тесно связан с формированием и совершенствованием лексико-грамматических навыков, умением использовать их для развития неподготовленной речи. В этом процессе выделяем:

- формирования монологических умений. На этом этапе нужно использовать речевые упражнения, направленные на использование средств межфразовой связи, характерных для определенного типа монолога (доклада);

- построение микромонолога. Обучение монологической речи осуществляется с помощью различных опор: изобразительных (таблицы, фотографии, диаграммы, схемы и др.), вербальных, комбинированных. При этом речь студентов не детерминируется, а лишь направляется и мотивируется коммуникативными задачами;

- обучение студентов создавать монологические высказывания текстового уровня различных типов речи в необходимом объеме (текст доклада). Для этого необходимо развитие умений выражать свое личное отношение к фактам или событиям, формулировать критическую оценку и доказывать правильность собственного мнения, включать в свою речь элементы рассуждения, аргументации. Студенты должны заранее усвоить ряд словосочетаний и штампов, характерных для монологической речи.

Важным педагогическим условием эффективного обучения иностранных студентов является информационно-методическое сопровождение, которое обеспечивают учебные планы и программы, методические рекомендации к ним, научные пособия, информационно-справочные и другие учебно-методические материалы, комплексы различных форм учебных занятий, технические средства обучения, дидактические материалы к ним.

Эффективность обучения зависит от отбора методов и приемов, подходов, использования педагогических технологий. В ходе обучения профессионально ориентированной речи используются традиционные (познавательные

(когнитивные)), которые базируются на взаимосвязи разных видов языковой деятельности), и инновационные (активные, интерактивные, аудиолингвальные, аудиовизуальные, коммуникативные, творческие), организационные и другие методы.

Таким образом, методика обучения профессионально ориентированной речи иностранных студентов инженерных специальностей охватывает несколько этапов.

Особое внимание заслуживает подготовительный этап. Его целью является подбор актуальных тем, типовых коммуникативных ситуаций, (например, запросить информацию о событии, о характере изучаемых объектов, их признаках, структуре, применении, использовании, функционировании; описать явления, методику исследования и пр.; прокомментировать устройство, предложить иной вариант решения поставленной задачи, сделать вывод (заключение), подвести итог рассуждению и т.д.); определение социально-коммуникативных ролей участников общения; создание тематических словарей профессиональной лексики и подготовка иностранных студентов к исследовательской деятельности. Здесь следует не забывать о существовании в любом научном тексте прагматического плана, при анализе которого нужно учитывать: собственно прагматику текста, т.е. то обязательное свойство всякого текста, которое отражает отношение адресанта к объекту коммуникации, к самому коммуникативному акту и через него к адресату; адресанта и адресата, которые в научном тексте присутствуют опосредованно и совпадают по таким параметрам, как общая научная специальность и принадлежность к одному направлению; прагматическую установку научного текста – убеждение с помощью логического обоснования; прагматическое содержание, включающее цель передачи содержания (коммуникативно-информативную), условия (преимущественно официальную обстановку с установкой на опосредованное общение) и намерение отправителя (передать

необходимое сообщение кратко, информативно, наглядно); программируемый прагматический эффект, о котором можно судить только по данным обратной связи.

На основе анализа профессиональной речи инженеров выделяют основные темы и соответствующие им типовые коммуникативные ситуации, которые обеспечивают привлечение студентов к профессионально ориентированной коммуникации, например, программная среда – оператор, инженер – машина, техническое задание – исполнитель, инженер системотехник – инженер-программист, инженер – вспомогательный персонал, фирма-заказчик – инженер.

Наиболее актуальными для профессиональной деятельности будущего инженера определены темы, такие как «Научно-исследовательский институт», «Техническое бюро», «Телекоммуникационные системы и сети», «Тестирование компьютерных программ», «Биомедицинская электроника», «Компьютерно-инженерные технологии в программировании», «Интеллектуальные системы принятия решений» и др.

На этом этапе был разработан спецкурс «Основы информационной терминологии», главная цель которого – обогащение словарного запаса студентов-иностранцев инженерной терминологией и совершенствование уровня владения специальной лексикой русского языка. Содержание спецкурса – состав и семантика инженерной лексики, грамматические и словообразовательные особенности инженерных терминов, орфоэпические нормы.

Увеличение словарного запаса профессиональными терминами осуществляется на основе использования Поурочного словаря по информатике (русский, украинский, английский, французский, арабский, турецкий, китайский, вьетнамский языки) для студентов-иностранцев (Морозова 2017. 43), созданного в Харьковском национальном университете радиоэлектроники.

Задача словаря – дать пояснение основных терминов и предложить их перевод, продемонстрировав функционирование наиболее употребительных словосочетаний.

В словарь вошли профессионально ориентированные слова и словосочетания разнотипные по структуре языковые средства, необходимые в различных профессионально языковых ситуациях. Преимуществом словаря являются дидактические принципы наглядности и иллюстрированности: в приложении использованы иллюстрации, таблицы. Для пополнения словарного запаса студентов профессиональной лексикой важен содержательный аспект, который включает презентацию и семантизацию терминоединиц инженерной сферы в рамках обозначенных тем и ситуаций. Основными приемами семантизации были: пояснение значений слов через описание, толкование, подбор синонимов и антонимов, указаний на словообразовательную ценность слова или его внутреннюю форму; использование контекста, перевода или иллюстративного материала, наглядной семантизации, комплексного комментария и др.

Усвоение слова-термина данной специальности начинается с акустического восприятия и проговаривания его слухового образа. Это так называемый этап внешней речи и моторной реализации. Для того чтобы каждый этап в усвоении терминологической лексики проходил с максимальной эффективностью, необходимо «включать» у студентов механизм импринтинга, «когда в памяти образуется как бы ловушка для слова, благодаря чему оно и запечатлевается» (Леонтьев 1983. 126). Таким образом, начальным этапом по формированию у студентов лексико-терминологической основы для построения монологического высказывания является создание мотива и связанной с ним речевой интенции, побуждающих к высказыванию.

Обогащение словарного запаса происходило благодаря прослушиванию фонограмм, просмотру видеофрагментов, работе с дидактическими и справочными материалами. Проводилась работа, направленная на

активизацию у студентов предыдущих знаний терминологической лексики. Осознание и запоминание студентами лексических единиц на основе усвоения тематическо-функциональных групп помогает выработке умений правильно употреблять слова в соответствии с определенной ситуацией общения. Активизация словарного запаса предусматривает создание системы упражнений на совершенствование лексической компетенции, при этом обучение осуществлялось на уровне слова, словосочетания, предложения, сверхфразового единства.

Студентам были предложены условно-коммуникативные и коммуникативные упражнения, в которые вошли как рецептивно-репродуктивные, рецептивно-продуктивные, так и упражнения творческого характера, которые способствовали активной самостоятельной языковой деятельности на основе моделирования профессионально-коммуникативного поведения в типовых ситуациях профессионально-коммуникативной деятельности. Учебные ситуации создавались на основе профессионально ориентированного, коммуникативно-деятельного, личностно ориентированного и компетентностного подходов. Использование коллективно-групповых форм организации обучения, в том числе подготовка студентов к конференции предусматривали погружение студентов в активную языковую деятельность. Конечным результатом работы на этом этапе было создание самостоятельных высказываний в процессе профессионально ориентированного общения.

Завершающим этапом является овладение иностранными студентами профессионально ориентированным диалогическим говорением разных функциональных типов. Ведущие методы этого этапа: моделирование, профессионально ориентированные ролевые и деловые игры, проблемный, кейс-метод, проблемно-поисковый (беседы, дискуссии), «мозговой штурм», система коммуникативных упражнений.

Разработанная методика осуществлялась с учетом основ профессионально-языковой культуры, обеспечения единства психолингвистического, профессионального, духовного, социокультурного и межкультурного аспектов развития профессионально ориентированного говорения иностранных студентов.

Конечным результатом этого этапа стало формирование у студентов-иностранцев умений и навыков самостоятельно создавать диалоги (полилоги) разных функциональных типов, регулировать коммуникативное поведение, творчески самореализоваться во время профессионально ориентированного диалогического общения (Пугачев 2016. 87).

В процессе обучения большое внимание уделялось организации самоконтроля студентами собственной устной языковой деятельности, а именно, стимулирование оценочно-контрольных действий в процессе учебно-языковой деятельности. Содержательный аспект включал работу с таблицами само- и взаимооценок, осуществление контроля собственного высказывания и высказываний своих коллег на основе сопоставления выполненных заданий по образцам, исправление ошибок. Конечным результатом было овладение студентами профессионально ориентированным диалогическим говорением, умение контролировать, совершенствовать собственную речь и правильно оценивать речевую деятельность как свою, так и своих коллег.

Заключение

Таким образом, обучение профессионально ориентированному говорению иностранных студентов инженерных специальностей высших учебных заведений можно преподнести в виде лингводидактической модели, образованной на основе современных требований к профессиональной подготовке, которая отображает цель и содержание образования, очерчивает педагогические условия процесса формирования и конечный результат –

сформированность профессионально ориентированной диалогической речи у иностранных студентов.

Участие в конференции с сообщением по материалам своей научной работы помогает студенту в дальнейшем, при подготовке к защите дипломной работы.

Предлагаемая нами методика организации и проведения студенческой конференции способствует в ходе подготовки к выступлению совершенствованию иноязычной коммуникативной и межкультурной компетенций студентов в целом, повышает уровень владения иностранным языком. Студенты закрепляют на практике приемы поискового чтения и аудирования, приемы работы с текстом, способы презентации информации. Подготовка монологического высказывания по выбранной теме имеет и общепедагогическую значимость: они начинают понимать, что культурный человек начала XXI в. – это человек, умеющий интерпретировать информацию, и благодаря раскрытым прагматическим пластам текстов находящий общие точки отсчета при обсуждении нового события. Такая работа формирует жизненную и профессиональную позицию будущих инженеров, в докладе студенты отражают не только логику позиций инженеров, но и коммуникативную интенцию авторов публикаций, используемых при подготовке к докладу текстов.

Литература

- 1- Вейзе А.А. (1985). *Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста*. – Москва: Изд-во «Высшая школа».
- 2- Дроздова И.П. (2009). *Ведущие принципы профессиональной речи студентов нефилологических специальностей средствами украинского языка // Межпредметные связи*. – Харьков: №15 С.56-62.
- 3- Клейменова Е.П. (1982). *О реферировании как о способе конденсирования научного текста // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков*. Выпуск 6 – Москва: Изд-во «Моск. ун-та», С.157–164.

- 4- Леонтьев А.А., Китайгородская Г.А. (1983). *Содержание и границы понятия «Интенсивное обучение»* // Краткосрочное обучение русскому языку иностранцев: Формы и методы. – Москва: Изд-во «Русский язык» С.57-64.
- 5- Логинова А.В. (2015). *Навыки преподавания XXI века как условие и показатель качества образовательного процесса* / Молодой ученый. №11 (91) С.72-75.
- 6- Морозова Л.Ю. (2017). *Поурочный словарь по информатике (русский, украинский, английский, французский, арабский, турецкий, китайский, вьетнамский языки) для студентов-иностранцев подготовительных факультетов.* – Харьков: Изд-во «ХНУРЭ».
- 7- Образцов П.И. (2005). *Проектирование и конструирование профессионально-ориентировочной технологии обучения* / П.И. Образцов, А.И. Ахулкова, А.Ф. Черниченко. – Орел: Изд-во «ОГУ».
- 8- Пахалкова-Соич Т.В., Морозова Л.Ю. (2016). *Формирование лингвокультурологической компетентности у студентов, изучающих русский язык в условиях билингвизма* / Вестник 30. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. – Будапешт. С.171-176.
- 9- Пугачев И.А. (2016). *Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному: теория, практика, технологии: монография.* – Москва: Изд-во «РУДН».
- 10- Смирнова Л.Н. (1978). *Реферативный перевод: компрессия на смысловом уровне* // Иностранный язык для научных работников. – Киев. С.154–167.

Bibliography

- 1- Vejze A.A. (1985). *Chtenie, referirovanie i annotirovanie inostrannogo teksta.* – Moskva: Izd-vo «Vysshaja shkola».
- 2- Drozdova I.P. (2009). *Vedushhie principy professional'noj rechi studentov nefilologicheskikh special'nostej sredstvami ukrainskogo jazyka* // Mezhpredmetnye svjazi. – Harkov: №15 S.56-62.
- 3- Klejmenova E.P. (1982). *O referirovanii kak o sposobe kondensirovanija nauchnogo teksta* // Voprosy lingvistiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. Vypusk 6 – Moskva: Izd-vo «Mosk. un-ta», S.157–164.
- 4- Leont'ev A.A., Kitajgorodskaja G.A. (1983). *Soderzhanie i granicy ponjatija «Intensivnoe obuchenie»* // Kratkosrochnoe obuchenie russkomu jazyku inostrancev: Formy i metody. – Moskva: Izd-vo «Russkij jazyk» S.57-64.
- 5- Loginova A.V. (2015). *Navyki prepodavanija XXI veka kak uslovie i pokazatel' kachestva obrazovatel'nogo processa* / Molodoj uchenyj. №11 (91) S.72-75.
- 6- Morozova L.Ju. (2017). *Pourochnyj slovar' po informatike (russkij, ukrainskij, anglijskij, francuzskij, arabskij, tureckij, kitajskij, v'etnamskij jazyki) dlja studentov-inostrancev podgotovitel'nyh fakul'tetov.* – Har'kov: Izd-vo «HNURJe».

- 7- Obrazcov P.I. (2005). *Proektirovanie i konstruirovanie professional'no-orientirovochnoj tehnologii obuchenija* / P.I. Obrazcov, A.I. Ahulkova, A.F. Chernichenko. – Orel: Izd-vo «OGU».
- 8- Pahalkova-Soich T.V., Morozova L.Ju. (2016). *Formirovanie lingvokul'turologicheskoj kompetentnosti u studentov, izuchajushhih russkoj jazyk v uslovijah bilingvizma* / Vestnik 30. *Sovremennij russkij jazyk: funkcionirovanie i problemy prepodavanija*. – Budapesht. S.171-176.
- 9- Pugachev I.A. (2016). *Professional'no orientirovannoe obuchenie russkomu jazyku kak inostrannomu: teorija, praktika, tehnologii: monografija*. – Moskva: Izd-vo «RUDN».
- 10- Smirnova L.N. (1978). *Referativnyj perevod: kompressija na smyslovom urovne // Inostrannyj jazyk dlja nauchnyh rabotnikov*. – Kiev. S.154–167.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Пахалкова-Соич Т. В. & Морозова Л. Ю. (2020). Professionally-Oriented Linguvodidactics: Formation of Research Competence of Students Who Learn Russian. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 8(1), 83-102.

DOI: 10.29252/iarll.15.83

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/110>

Playing Technologies as Mean for Development of Linguistic Competence of Foreign Students during Studying of Language History

Sarapas Marina Vladimirovna¹

Associate Professor, Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia.

(date of receiving: July, 2019; date of acceptance: December, 2019)

Abstract

There is increasing of the interest to playing technologies extensively using in educational space at the modern stage of teaching of Russian as a foreign language. Playing activity causes students' linguistic competence building and allows beefing up their background knowledge. The one of the most efficient mean for arouse an interest to Russian language history is didactic game. Using of various playing technologies in auditory of other languages causes the increasing of interest to Russian language and its history. Linguistic facts become more accessible and understandable. The main attention during material take-off for historical commentary should be paid to its practical focus that provides the formation of communicative, linguistic and culturological competence of foreign students. The article presents didactic principles of material take-off for playing technologies, adduces examples of linguistic games oriented to training of difficult for foreign students themes related to Russian language history such as orthography, phonetic, grammar.

Keywords: Russian as a Foreign Language, Teaching Methodology of Russian as a Foreign Language, Russian Language History, Playing Technologies, Didactic Game.

1. E-mail: sarapas@yandex.ru

Игровые технологии как средство развития лингвистических компетенций иностранных студентов при изучении истории языка

Сарапас Марина Владимировна¹

Доцент, Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия.

(дата получения: июль 2019 г.; дата принятия: декабрь 2019 г.)

Аннотация

На современном этапе преподавания русского языка как иностранного наблюдается рост интереса к игровым технологиям, активно используемым в образовательном пространстве. Игровая деятельность способствует повышению лингвистической компетенции обучаемых, а также позволяет расширить их фоновые знания.

Дидактическая игра является одним из наиболее действенных средств, способных вызвать интерес к истории русского языка. При использовании в иноязычной аудитории различных игровых технологий интерес к русскому языку, к его истории возрастает, языковые факты становятся для иностранных студентов более доступными и понятными.

При отборе материала главное внимание должно быть уделено его практической направленности, что обеспечивает формирование у иностранных студентов коммуникативной, языковой и культуроведческой компетенции.

В статье представлены дидактические принципы отбора языкового материала для игровых технологий, приводятся примеры лингвистических игр, направленные на отработку трудных для иностранных студентов орфографических, фонетических и грамматических тем, связанных с историей русского языка.

Ключевые слова: Русский Язык Как Иностранный, Методика Обучения Русскому Языку Как Иностранному, История Русского Языка, Игровые Технологии, Дидактическая Игра.

1. E-mail: sarapas@yandex.ru

Введение

На современном этапе преподавания русского языка как иностранного наблюдается рост интереса к игровым технологиям, активно используемым в образовательном пространстве. Игровая деятельность способствует повышению лингвистической компетенции обучаемых, связанной с углублением их знаний о языке, его устройстве, развитии и функционировании, с овладением основными нормами русского литературного языка, обогащением словарного запаса и грамматического строя речи, совершенствованием способности к анализу и оценке языковых явлений и фактов, а также позволяет расширить их фоновые знания.

Термин «дидактическая игра» был введён Ф. Фребелем и М. Монтессори в начале XX века. В методике преподавания русского языка как иностранного игра стала использоваться как элемент обучения в 70-х годах XX в., что было связано с внедрением коммуникативной методики в практику обучения иностранным языкам.

Популяризации игровых методик способствовало и развитие метода интенсивного обучения, в частности методика Г.А. Китайгородской, построенная, кроме суггестивных принципов, на активном использовании принципов игровой организации обучения.

Основная часть

Рост интереса к игровым технологиям, активно используемым в современном образовательном пространстве, объясняется их мотивирующим потенциалом. К тому же игры часто становятся «средством формирования культуры выходов из кризисов с помощью рефлексии» (Крючкова 2009. 70). Современные учебные пособия уже трудно представить без игровых заданий.

Дидактическая игра является одним из наиболее действенных средств, способных вызвать интерес к истории русского языка. При использовании в

иноязычной аудитории различных игровых технологий интерес к русскому языку, к его истории возрастает, языковые факты становятся для иностранных студентов более доступными и понятными. Многие факты современного русского языка трудно объяснить, не обращаясь к истории языка. Исторические справки могут явиться ценным средством создания на уроках и во внеурочной деятельности разного рода проблемных ситуаций.

При отборе материала главное внимание должно быть уделено его практической направленности, что обеспечивает формирование у иностранных студентов коммуникативной, языковой и культуроведческой компетенции.

Рассмотрим примеры заданий лингвистических игр при изучении раздела «Фонетика и графика». Прежде всего, иностранным учащимся необходимо дать исторические сведения об одной из первых славянских азбук – кириллице, созданной славянскими первоучителями, свв. братьями Кириллом и Мефодием.

Русская азбука прошла долгий путь развития, в результате которого в ней закрепилось 33 буквы. Однако первоначально в кириллице, созданной славянскими первоучителями, свв. братьями Кириллом и Мефодием, буквенных символов было гораздо больше – 43. Взятый за основу греческий алфавит был дополнен буквами, призванными передавать специфические звуки славянской речи. При этом некоторые из букв славянской азбуки оказались дублетными, например, перенесённые из греческого алфавита «ο» и «ω» служили обозначением разных звуков греческого языка, [o] краткого и [o] долгого, но в славянских языках эти звуки не различались; также в кириллице было 3 буквы для обозначения звука «и»: и – ижеи, или и- десятиричное, і – иже, или и-восьмиричное и ижица; две буквы для обозначения звука «з»: зело и земля и две буквы для обозначения звука «ф»: фита и ферг; буквы Ѣ (кси) и Ѥ (пси) были дублетами буквосочетаний «кс» и «пс», поскольку предназначались для передачи частотных в греческом, но редких в славянском

языке сочетаний [кс] и [пс]. Возникает вопрос: зачем такая избыточность? Дело в том, что славяне вслед за греками использовали буквы не только для обозначения звуков речи, но и для обозначения чисел. За каждой буквой греческого алфавита было закреплено особое числовое значение. Были буквы для обозначения единиц, десятков и сотен, поэтому и такое большое количество букв в кириллице, и по несколько букв для обозначения одного и того же звука.

Современному количественному и качественному состоянию русской азбуки способствовал целый ряд реформ. Две фундаментальных реформы - это реформа графики Петра I (1707 – 1710 гг.) и орфографическая реформа 1917 – 1918 гг., а между ними три менее значимые реформы, проведённые Академией наук в 1735, 1738, 1758 гг.

Исторические изменения алфавитно-буквенного состава русской азбуки условно можно разделить на три группы:

- 1) исключение букв, заимствованных из греческого алфавита и с самого начала ненужных для передачи звуков славянской речи, а также букв, ставших ненужными вследствие исторических изменений в фонетике русского языка;
- 2) изменение в значении и применении некоторых букв в соответствии с историческими изменениями в звуковом строе русского языка;
- 3) введение в русскую азбуку недостающих новых букв.

Рассмотрим все эти изменения в хронологической последовательности по группам.

К началу XVIII в. в русской азбуке было 9 ненужных букв, заимствованных из греческого алфавита. Суть петровской реформы заключалась в упрощении состава русской азбуки за счёт исключения из неё таких избыточных букв, как «пси», «кси», «омега», «ижица», «ять», «юс малый» (остальные три юса – юс

малый йотированный, юс большой и юс большой йотированный – перестали применяться в русском письме ещё раньше), упразднении омофоничных пар «ижеи — иже» (И-І), «зело — земля» (S-З), «фита – ферт» (ѣ - ф). Однако впоследствии часть этих букв была восстановлена в употреблении.

В 1708 году был создан новый русский, так называемый «гражданский», шрифт, причём в изготовлении эскизов букв принимал активное участие сам Пётр I, который исключил из русской азбуки 8 из девяти вышперечисленных букв: пси, кси, омегу, ижицу, юс малый, а также ферт (оставив фиту), землю (оставив зело), иже (і), оставив ижеи (и). Однако впоследствии большинство из этих букв Пётр I восстановил и в учебную азбуку 1710 года не вошли только юсы, пси и омега. В 1710 году был утверждён образец нового шрифта азбуки. В ходе введения гражданского шрифта появилась буква Э («Э» оборотное), для того чтобы отличать её от йотованной буквы Е, а юс малый был вытеснен буквой Я (восходящей к одному из его скорописных вариантов). В результате этого с 1711 по 1735 годы русские гражданские книги набирались различно – то одним, то другим составом азбуки.

В гражданском шрифте впервые устанавливаются прописные (большие) и строчные (малые) буквы. Всем буквам были приданы более округлые и простые начертания, приближавшие гражданский печатный шрифт к широко распространенному в те годы в Европе латинскому шрифту «антиква». Отменены были надстрочные знаки: придыхания, «силы» (значки ударений), титла (сокращения), которые активно использовались в древнерусских текстах для экономии писчего материала. Под титлами писали слова, часто употребляемые в текстах и понятные всем пишущим и читающим, такие как: бог, богородица, господь, ангел, отец, сын и другие. Также титла употреблялись для написания чисел: над буквой ставилась скобочка – значок титла и точки по бокам. В результате петровской реформы были отменены числовые значения славянских букв и окончательно введена арабская

цифровая система. Главное же значение графической реформы состояло в том, что она предоставляла большие возможности для развития русского литературного языка.

Реформа Петра I повлекла за собой ряд других реформ, осуществлённых Академией наук. В 1735 году Академией наук были дополнительно исключены буквы кси, ижица, зело. В 1738 году *i* – десятиричное стало писаться с одной точкой вместо двух и упорядочено употребление этой буквы: перед гласными звуками, перед *и* – восьмиричное и в слове «*мир*» (в значении «вселенная»). А в 1758 году Академия наук снова восстанавливает ненужную ижицу.

К началу 20 века в русской азбуке всё ещё оставалось 4 ненужных буквы для передачи русской речи: *i* – десятиричное (*i*), фита, ижица, ять. Все эти буквы были окончательно упразднены орфографической реформой 1917 – 1918 годов. Наибольшие споры вызывал вопрос, какую из двух «*i*» оставить («*i*» или «*и*»). Аргументы в пользу «*i*»: 1) желательность приближения русского алфавита к западноевропейским (в латинице именно такой вид имеет буква «*i*»); 2) экономия бумаги при письме и печати; 3) «*i*» отличалась гораздо лучшей различимостью («*i*» слишком похожа по своей форме на две другие русские буквы – «*н*» и «*п*»). Но победу одержали сторонники «*и* – восьмиричного», аргументируя это тем, что данная буква чаще употреблялась и её сохранение приведёт к меньшему изменению традиционной графики русского письма.

Вопрос о реформировании русского письма занимал в разное время умы многих ученых и литераторов. Так, М.В. Ломоносов написал в 50-е годы XVIII века юмористический «Суд российских письмен...», в котором Грамматика выносит на суд Разума и Обычая «великие распри о получении разных важных мест и достоинств» между русскими буквами.

Бурный всплеск интереса к различным филологическим и педагогическим проблемам, связанным с русской азбукой, возникает в 20-30-е годы XIX

столетия, после выхода в свет "Пространной русской грамматики" Н.И. Греча. В периодической печати появляются многочисленные отклики на предлагаемые Гречем изменения в составе русской азбуки, ведь в ней всё ещё оставались четыре буквы, ненужные для передачи русской речи: «і - десятиричное», «фита», «ижица», «ять».

Все эти буквы были окончательно упразднены орфографической реформой 1917 – 1918 гг., которая упростила русское письмо и вызвала серьёзную критику со стороны И. А. Бунина, И. А. Ильина, В. И. Иванова и других выдающихся деятелей литературы и науки.

Рассмотрим второй тип исторических изменений алфавитно-буквенного состава русской азбуки. Некоторые буквы русской азбуки изменили своё значение и применение в связи с историческими изменениями в звуковом строе русского языка. Это прежде всего касается букв Ъ и Ь.

Одним из основных фонетических процессов древнерусского языка, перестроившим его звуковую систему и приблизившим её к современному состоянию, был процесс падения, или утраты редуцированных. В древнерусском языке Ъ (ер) обозначал краткий, ослабленный (редуцированный) звук, близкий к [o], а Ь (ерь) – краткий, ослабленный (редуцированный) звук, близкий к [e], например: сънь (сон), днь (день). Но к XIV веку эти буквы окончательно утратили своё звуковое значение в результате падения редуцированных и стали применяться для обозначения твёрдости – мягкости предшествующих согласных. Буква Ъ (ер) была сохранена только как разделительный знак, Ь (ерь) — как разделительный знак и для обозначения мягкости предшествующего согласного.

В конце слова употребление буквы Ъ (ер) было излишним, так как на твёрдость согласного указывало отсутствие буквы Ь (ерь). Однако вплоть до реформы 1917 – 1918 гг. букву Ъ (ер) в конце слова продолжали писать. Эта буква была «самой дорогой буквой мира» (Л.В. Успенский), так как

употреблялась чаще других букв, а на конце слов ещё и без надобности, исключительно только по традиции.

В романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» (издание 1897 года), по подсчётам Л.В. Успенского, буква Ъ встречается 115 тысяч раз.

В результате утраты редуцированных (кратких) гласных звуков Ъ и Ь в русском языке появилось чередование гласных [о] и [э] с нулём звука (так называемые беглые гласные): лоб – лба, день – дня.

Более прочному усвоению данной темы, а также развитию орфографических навыков и ассоциативного мышления способствует проведение различного типа дидактических игр, например, «Третий лишний».

Найдите в каждом ряду «лишнее» слово и объясните свой выбор:

- 1) отец, мох, дом;
- 2) нос, весь, день;
- 3) лев, рожь, небо.

Утрата редуцированных (кратких) гласных Ъ и Ь отразилась не только на письме, но и в произношении. Одним из следствий падения редуцированных гласных Ъ и Ь является оглушение звонких согласных в абсолютном конце слова. В словах, типа *морозъ, плодъ, лобъ* до падения редуцированных звонкий согласный перед гласным Ъ сохранял свою звонкость, после утраты конечного гласного Ъ звонкий согласный в абсолютном конце слова всегда оглушается (*моро[с], пло[t], ло[n]*).

В современном русском языке отношения между парными глухими и звонкими согласными фонемами заключаются в том, что они могут быть противопоставлены только в определенных фонетических положениях (перед гласными, сонорными согласными, а также перед [в] и [j]). В абсолютном конце слова и перед остальными согласными глухость-звонкость не различается. Чёткое представление о закономерностях развития таких фонетических особенностей русского языка, как оглушение и озвончение,

поможет преподавателю правильно и логично подавать материал, составлять упражнения и задания.

Для активизации категории глухости–звонкости предназначена игра «Свой звук». Игра проводится командами. Преподаватель записывает на доске трудные для учащихся звуки (например, [б] – [п], [в] – [ф], [з] – [с] и т.д.) и показывает артикуляционные различия. Затем каждая команда получает карточки со «своими» звуками (по 2 или по 3). Преподаватель произносит слова, содержащие написанные на доске звуки, а члены команды (поочередно) показывают карточку, слыша слово с одним из «своих» звуков. За каждый правильный ответ игрок получает баллы. Данная игра может использоваться и как парная форма работы, в этом случае звуки распределяются между игроками в зависимости от индивидуальных трудностей студентов.

Игра «Веселая замена» способствует формированию навыка установления адекватных звуко-буквенных соответствий. Игрокам предлагаются слова, в которых замена первой буквы, обозначающей звонкий звук, на букву, обозначающую глухой звук, приводит к изменению значения слова. Например, том - _____, тело - _____, колос - _____, точка - _____, корка - _____, почка - _____, слой - _____, шалость - _____. Игру лучше проводить, когда соревнуются две команды. Игру «Веселая замена» можно проводить и с другим заданием: заменить последний звонкий согласный парным глухим согласным. Для игры можно предложить слова: плод, луг, род, молод, пруд, код.

Различным результатам падения редуцированных могут быть посвящены проблемные задания лингвистических игр и квестов, которые решаются «методом мозгового штурма».

Ещё один тип исторических изменений алфавитно-буквенного состава русской азбуки – введение недостающих новых букв. Несмотря на фонетическое богатство русской азбуки, в ней всё же отсутствовали буквы для

передачи звуков [й] и [jo], [‘o] – Ё, характерных для русской речи. С буквой Ё (и краткое) всё понятно и просто: она была введена Академией наук при реформе 1735 года и с тех пор утвердилась в русской азбуке. Иначе обстоит дело с буквой Ё – одной из самых загадочных и многострадальных букв русской письменности. Более 200 лет назад она вошла в русский язык, но, к сожалению, до сих пор в русском письме не закрепились.

Долгое время изобретение буквы Ё приписывали Н.М. Карамзину, и только в конце прошлого столетия стало известно имя истинного создателя этой буквы. Букву Ё предложила ввести в русскую азбуку Екатерина Романовна Дашкова. 18/ 29 ноября 1783 года президент Петербургской Академии наук обсуждала проект Словаря Академии Российской, по сути первого толкового словаря в нашей истории, и вдруг, улыбнувшись, предложила уважаемым академиком написать слово «ёлка». Увидев вариант «юлка», спросила, не лучше ли ввести новую букву Ё. Так родилась замечательная буква русской азбуки.

Значение буквы Ё для русской письменности прекрасно осознавали многие наши крупнейшие лингвисты, такие, например, как Лев Владимирович Щерба и Александр Александрович Реформатский. Л.В. Щерба отмечал, что «знаки Ё и Й надо обязательно считать за особые буквы», а введение обязательного употребления буквы Ё считал «делом первостепенной важности». А.А. Реформатский посвятил этой букве даже особую статью, призывая «юридически её узаконить в списке алфавита». Но до сих пор эту букву часто игнорируют, а ведь она имеет важное смыслообразительное значение, например: все впереди или всё впереди. Многострадальной букве Ё в 2005 году был поставлен памятник в городе Ульяновске, где она красуется на двухметровой треугольной призме из красного гранита весом в три тонны.

После знакомства с историей русской азбуки можно предложить ряд игровых заданий. Например, студентам, поделённым на две команды,

предлагается вспомнить и написать на карточках как можно больше пословиц и устойчивых выражений, в которых сохранились старые названия русских букв: от аза до ижицы – знать всё на свете, от начала до конца, от а до я; начинать с азов – с самого начала, с самого простого; сперва аз да буки, а там и науки – сперва выучи алфавит, а потом постигнешь и науки; ни аза в глаза – ничего не знать; стоять фертом – стоять подбоченясь, «руки в боки», что похоже на букву Ф (ферт – название этой буквы в кириллице); сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет – человек ничего не знает (даже аза), а других упрекает в незнании чего-то более сложного (конечного); ставить покоем (стола) – поставить столы так, чтобы они образовали букву П; знать (сделать) на ять – очень хорошо, крепко; дойти до ижицы – сделать всё, что можно, дойти до конца; прописать ижицу – высечь, выпороть, наказать розгами или ремнём (по форме эта буква отчасти напоминает пучок розог или плётку) и др. Потом команды меняются карточками и объясняют значения пословиц и устойчивых выражений.

Ещё одно задание: придумайте такие высказывания, которые можно продолжить, и предложите сделать это другой команде. Например:

Заметно изменился количественный состав азбуки:

Изменилось звуковое значение некоторых букв:

Стало иным начертание некоторых букв:

Произошла смена названий следующих букв:

На протяжении почти тысячелетней истории русского письма в русской азбуке произошли такие изменения:

Обращение к истории языка также необходимо при изучении тем «Чередование гласных в корне», «Чередование согласных в корне», «Полногласные и неполногласные сочетания в современном русском языке».

История языка помогает объяснить некоторые явления в современном правописании, которые необъяснимы с точки зрения современного русского

языка. Например, известно, что шипящие [ш'], [ж'] и аффрикаты [ч'], [ц'] в древнерусском языке были мягкими согласными. Эта их особенность и сейчас отражается в орфографии современного русского языка: мы пишем *жизнь, шина, рожь, мышь, несешь, цирк, дочь*, хотя произносим [ж], [ш] и [ц] твердо. Подобные написания называются историческими, или традиционными; иными словами, мы продолжаем писать так, как писали в эпоху мягкости шипящих и [ц']. Шипящие [ж'], [ш'] и аффрикаты [ч'] и [ц'] появились еще в праславянском языке в результате разного рода палатализаций (смягчения) определенных согласных звуков. Звук [ж'] восходит к [г], [з] и [д], звук [ш'] - к согласным [х] и [с], звук [ч'] - к согласным [к], [т] и сочетаниям согласных [гт] и [кт], звук [ц'] - к согласному [к]. Шипящие [ж] и [ш] в древнерусском языке до XIV века были только мягкими, а после XIV века стали только твёрдыми. Аффриката [ц] отвердела только в XVI веке, а [ч'] сохраняет мягкость до сих пор. История этих согласных - это история их отвердения, причем данный процесс не является следствием падения редуцированных. С происхождением шипящих и аффрикат связаны и чередования согласных в корне, например: рука - ручка, дорога - дорожный, ухо - уши, лик - лицо, носить - ношу, любить - люблю, свет - свеча - освещение, водить - вожу - вождение.

Владение информацией по истории вышеназванных согласных поможет преподавателю в подготовке упражнений, закрепляющих орфографические навыки. Использование на занятиях игры «Какое слово звучит?» будет способствовать формированию навыка установления адекватных звуко-буквенных соответствий. Обучаемые получают список из 10–20 слов. Их задача состоит в том, чтобы находить в списке слова, произнесенные преподавателем и ставить рядом с каждым из них соответствующий номер. Преподаватель читает слова со средней скоростью в произвольной последовательности. Например, книжка, цифра, муж, нож, чайник, живой, душ, шкаф, шаг, массаж, цирк, шуба, бумажка, жизнь, подушка, машина,

чашка, шапка, бедняжка, лыжи. В качестве варианта этой игры можно дать задание: отметить только те слова, которые были произнесены. Для закрепления в памяти правильного произнесения изучаемого звука можно предложить игру «Кто больше?» Преподаватель предлагает обучаемым звук, а они должны назвать как можно больше слов, начинающихся с этого звука. Например, [ж] – жизнь, жара, жадность, жалко, живой, жёлтый жена, животное, жидкий. Тот, кто назвал последнее слово, выигрывает. Эту игру можно дополнить орфографическим заданием. И тогда победитель тот, кто больше и быстрее всех написал, а потом и произнес записанные слова.

Для формирования фонематического слуха и навыков дифференциации звуков можно предложить игру «Слышу – не слышу». В игре участвуют две команды. Ведущий (преподаватель) произносит слова со звуками, которые вызывают сложности у учащихся, например, со звуками [ж] – [ш], [с] – [ц] и др. А учащиеся, слыша один звук, поднимают правую руку, а слыша другой – левую. Судья (один из студентов или преподаватель) фиксирует ошибки на доске. Побеждает та команда, которая допустила меньше ошибок.

В современной научной этимологии решающим является фонетический, а не семантический критерий; в методике преподавания – семантический. Это означает, что при анализе примеров в игровой форме обучаемый должен в первую очередь увидеть общий признак, лежащий в основе анализируемых слов.

Так, например, рассматривая этимологическое родство представленных слов: а) *соха* — *сохатый* — *посох*; б) *пригожий* — *негодяй*; в) *стол* — *постель*; г) *еда* — *яд* — *яство*, студент должен рассуждать следующим образом: *соха* – *сохатый* – *посох* – этимологически родственны, так как слово *соха* исторически значит ‘кол, дерево с развилком’; благодаря метафорическому переносу олень назван *сохатым*, так как имеет ветвистые рога; в слове *посох* корень *сох-* употреблен в прямом значении ‘кол’, а приставка *по-* имеет

значение 'похожий на то, что названо корнем' (ср. в другом фонетическом облике *паводок, пасынок, патрубок*).

Стол – постель: этимологически родственные, так как их общая идея связи с глаголом *стелить*. Корни *стол-* и *стел-* связаны историческим чередованием *e//o*, которое обнаруживается в целом ряде слов русского языка: *нести – ноша, везти – воз, плести – плот, велеть – воля* и др. Нетрудно заметить, что гласный *e* употребляется в глаголах, обозначающих действие, а гласный *o* – в существительных, обозначающих результат этого действия. Таким образом, *стол* – это результат действия (*стелить, стлать*).

Полезны также сопоставления русских слов и иноязычных заимствований, восходящих к тому же индоевропейскому корню, например, *папа – патриций – патриот – патрон; портик – портал – паспорт – парить – переть* и другие.

Сведения о полногласных и неполногласных сочетаниях помогут повысить орфографическую грамотность иностранных учащихся и будут способствовать более точному и тонкому пониманию текстов, особенно произведений русской классической литературы. Полногласные и неполногласные сочетания в корне слова – результат изменения дифтонгических сочетаний **og, *ol, *eg, *el* в положении между согласными, которые по-разному проявились в разных группах славянских языков. У восточных славян после согласного появляется гласный, подобный гласному перед плавным сонорным (полногласие), а у южных славян в данных дифтонгических сочетаниях происходит метатеза (гласный и согласный меняются местами) и удлинение гласного (неполногласие). Таким образом, в современном русском языке слова с полногласными сочетаниями *оро, оло (ело), ере* – исконно русские по происхождению (сторона, город, холод, голова, молоко, дерево, берег), а слова с неполногласными сочетаниями *ра, ла, ре, ле* заимствованы из старославянского языка (страна, град, хлад (прохладный), глава, млеко (Млечный путь), древо, брег (прибрежный)).

На закрепление данной темы можно предложить игру «Найди пару». Задание: выпишите однокоренные слова парами и выделите чередующиеся сочетания звуков, например, ворота - вратарь.

Огород, страна, платье, согласный (звук), полотно, молоко, голос, младенец, сторона, ограда, молодежь, млекопитающее.

В современном русском языке встречаются однокоренные слова с начальными сочетаниями *ро, ло* и *ра, ла* перед согласным. Это результат исторического изменения дифтонгических сочетаний **ol, *og* в начале слова (корня) перед согласным, которое также проходило по-разному у восточных и южных славян. Слова с начальными сочетаниями *ро, ло* – исконно русские (восточнославянские): *подросток, рост, ровный, роспись, розыгрыш, лодка, локоть*, а слова с начальными сочетаниями *ра, ла* заимствованы из старославянского языка: *возраст, равенство, расписка, разыграть, ладья*.

Оживить занятие и способствовать более глубокому усвоению данной темы поможет игра «Весёлый мяч». Преподаватель называет слово с начальным сочетанием (корня или приставки) *ра, ла* и бросает мяч учащемуся, который должен его поймать и назвать однокоренное слово с начальным *ро, ло* (корня или приставки). Например, возраст – рост, расчертить – росчерк, ладья – лодка, расписка – роспись, разыграть – розыгрыш, равный – ровный. Можно усложнить эту игру заданием: не только назвать однокоренное слово, но и объяснить его значение.

Заключение

Предложенный материал позволит, активно развивая лингвистические и общекультурные компетенции, совершенствовать знания иностранных студентов в области русского языка и его истории. Практика использования игровых технологий при обучении русскому языку как иностранному убеждает в том, что лингвистическая игра имеет большой потенциал и претендует на значимое место в системе языковых занятий.

Литература

- 1- Васильев Н.Л., Попович Т. (2015) *Интегративный потенциал вузовского курса «История русского литературного языка»* // *Интеграция образования*, Т. 19. № 3 (80). С. 85-90.
- 2- Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. (2009) *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному*. Учебное пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ. Москва: Изд-во «Флинта:Наука».
- 3- Лейчик В.М., Никулина Е.А. (2012) *Модернизация обучения русскому языку в иноязычной аудитории* // *Русский язык за рубежом*, № 3. С. 28-33.
- 4- Матохина А.В., Харламова Н.В., Шабалина О.А., Куликов Е.А. (2017) *Использование игровых образовательных технологий в системе обучения русского как иностранного языка в современном вузе* // *Открытое образование*, Т. 21. № 3. С. 39-47.
- 5- Эльконин Д.Б. (1987) *Психология игры*. Москва: Изд-во «Просвещение».

Bibliography

- 1- Vasil'ev N.L., Popovich T. (2015) *Integrativnyj potencial vuzovskogo kursa «Istorija russkogo literaturnogo jazyka»* // *Integracija obrazovanija*, T. 19. № 3 (80). S. 85-90.
- 2- Krjuchkova L.S., Moshhinskaja N.V. (2009) *Prakticheskaja metodika obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu*. Uchebnoe posobie dlja nachinajushhego prepodavatelja, dlja studentov-filologov i lingvistov, specializirujushhihsja po RKI. Moskva: Izd-vo «Flinta: Nauka».
- 3- Lejchik V.M., Nikulina E.A. (2012) *Modernizacija obuchenija russkomu jazyku v inojazychnoj auditorii* // *Russkij jazyk za rubezhom*, № 3. S. 28-33.
- 4- Matohina A.V., Harlamova N.V., Shabalina O.A., Kulikov E.A. (2017) *Ispol'zovanie igrovyh obrazovatel'nyh tehnologij v sisteme obuchenija russkogo kak inostrannogo jazyka v sovremennom vuze* // *Otkrytoe obrazovanie*, T. 21. № 3. S. 39-47.
- 5- Jel'konin D.B. (1987) *Psihologija igry*. Moskva: Izd-vo «Prosveshhenie».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Сарапас М. В. (2020). Playing Technologies as Mean for Development of Linguistic Competence of Foreign Students during Studying of Language History. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 8(1), 103-119.

DOI: 10.29252/iarll.15.103

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/111>

Emotional Masks: Linguoecological Aspect

Solodovnikova Natalia Gennadievna¹

Associate Professor, Chair of linguistics
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, Russia.

(date of receiving: August, 2019; date of acceptance: December, 2019)

Abstract

Volgograd's school of linguistics of emotions (Head — Professor Victor Shakhovskiy, the author of the theory of emotiveness), since 2010 has been developing ecological aspect of emotions through language. This means that the first Russian linguistic conception of emotions, formed in 1987, contemporarily is getting a new, eco-friendly, refraction. That is, the methodological framework of emotiology is considered from the standpoint of the ethics of emotions. It is known that between human emotions and their expression there are three types of relationships: emotion may be experienced and stay unexpressed; emotion may be experienced and expressed; there may be experienced one emotion and expressed a different one. The last case in the article is metaphorically called “emotional masks”. In the article through the named metaphor is considered, with what emotion a person is included in the communication situation, and with what emotion might come out of it. Analyzed separately is the estimated sign of the emotions that communicants prefer to “mask”. The “mask” of emotions is language. An attempt is made to assess the ecology of such a language.

Keywords: Emotion, Evaluative Sign, Ecology, Ethics, Emotive Mask.

1. E-mail: tommyboy22@mail.ru

Эмоциональные маски: лингвоэкологический аспект

Солодовникова Наталия Геннадиевна¹

Доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия.

(дата получения: август 2019 г.; дата принятия: декабрь 2019 г.)

Аннотация

Волгоградской школой лингвистики эмоций, руководителем которой является автор теории эмотивности профессор Виктор Иванович Шаховский, с 2010 года разрабатывается экологический аспект оязыковлённых эмоций. Это означает, что первая в России лингвистическая концепция эмоций, сформированная в 1987 году, в современности получает новое, экологическое преломление. То есть методологическая база эмотиологии рассматривается с позиций этики эмоций. Известно, что между эмоциями человека и их выражением существует три типа взаимоотношений: эмоция может испытываться и не выражаться; эмоция может испытываться и выражаться; может испытываться одна эмоция и выражаться иная. Последний случай в статье предлагается метафорически называть «эмоциональными масками». В статье через указанную метафору рассматривается, с какими именно эмоциями человек входит в ситуацию общения, и с какими выходит из неё. Отдельно анализируется оценочный знак эмоций, которые общающиеся предпочитают «маскировать». «Маской» эмоций выступает язык. Предпринимается попытка оценить экологичность такого языка.

Ключевые слова: Эмоции, Оценочный Знак, Экологичность, Этичность, Эмоциональная Маска.

1. E-mail: tommyboy22@mail.ru

Введение

Современная *российская лингвистика эмоций (эмотиология)* последовательно изучает следы личности в семантике слова и структурирует знания о категории эмотивности в языке. Названная область научного поиска исходит из того, что в человеке как биопсихосоциальном существе всё движимо эмоциями, так как они являются мотивационной основой всей его деятельности. Первая в России лингвистическая *концепция* эмоций, основанная на единой методологии категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка, была разработана проф. В.И. Шаховским в 1987 г. В 2008 г. результаты работы над проблемой «эмоции в языке» оформились в лингвистическую *теорию* эмоций. К 2010 г. эмотиология получила экологическое преломление: у неё родилась *эмотивная лингвоэкология* (Шаховский 2008; 2016; Шаховский, Солодовникова 2010).

Эмотивный подход к языку состоит в соединении философского понимания эмоций как формы оценочного отражения действительности с психологическим пониманием эмоций как особого психического пласта, надстраивающегося над познавательным образом. Через эмоции сам язык становится ключом к изучению человека: он номинирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, эксплицирует, имплицитно, моделирует эмоции и формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры.

В настоящее время в Волгоградском государственном педагогическом университете в Институте иностранных языков В.И. Шаховским и его учениками и коллегами по кафедре языкознания ведётся работа по описанию сути эколого-эмотивной коммуникативной компетенции, которая подразумевает способность порождать эмотивно уместные (экологичные) тексты и адекватно воспринимать личностные эмоциональные доминанты других текстов как отражение иноконцептосфер и инокультур. Проблемы эмотиологии получают

всё большее экологическое переосмысление, чтобы у общающихся укреплялся вектор экологичности в процессе обмена эмоциями в языке.

Одним из интересующих эмотиологию направлений развития можно считать экологию эмоций. В контексте тематики данной статьи эту проблему можно сформулировать следующим образом: какие из актуально испытываемых эмоций коммуниканты избирательно эксплицируют, какие предпочитают скрывать, какие подменяют на уровне выражения, за какими предпочитают скрываться. Всё перечисленное выше, по нашему мнению, метафорически можно назвать содержанием эмоциональных масок. В данной статье эмоциональные маски не рассматриваются через понятия неискренности, лицемерия, лжи и т.п. Названный подход может быть одной из перспектив исследования. Мы обращаем внимание только на эмоциональное наполнение масок в экологическом аспекте, что сопряжено с понятиями этики, эстетики, вежливости, стилистики и пр. В своих исследованиях мы исходим из экоцентрического понимания природы человеческих эмоций и на текущем этапе исключаем неэкологичность из интересующей нас проблематики. Поэтому подбираются контексты, в которых эмоциональные маски являются экологическим выходом из конфликтной ситуации общения. В статье через указанную метафору рассматривается, с какими именно эмоциями общающиеся вступают в ситуацию общения, с какими покидают её. Отдельно анализируется оценочный знак эмоций, на которые общающиеся предпочитают набросить языковую маску этичности.

Основная часть

В настоящее время, как уже отмечалось выше, многие интересующие эмотиологию вопросы пересматриваются с экологических позиций, потому что уже давно осознаётся необходимость перехода от антропоцентрического мышления к экоцентрическому.

Экологи всего мира ориентируют людей если не на восполнение, то хотя бы на сбережение природных ресурсов. К защитникам природы присоединяется всё больше представителей эко-ориентированных областей знания. Активно развиваются такие отрасли, как *экопсихология, экопедагогика, экофилософия, экомедицина* и др. Их глобальная цель состоит в осуществлении *экоцентрического поворота* в сознании современного человека. Вероятно, именно названным стремлением эко-специалистов можно объяснить *экологизацию гуманитарной науки*. Термины *методика экологического образования, эколого-педагогическая деятельность, экологическая культура, эколого-развивающая среда, экологически ориентированная личность, эколого-педагогическая подготовка, экологическая воспитанность и обученность* и другие ассоциируются уже не с природоведением, а с человековедением. Присоединяются к *экологам природы* и *экологи коммуникации*.

Известно, что осознание необходимости *экологизации жизни* появляется у человека тогда, когда им ощущается нарушение *экологического баланса* в важнейших сферах жизни. Актуализировавшийся сегодня *экологический аспект лингвистических исследований* связан с потребностью общества в восстановлении экологического равновесия в сфере речевой коммуникации, нарушения в которой ощущаются носителями языка и фиксируются учёными.

Заметным становится стремление к *экологическому конструктивизму* такой науки, как *эмотивная лингвоэкология*.

Родившись из сплава *экологии, валеологии* и *эмотивной лингвистики*, эмотивная лингвоэкология занялась изучением *здоровья эмоций человека* и использованием *эмотивно здорового языка*.

В парадигме эмотивной лингвоэкологии *эмоциональность* рассматривается в качестве важнейшего регулятора *экологичности коммуникации*.

Эмотивная лингвистика является основой методологической базы эмотивной лингвоэкологии, поскольку последняя пользуется методом эмотивного анализа коммуникативных ситуаций в качестве основного, в сравнении с её ориентацией на достижения других наук. Соединение эмотивной лингвистики с валеологией обеспечивает признание экологии человека в коммуникации, т.е. сбережение его эмоций и языка, главным объектом эмотивной лингвоэкологии. И если сохранение и совершенствование языка – общая задача всех лингвоэкологов, то экология (сохранение здоровья) эмоций человека в коммуникации через использование эмотивно здорового (экологичного) языка – это предметная область экоэмотиологов.

Весь мир осознаёт глобальные экологические изменения с непредсказуемыми последствиями, происходящие не только в природе, но и в социуме. Именно поэтому большое внимание необходимо уделять человеческому фактору в языке, то есть *эмоциям человека*. Существует острая необходимость повысить уровень знаний людей и изменить их отношение к природе и самому себе. Поэтому со всей очевидностью встал вопрос о *всеобщем экологическом образовании*. Важнейшим фактором решения экологических проблем должно стать глобальное воспитание, которое поставит экологические вопросы в центр всех учебных программ. Если не внушить человеку простую и убедительную мысль, что люди – это часть природы, наше выживание, защита окружающей среды могут оказаться лишь абстрактными понятиями.

Введение экологического аспекта в эмотиологию и выделение эмотивной эколлингвистики произошло совсем недавно, и это вызывает множество вопросов и сомнений у представителей смежных областей знания. Доминантой лингвоэкологов является благоговейное отношение к языку и речи. При этом доминантой экоэмотиологов, по нашему мнению, является

возвышение человека в коммуникации. С этой точки зрения успешная коммуникация всегда экологична.

Это означает, что: 1) адресант и адресат реализовали все поставленные в конкретной эмоциональной ситуации цели; 2) эта реализация произошла через использование этических эмотивов; 3) после окончания общения все его участники почувствовали себя лучше, чем до него. Выполнение этих трёх условий зависит от позитивности, эмоциональности, эмотивности и эмоциогенности: 1) изначальный эмоциональный импульс должен быть положительным (искренняя доброжелательность); 2) языковая реализация должна быть этичной и эстетичной (отбор и использование положительнооценочных эмотивов); 3) у коммуникативного партнёра должны возникнуть ответные положительные эмоции.

Данные положения, как правило, вызывают вопрос о том, всегда ли экологичны только положительные эмоции. Мы полагаем, что нет (вспомним случаи *праведного гнева* и *благородной ярости*). В основе экологичного общения лежит искренняя доброжелательность и интенция возвышения адресата. Однако искренние, *справедливо* возникшие отрицательные эмоции имеют право называться экологичными. Но искренние, справедливые эмоции, например, группы гнева, должны получать этичную (вежливую) упаковку. Если эмотивы отвечают условию этичности, а результатом общения в той или ситуации становится то, что все его участники расходятся, почувствовав себя лучше (позитивная эмоциогенность), такое общение можно назвать экологичным.

В коммуникации основную роль играет человеческий фактор – это экологическое мышление, экологическое сознание, экологическая культура людей и экологический интеллект. Введение экологического аспекта в лингвистику эмоций отвечает современным тенденциям науки. И лингвистическая теория эмоций В.И. Шаховского, как мы уже обосновывали в

предыдущих работах (Солодовникова 2013), представляет собой конструктивную попытку формирования экоцентрического сознания через развитие экологической компетенции коммуникативной личности.

Экологическая компетенция коммуникативной личности (а человек, с точки зрения лингвистики эмоций, в первую очередь, *homo sentiens*) состоит в умении обращаться с эмоциями, в том числе, с эмоциями в языке. Следовательно, необходимо *специально* рассказывать об экологии эмоций и обучать осторожному обращению с ними. Необходимо давать современным коммуникантам знание о потенциальных эмоциогенных рисках, напоминать о параметрах экологичного общения (вежливость, толерантность, уважение, сдерживание негативных эмоций, поощрение, положительное оценивание, равные коммуникативные права и др.). Формулой экологичности предлагаем считать искреннюю доброжелательность в этичной (а)вербальной упаковке. Если условия искренности, доброжелательности, справедливости и этичности в выражении как позитивных, так и негативных эмоций выдерживаются, общение можно считать экологичным.

При экоцентрическом подходе высшую ценность представляет гармоничное развитие человека и природы. Экоцентрический поворот позволяет говорить о том, что через эмоции нужно рассматривать язык как ключ к изучению человека уже как части природы. Необходимо помнить, что эмоция порождает ситуацию (и наоборот). Добавим сюда знание об экологии эмоций: экологичная эмоция порождает экологичную ситуацию (и наоборот).

Правило экологического этикета подразумевает следующую формулу: не позволять себе плохое настроение, т.к. это неприлично и вредно для здоровья.

Человек не может испытывать только положительные эмоции. Для психологического здоровья личности необходима вся гамма эмоций (Подольская www). С эколлингвистических позиций необходимо оценивать их проявления.

Это предполагает поиск экологических масок эмоциональности, а также обучение всех общающихся экологичному языку.

Считаем, что обучать этому необходимо специально, начиная с семьи, продолжая в школе, заканчивая в университете.

Выбор эмоциональной маски всегда будет зависеть от внутреннего экологического цензора, который воспитаем и самовоспитаем.

Умение выбрать экологичную эмоциональную маску напрямую зависит от знания об оценочном знаке эмоции. Осознание того, что эмоция – это всегда биохимическое состояние нашего организма, повышает степень ответственности общающихся друг перед другом. Если без специальной подготовки человек не может управлять эмоциональным переживанием, то управлению выражением эмоций можно научиться. Ведь выражение эмоций – это уровень вербалики. Вербалика состоит из стилистики, т.е. выбора и комбинаторики языковых единиц. Знание об оценочном потенциале эмотивной семантики слов регулирует этичность (экологичность) сказанного.

Слушателям разработанного проф. В.И. Шаховским курса «Лингвокультурология эмоций», который читается в Институте иностранных языков Волгоградского государственного педагогического университета, предоставляется возможность научиться экологическому пониманию эмоций.

Проф. В.И. Шаховский всегда говорит своим слушателям, что художественная литература – это депозитарий человеческих эмоций. На примере многоаспектного эмотивного и экологического анализа короткого рассказа на английском языке С. Барстоу «Ярость» он показывает своим ученикам применение знаний об эмоциях в языке. Этот текст является уникальной иллюстрацией к лингвистической теории эмоций, поскольку в изображенной коммуникативной эмоциональной ситуации супружеской ссоры каждый читатель может найти примеры ко всем основным положениям эмотиологии в экологическом аспекте.

Автор данной статьи продолжает читать разработанный В.И. Шаховским курс, но уже в не аспекте лингвокультурологии, а экологии эмоций. Сохраняя традицию, заложенную В.И. Шаховским, мы пересматриваем ставшие уже классическими проблемы лингвистики эмоций в ином разрезе и далее по тексту статьи приводим собственные умозаключения. Экологический аспект эмоций стал новым витком в прочтении и названного выше теоретического курса, и художественного текста. Как и любое талантливое художественное произведение, этот текст открывает множество возможностей для интерпретации, т.к. многослоен и соткан из ярких и образных стилистических средств и приёмов. Текст – живой, а каждый читатель – всегда его соавтор (Эко 2005).

Отражённая в тексте ситуация – метафорична, потому что типична. Жена отомстила мужу, лишив его любимого хобби.

Текст озаглавлен словом «Ярость». Ярость – мотив жены в её мести мужу, ярость – возможная реакция мужа на поступок жены. Поступок, совершённый в гневе, как известно, иногда невозможно исправить.

Кластеры эмоций, сложившиеся в ярость обоих персонажей, прописаны детально. Толстый канат ярости сплетён из ревности, злости, обиды, зависти, отчаяния, негодования, разочарования и других эмоций группы гнева.

Текст с открытым финалом предлагает каждому читателю найти выход из сложившейся ситуации.

Наблюдая за эмоциями обоих персонажей, слушатели курса учатся находить выход из конфликта, потому что они ориентируются на экологичность.

Анализируя развитие конфликта, на каждой его стадии студентам предлагается «отредактировать» поведение поссорившихся супругов, исправить то, что в их отношениях пошло не так.

Многоаспектный эмотивный анализ вербалики и авербалики персонажей позволяет обнаружить типы эмоционально-вербальной асимметрии: эмоция может испытываться и не выражаться; эмоция может испытываться и выражаться; может испытываться одна эмоция и выражаться иная. Последний случай в статье, как оговаривалось выше, предлагается метафорически называть «эмоциональными масками».

Приведём пример из текста, который, по нашему мнению, хорошо иллюстрирует суть эмоциональной маски, которую считаем в данном контексте экологичной. Подчёркиванием выделены истинные и скрытые эмоции персонажа.

On Sunday morning she was shaking a mat in the yard when her next-door neighbour spoke to her over the fence.

'Did you get to the Palace this week, then, Mrs. Fletcher?' Mrs. Sykes asked her. 'Oh, but you did miss a treat. All about the early Christians and the cloak 'at Jesus wore on the Cross. Lovely, it was, and ever so sad.'

'I wanted to see it,' Mrs. Fletcher said, 'but Jim didn't get back from Cressley till late. His rabbits y'know.' She felt a strong desire to abuse him in her talk, but pride held her tongue. It was bad enough his being as he was without the shame of everyone knowing it.

'Oh, aye, they had a show, didn't they?' Mrs. Sykes said. 'Aye, I saw him in the bus station afterwards. He was talking to a woman I took to be your sister

Mrs. Fletcher shot the other woman a look. What was she up to? She knew very well that her sister had lived down south these last twelve months. Her cheeks flamed suddenly and she turned her back on her neighbour and went into the house.

Приведём художественный перевод данного фрагмента.

Утром в воскресенье она выбивала коврик во дворе, когда соседка окликнула ее через забор:

– Ну что, миссис Флечер, ходили вчера в Палас? – спросила миссис Сайкс. – Ох, что за картина, жаль, что пропустили. Там все ранние христиане и Иисусов плац, в котором он был на кресте. Чудо как хорошо, и уж до того печально.

– Хотела посмотреть, – сказала миссис Флечер, – да вот Джим из Кресли поздно вернулся. Все с кроликами своими возится. – Ей страстно хотелось выбрать его, но гордость заставила придержать язык. И так не мужик, а чёрт-те что, не хватало еще перед соседями срамиться рассказывать.

– А, ну да, у них же там выставка была, – сказала миссис Сайкс. – Видала я его потом на автовокзале. Он разговаривал с женщиной, вроде сестра ваша.

Миссис Флечер пронзила соседку взглядом. Чего это она? Знает же отлично, что ее сестра уже год, как живет на юге. Миссис Флечер вспыхнула, повернулась и пошла в дом (Барстоу 2001).

Из данного примера очевидно, что реплика соседки вызвала у главной героини кластер негативных эмоций (стыд, негодование, возмущение, досаду, разочарование, гнев), которые она предпочла сдерживать (т.е. не выразить вербально). Вместо реальных эмоций она из гордости предпочла промолчать.

Вертикальный контекст истории главной героини открывает читателю её натуру. Как известно, гнев – одна из эмоций, которые хуже всего поддаются контролю. Нужно отдать должное вспыльчивой и ревливой героине рассказа, что она смогла не поддаться импульсу и скрылась за маской молчания в явно травмирующей для неё ситуации неприятного и унижительного разговора с соседкой.

Ранее мы отмечали, что экологичной, по нашему мнению, можно считать такую коммуникацию, в которой: 1) адресант и адресат реализовали все поставленные в конкретной эмоциональной ситуации цели (в разговоре с соседкой, которая явно провоцировала главную героиню, последней удалось сдержать изначальный импульс пожаловаться на мужа, что позволило ей сохранить чувство собственного достоинства. В конфликтной ситуации удержаться от импульсивных ответов – одна из самых сложных задач. Вспомним в этой связи высказывание Расула Гамзатова: «Воистину тот славен и велик, кто в гневе удержал язык» (Гамзатов www). Соседка сознательно реализовала неэкологичную задачу поддразнить и уколоть главную героиню, но той удалось сохранить лицо.); 2) эта реализация произошла через использование этичных эмотивов (вербалика главной героини ничем не выдаёт её разочарования и обиды на мужа); 3) после окончания общения все его участники почувствовали себя лучше, чем до него (главная героиня почувствовала себя плохо, но ещё хуже для неё было бы сделать очевидными для посторонних глаз их проблемы с мужем).

Легко быть экологичным, когда обе общающиеся стороны стремятся к позитивности эмоциональности, эмотивности и эмоциогенности. Когда одна из сторон намеренно ведёт себя конфликтно (провокации, игнорирование, неуважение и т.д.), может произойти «расшатывание» изначального положительного эмоционального импульса и искренней доброжелательности (главная героиня, выбивая коврик, не намеревалась ссориться с соседкой). После слов соседки у главной героини уже не могли возникнуть ответные положительные эмоции. Её экологичность оказалась разбалансированной. Однако в явно стрессовой для неё ситуации её языковая реализация эмоций осталась этичной на уровне отбора и использования положительнооценочных эмотивов, которые в тексте примера выделены подчёркиванием. Когда у главной героини не осталось сил противостоять нападкам соседки, она скрыла свои эмоции за маской молчания.

Выше мы отмечали, что в данной статье будет рассматриваться, с какими именно эмоциями общающиеся вступают в ситуацию общения, с какими покидают её. Отдельно планировалось проанализировать оценочный знак эмоций, на которые общающиеся предпочитают набросить языковую маску этичности.

Разговор с соседкой о муже оказался для главной героини неприятной неожиданностью. Она уже была расстроена ссорой с мужем, но утром вышла во двор по бытовой необходимости, никак не ожидая нападков со стороны соседки, без какого бы то ни было намерения судачить о супруге с посторонними лицами и выносить сор из избы. Она также не была настроена против соседки. Т.е. в данной ситуации эмоции главной героини можно назвать экологичными.

Соседка сознательно провоцировала неприятные ощущения у главной героини. После этой встречи последняя явно получила неэкологичный импульс и испытала несколько отрицательных эмоций, которые позже, уйдя от соседских глаз, выплеснула в новой ссоре с мужем. Однако именно на эти эмоции она набросила защитную маску гордости, выдержав этический принцип не обсуждать мужа с чужими людьми. И укрепила её молчанием.

Ранее, в одной из своих предыдущих статей, мы пытались обосновать, что молчание является одним из самых сильных семиотических знаков (Солодовникова 2017). Молчанье – *щит от многих бед* (Хайям www) и может стать одной из самых сильных по степени экологичности эмоциональных масок, кроме тех случаев, когда оно – *заговор равнодушных* (Ясенский www).

Заключение

В данной статье мы попытались проиллюстрировать, что эмоциональная маска может выступить способом защиты от неэкологичного поведения одного из общающихся. Эмоциональная маска спасает в ситуациях, когда есть

асимметрия между тем, какая эмоция испытывается, и тем, какая эмоция выражается. Это противоречие может быть обусловлено коммуникативной опасностью нарушения этикета или собственной экологии эмоций. Эмоциональная маска этичности или молчания – возможность экологического ухода и выхода из надвигающегося конфликта.

Эмоциональная маска не обеспечивает полную защиту от отрицательного эмоционального импульса, исходящего от провоцирующего конфликт иного участника общения, но позволяет уйти от полной уязвимости, которая возникает при «потере лица».

У эмоциональной маски можно выделить несколько функций: номинирующую, категоризирующую, классифицирующую, структурирующую, комментирующую, эксплицирующую, имплицитную, моделирующую эмоции и формирующую эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры и иные. Ведущей можно назвать коммуникативную. Анализ функций эмоциональных масок является одним из перспективных направлений развития экологического понимания эмоций в языке.

Литература

- 1- Барстоу С. (2001) *Ярость* // Московские новости. № 3.
- 2- Гамзатов Р. (2018) *Жемчужины мысли*. – Режим доступа: <http://www.inpearls.ru/author/rasul+gamzatov>
- 3- Подольская О. (2018) *Надо ли быть позитивным человеком*. – Режим доступа: <https://lady.mail.ru/article/485776-nado-li-byt-pozitivnym-chelovekom/>
- 4- Солодовникова Н.Г. (2013) *Авторский курс проф. В.И. Шаховского «Язык и эмоции»: формирование эмотивной компетенции коммуникативной личности // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сб. научн. трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского*. Волгоград : Волгоградское научное издательство.
- 5- Солодовникова Н.Г. (2017) *Эмоциональная поливалентность нулевых знаков в лингвоэкологическом аспекте (на примере слова молчание)* // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. № 1 (47).

- 6- Хайям О. (2018) *Жемчужины мысли*. – Режим доступа: <http://www.inpearls.ru/author/7898>
- 7- Шаховский В.И. (2008) *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «ЛКИ».
- 8- Шаховский В.И. (2016) *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография)*. – Волгоград: Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.».
- 9- Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. (2010) *Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе*. № 1 (31).
- 10- Эко У. (2005) *Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного*. – СПб.: Симпозиум.
- 11- Ясенский Б. (2018) *Заговор равнодушных*. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/yasenskiy_bruno/zagovor_ravnodushnih/read

Bibliography

- 1- Barstou S. (2001) *Jarost'* // Moskovskie novosti. № 3.
- 2- Gamzatov R. (2018) *Zhemchuzhiny mysli*. – Rezhim dostupa: [ttp://www.inpearls.ru/author/rasul+gamzatov](http://www.inpearls.ru/author/rasul+gamzatov)
- 3- Podol'skaja O. (2018) *Nado li byt' pozitivnym chelovekom*. – Rezhim dostupa: <https://lady.mail.ru/article/485776-nado-li-byt-pozitivnym-chelovekom/>
- 4- Solodovnikova N.G. (2013) *Avtorskij kurs prof. V.I. Shahovskogo «Jazyk i jemocii»: formirovanie jemotivnoj kompetencii kommunikativnoj lichnosti // Chelovek v kommunikacii: ot kategorizacii jemocij k jemotivnoj lingvistike: Sb. nauchn. trudov, posvjashhennyj 75-letiju professora V.I. Shahovskogo*. Volgograd : Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo.
- 5- Solodovnikova N.G. (2017) *Jemocional'naja polivalentnost' nulevyh znakov v lingvojekologicheskom aspekte (na primere slova molchanie) // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. № 1 (47).
- 6- Hajjam O. (2018) *Zhemchuzhiny mysli*. – Rezhim dostupa: <http://www.inpearls.ru/author/7898>
- 7- Shahovskij V.I. (2008) *Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «ЛКИ».
- 8- Shahovskij V.I. (2016) *Dissonans jekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, jazyk, jemocii (monografija)*. – Volgograd: Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.».
- 9- Shahovskij V.I., Solodovnikova N.G. (2010) *Lingvojekologija: ob#ekt, predmet i zadachi // Russkij jazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze*. № 1 (31).

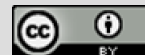
- 10- Jeko U. (2005) *Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike teksta / per. s angl. i ital.* S.D. Serebrjanogo. – SPb.: Simpozium.
- 11- Jasenskij B. (2018) *Zagovor ravnodushnyh.* – Rezhim dostupa: http://modernlib.ru/books/yasenskiy_bruno/zagovor_ravnodushnih/read

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Солодовникова Н. Г. (2020). Emotional Masks: Linguoecological Aspect. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 8(1), 121-137.

DOI: 10.29252/iarll.15.121

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/112>

Language and the National Language Picture of the World in the Era of Integration and Globalization

Shkorina Inna Markovna¹

Associate Professor, Kharkiv National University of Economics named after
Semyon Kuznets,
Kharkiv, Ukraine.

(date of receiving: March, 2019; date of acceptance: October, 2019)

Abstract

The picture of the world, which is inherent in society as a whole, and in every individual person, is one of the most important conditions for a holistic perception of the world. The article explores the issues related to the development of the language and the formation of the national language picture of the world in the current conditions of globalization, when a large number of people throughout the world own not only national but also one or more foreign languages. The history of scientific views is also covered. The language picture appears as a contemplation of the world, of an every single man as well as the whole ethnic group. It is a result of the world perception and comprehension which is kept in the language. Particular attention is paid to the problem of creating a national language picture of the world in situations of bilingualism and confusion of languages. The specific formation of the modern national-language picture of the world analyzed by young people explore the difficulties encountered during this process. The article examines the nature of bilingual phenomenon and the concept of the «mother tongue» in the bilingual environment.

Keywords: National Language, National Linguistic Picture of the World, Foreign Language, Confusion of Languages, Bilingual.

1. E-mail: i-skorina@ukr.net

Язык и национально-языковая картина мира в эпоху интеграции и глобализации

Шкорина Инна Марковна¹

Доцент, Харьковский национальный экономический университет им. Семена Кузнеця,
Харьков, Украина.

(дата получения: март 2019 г.; дата принятия: октябрь 2019 г.)

Аннотация

Картина мира, присущая как обществу в целом, так и каждой отдельной личности, является одним из важнейших условий целостного восприятия мира. В статье исследованы вопросы, касающиеся развития языка и формирования национально-языковой картины мира в современных условиях глобализации, когда большое количество людей во всем мире владеет не только национальным, но и одним или более иностранными языками. Картина мира рассмотрена как мировоззрение каждого человека и этноса, как результат восприятия и осмысления окружающего мира, зафиксированный в языке. Особое внимание уделено проблеме создания национально-языковой картины мира в ситуациях двуязычия и смешивания языков. Проанализирована специфика формирования современной национально-языковой картины мира в сознании молодежи, исследованы сложности, возникающие во время этого процесса. В статье рассмотрены причины возникновения явления билингвизма, понятие «родной язык» в условиях двуязычия.

Ключевые слова: Национальный Язык, Национально-Языковая Картина Мира, Иностранный Язык, Смешение Языков, Двуязычие.

1. E-mail: i-skorina@ukr.net

Введение

Проблемы, связанные с формированием и функционированием картин мира, в частности и национально-языковых, на современном этапе являются одними из фундаментальных проблем научных исследований о человеке в различных областях знаний. Очевидно, что картина мира, присущая как обществу в целом, так и каждой отдельной личности, является одним из важнейших условий целостного восприятия мира. Как известно, «свойственный языку способ концептуализации действительности, с одной стороны, – универсален, с другой – имеет национально специфический характер, поэтому носители разных языков могут видеть мир несколько по-разному, через призму своей личности, конкретного своего языка» (Терещенко 2012. 29). Поэтому особый интерес ученых – лингвистов, философов, психологов, культурологов, искусствоведов и других – вызывают вопросы национально-языковой картины мира, национальной языковой личности, национального языкового сознания и т.д.

В последние годы появилось довольно большое количество публикаций, посвященных разработке разноплановых теоретических и практических вопросов, касающихся картин мира, которые рассматриваются исследователями преимущественно в философском, лингвистическом, культурологическом, педагогическом и многих других аспектах. В отличие от них, как показал анализ современной научной литературы, связь национально-языковой картины мира с многоязычием и двуязычием, в частности ранней, с феноменом смешивания и взаимопроникновения языков, с различными суржиковыми явлениями, влияние на национально-языковую картину мира человека изучения иностранных языков в зависимости от возраста, ситуации и языковой среды, учеными разрабатывались мало и требуют дальнейших исследований, что и определяет актуальность нашей работы.

Несмотря на то, что некоторые ученые, начиная с XIX в. и до последнего времени, касались определенных проблем, связанных с этим направлением деятельности, до сих пор нет их целостного осмысления. Учитывая это, ставим своей целью исследование национально-языковой картины мира в контексте многоязычия и двуязычия, феномена смешивания языков и суржиковых явлений, акцентируя внимание на активных процессах взаимопроникновения языков.

Основная часть

Впервые понятие «картина мира» было использовано знаменитым немецким физиком и поэтом Генрихом Герцем на рубеже XIX – XX вв. по отношению к реалиям физического мира. Ученый понимал его как «совокупность внутренних образов внешних объектов» (Герц 1973. 208), которые отражают их существенные свойства и дают возможность делать логические выводы о поведении этих объектов.

Выдающийся немецкий философ и лингвист Вильгельм фон Гумбольдт несколько позже выдвинул тезис о «языковой картине мира», а также изложил основные положения этого понятия и, таким образом, ввел в научный оборот этот термин, который стал важным концептом современной лингвистики. Ученый считал, что «Всякий язык, обозначая отдельные предметы, на самом деле творит: он формирует для народа, который является его носителем, картину мира», из чего делал вывод, что «Особенность духа и строение языка любого народа настолько внутренне связаны между собой, что одно предполагает другое. Язык является внешним проявлением духа народов. Язык – это их дух, а их дух – это их язык» (Гумбольдт 1984. 147). Именно с помощью языка закрепляется в сознании (и подсознании) человека присущий ему субъективный образ объективного мира. По мнению В. фон Гумбольдта, язык является не просто отражением окружающего мира, но и очень мощной

творческой силой, которая сама создает картину мира и, соответственно, формирует как мышление народа, так и его мировосприятие. Следовательно, различия в языках – это различия во взглядах на мир.

На украинской почве идеи В. фон Гумбольдта развивал известный философ, языковед и теоретик лингвистики А.А. Потебня, который разработал собственную философию языка. В своих многочисленных научных работах он исследовал вопросы соотношения мышления и языка, в том числе в историческом аспекте, внешней и внутренней формы слова, эволюции значения слова, символики и др. Ученый впервые на отечественной почве заинтересовался вопросами народности и языка, взаимоотношения наций и языков, исследовал проблемы двуязычия и многоязычия, в том числе и ранней («Мысль и язык» (1862), «Язык и народность» (1895), «О национализме» (1905) и др.). Особенно показательна в этом плане его работа «Язык и народность», в которой он подробно рассмотрел различные аспекты языковой картины мира, хотя и не используя именно этот термин (ученый называл это «системами изображения»), в контексте проблем раннего (от рождения) двуязычия, смешивания языков, а также связанную с ними проблему переключения кодов.

Несмотря на то, что эта статья написана ученым почти 120 лет назад, высказанные в ней мысли и до сих пор остаются актуальными, по сути, они стали основой для всех дальнейших исследований языковой картины мира. К сожалению, в подавляющем большинстве работ современных исследователей, посвященных этой проблематике, фамилия А.А. Потебни вообще не упоминается или упоминается вскользь; авторы ссылаются, как на базовые, на работы Л. Вайсгерберга, Э. Сепира и Б. Уорфа (гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа) и т. д., в которых аналогичные взглядам А.А. Потебни мысли были высказаны на несколько десятилетий позже. Поэтому подробнее проанализируем взгляды А.А. Потебни на связь языка и мышления и проблему национально-языковой картины мира.

Основной идеей А.А. Потебни является тезис, что разные языки – это глубоко различные системы приемов мышления, а, следовательно, невозможно «менять язык с такой же легкостью, как меняют одежду» (Потебня 1993. 258), поскольку языки не являются просто средствами обозначения готовой мысли, которая образовалась независимо от них. По мнению ученого, «языки потому только служат обозначением мысли, что они суть средства преобразования изначальных, доязыковых элементов мысли; поэтому в этом смысле они могут быть названы средствами создания мысли» (Там же. 259), то есть язык, которым владеет и пользуется человек, имеет определяющее влияние на формирование его мышления и восприятия реальности, а, соответственно, и мировоззрения.

Образно сравнивая язык со зрением, А.А. Потебня объяснял, что «как малейшее изменение в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все мировоззрение человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственное и ничем незаменяемое» (Там же. 259–260). Исследователь подчеркивает, что это влияние как языка в целом, так и каждого его элемента на мышление является абсолютным, монопольным и всеобъемлющим, но при этом обычно не замечается и не осознается человеком-говорящим.

Большинство современных ученых соглашается с этими мыслями, детализируя и дополняя их: «Национальный язык – это как раз то «стекло», через которое этнос видит единственный инвариант бытия и которое определяет конкретные черты национально-специфической проекции этого инварианта бытия» (Корнилов 2003. 172), «язык моделирует специфические черты национального мировосприятия и национального склада мышления на всех своих уровнях» (Василенко 2012. 136), «Существует такое количество

языковых картин мира, сколько существует языков, каждый из которых отражает уникальный результат многовековой работы этнического сознания над осмыслением бытия человека» (Кальмук 2014) и др. Мы принципиально согласны с положением, что каждый национальный язык творит свою специфическую картину мира, но, по нашему мнению, оно требует некоторых уточнений.

Здесь сразу возникает вопрос о пиджинах и смешанных языках, к которым исследователи относят в том числе и русско-украинский суржик, и белорусскую трасянку и т. п. Смешивание языков как явление негативно оценивается современной лингвистикой, что в целом вполне справедливо. Однако при этом феномен смешивания языков относительно распространен в разных странах мира, и суржик, характерный для восточных украинских регионов, вовсе не является уникальным явлением. Очевидно, что в тех регионах, где длительное время существует ситуация двуязычия, всегда имеет место определенное взаимовлияние языков, которое, в свою очередь, может приводить к их смешиванию.

Собственно говоря, рассматривать суржик как целостное явление в принципе неправильно – в восточной части Украины, по сути, существует не один, а два суржика, которые образовались в результате смешивания русского и украинского языков, соответственно, на украинской и на русской основах, ведь русский язык, распространенный в восточной части Украины, также суржиковый, он содержит очень большое количество украиноязычных элементов. Как правило, сами носители такого языка в большинстве своем не обращают на это внимания, но для постороннего глаза это сразу становится заметным. Даже от некоторых студентов-иностранцев, которые в совершенстве овладели русским языком до того, как приехали учиться в восточно-украинские вузы, иногда можно услышать жалобы, что обучение здесь портит их русский язык.

В контексте этого возникает вопрос о том, какова же национально-языковая картина мира человека, который постоянно пользуется таким смешанным языком. Некоторые исследователи даже считают, что «Очевидно, можно говорить о "суржиковой" картине мира суржикоязычного индивида, определенной структурированной модели внутреннего духовного "я"» (Ставицька 2008). С этим очень трудно согласиться. Поскольку смешанный язык не является полноценным национальным языком, следовательно, не способен он и творить собственную уникальную национально-языковую картину мира, а может только лишь составлять довольно своеобразную картину мира из фрагментов картин мира, присущих тем языкам, которые в нем смешались.

Такая «мозаичная» картина мира, в принципе, могла бы со временем приобрести черты национально-языковой, но это возможно только при условии существования определенного человеческого сообщества, для членов которого именно этот смешанный язык являлся бы единственным языком общения и воспринимался как родной язык; по сути, это означало бы образование на смешанной основе новой нации. Известно, что в историческом дискурсе такие процессы происходили с некоторыми пиджинами, но никогда – со смешанными языками. Очевидно, это связано с тем, что, как правило, подавляющее большинство носителей смешанного, суржикового языка владеют в достаточной степени не только самим смешанным языком, но и обоими языками, на основе которых он образовался, и в зависимости от коммуникативной ситуации или предметной области коммуникации могут легко переходить с одного языка на другой или же на смешанный, который в сознании самих говорящих имеет статус бытовой речи, просторечия, но никак не национального языка. Исходя из этого, можем сделать вывод, что языковая картина мира такой личности по своим основным характеристикам является билингвальной (или полилингвальной), но не специфически суржиковой.

Вообще же все тезисы о том, что «Существует такое количество языковых картин мира, сколько существует языков» (Кальмук 2014), вполне справедливы только в отношении такой «идеальной» ситуации, когда человек владеет только одним языком, который является родным для него. Именно такой человек будет носителем национально-языковой картины мира, сформированной его родным языком, так сказать, в чистом виде. Но в наше время – время интеграции и глобализации, с одной стороны, и активного развития и распространения образования, с другой, значительное количество людей-говорящих владеют и постоянно пользуются более чем одним языком. Сила воздействия иностранного языка и чужой картины мира на сознание и мышление говорящего и его картину мира должна радикально отличаться в зависимости от возраста человека и обстоятельств, при которых человек усваивает иностранный язык (или языки), а также от мировоззренческих установок говорящего:

- 1) изучение иностранных языков взрослым человеком, который продолжает жить в родной стране;
- 2) изучение иностранных языков взрослым человеком, который эмигрировал или на длительный срок выехал за границу (например, на работу, для получения образования, лечения и др.);
- 3) изучение иностранных языков ребенком, живущим в родной стране;
- 4) изучение иностранных языков ребенком, который эмигрировал вместе с семьей;
- 5) освоение нового для него языка ребенком, усыновленным в другую страну.

Описанные ситуации очень сильно отличаются друг от друга именно в аспекте формирования национально-языковой картины мира. В первых трех случаях изучение иностранного языка не влияет на национальную

самоидентификацию человека, изученный язык (языки) воспринимается именно как иностранный (в отличие от родного), соответственно, иноязычная картина мира не познается и не усваивается говорящим в целом, а лишь частично, фрагментарно, в большей или меньшей степени.

Как считают некоторые ученые, «национальная картина мира непроницаема для иноязычного сознания, предполагается, что использование таких слов как познаваемость и понимаемость является наиболее удачным, поскольку познать национальную языковую картину мира носителя другого языка можно только путем сознательного отстранения от эквивалентов собственной картины мира, используя принцип «презумпции незнания» (Гачев 1998. 44). На практике для взрослого человека, который уже имеет в своем сознании сформированную национально-языковую картину мира, настолько полное отстранение от нее вряд ли вообще возможно, даже в ситуации эмиграции, поскольку это означало бы для него также изменение его национальной самоидентификации и восприятие его сознанием чужого языка как родного. Однако для взрослого человека, сформированной личности это, как правило, невозможно и неприемлемо. Известно, что эмигранты, даже прожив много лет в другой стране и изучив язык этой страны в совершенстве, все равно продолжают помнить родной язык и используют его в тех коммуникативных ситуациях, где это уместно, стремятся обучить ему своих детей, в том числе родившихся в эмиграции. Следовательно, иноязычная картина мира у такого человека накладывается на картину мира, созданную его родным языком, своеобразно преломляясь, и воспринимается при этом не полностью.

Другие процессы происходят в сознании и мышлении человека, оказавшегося в иноязычной среде, будучи еще достаточно маленьким ребенком (особенно дошкольного возраста). В ситуации с усыновлением за границу ребенок, не имея постоянных контактов с родным языком, как

правило, со временем полностью забывает его, в сознании такого человека происходит полная подмена одного языка другим, который начинает восприниматься как родной. Соответственно и первая национально-языковая картина мира вытесняется другой, сохраняясь лишь очень глубоко на уровне подсознания. Но, поскольку родной язык – это не только средство коммуникации, «не только канал связи между носителем языка и окружающим миром, но и важнейший ... скреп сознательного и подсознательного индивида, формовочный фактор его целостности в целом» (Ещенко 2010), можно предположить, что процессы полного вытеснения родного языка другим должны порождать конфликт между сознанием и подсознанием человека, негативно влиять на его мировосприятие и мировоззрение, а возможно, и мышление.

Принципиально иной с точки зрения формирования у человека национально-языковой картины мира является ситуация эмиграции ребенка вместе с семьей. Касаясь этой проблематики, мы вплотную подходим к проблеме родного / неродного языка и родного / второго / иностранного языка в аспекте формирования национально-языковой картины мира.

Понятие «родной язык» на самом деле является очень сложным и неоднозначным. В современной лингвистической науке существуют разные, довольно противоречивые трактовки термина «родной язык». Выделяются три основные концепции: этнический язык, первый язык и язык, усвоенный в детстве. Мы привыкли считать, что родной язык у каждого человека может быть только один, но в реальности это далеко не всегда так. В статье Википедии «Родной язык» вскользь упоминается, что «Ребенок может усвоить с раннего детства в той или иной степени и несколько языков, однако такие случаи не являются частыми» (Родной язык 2011), но научной разработки этого вопроса, тем более в аспекте национально-языковой картины мира, до сих пор нет, хотя в мире в последние десятилетия постоянно растет процент

людей, для которых родными становятся два языка, а в редких случаях и больше. Причины этого могут быть разными:

- 1) наличие в регионе, в котором родился и проживает человек, ситуации двуязычия, то есть активного параллельного сосуществования двух разных языков (на востоке Украины – украинский и русский, в части Великобритании – английский и валлийский, на определенных территориях Испании – испанский и баскский и т.д.);
- 2) эмиграция человека с семьей в раннем возрасте или рождение в семье эмигрантов, даже если это эмигранты не в первом поколении, которые наряду с языком и культурой страны, в которой проживают, сохраняют и свой национальный язык и культуру (украинская диаспора в Канаде, многочисленные диаспоры, например китайская, в США и т.д.);
- 3) рождения человека в семье, где родители являются представителями разных наций и ребенок усваивает от каждого из них его родной язык.

Человек, который с рождения воспринимает не один, а два национальных языка и две культуры, одновременно усваивает две разные национально-языковые картины мира. В этом аспекте очень интересен вопрос, каким образом эти картины мира сочетаются в его сознании. Взгляды различных ученых по этому принципиальному вопросу являются диаметрально противоположными. Вообще дискуссионность вопросов, связанных с различными аспектами двуязычности и многоязычности, целиком очевидна.

Так, по мнению В. Русановского и еще некоторых ученых, билингвизм – это большое культурное достояние. Его развитие отнюдь не является препятствием на пути развития национальных языков, а наоборот, как экстралингвистический фактор, может быть одним из важнейших источников

дальнейшего развития национальных языков (Философские 1972. 160). Другие исследователи, напротив, считают, что «ранняя двуязычность вредит развитию целостной языковой личности и может привести к таким негативным явлениям, как полукультурность и полуязычность» (Ещенко 2010). Подобного мнения придерживался еще А.А. Потебня, который первым среди отечественных исследователей обратился к проблеме раннего билингвизма и считал, что «знание двух языков в раннем возрасте не есть владение двумя системами изображения и сообщения одного и того же круга мыслей, но раздваивает этот круг и заранее затрудняет достижение целостности мировоззрения, мешает научной абстракции» (Потебня 1993. 263). Как видим, ученый негативно относился к ранней двуязычности, считая, что она мешает нормальному формированию у человека национально-языковой картины мира, а соответственно, научной и концептуальной картин мира.

Нам все эти мысли кажутся слишком категоричными. Истина, по нашему мнению, лежит где-то посередине и состоит в том, что двуязычие (как и многоязычие) может быть как положительным, так и отрицательным фактором развития человека и социума в зависимости от многих лингвистических и внелингвистических причин. У человека, который привык воспринимать как родные два языка (или более, что бывает крайне редко), усвоенные им с рождения, в раннем детстве, действительно в некоторых случаях потом могут возникать трудности с национальной самоидентификацией, иногда такому человеку во взрослом возрасте приходится выбирать, какой язык и какая картина мира является для него базовой. Семья, с одной стороны, и учебные заведения, с другой, могут как облегчить, так и усложнить этот выбор. Однако при условии гармоничного развития социума такие конфликты в сознании говорящих могут и не возникать.

Касаясь проблемы формирования картины мира в ситуации двуязычия, мы неизбежно подходим к вопросу, речь идет об одной картине мира или же о

двух отдельных. Этот вопрос до сих пор остается до конца не решенным. А.А. Потебня, который первым обратился к анализу этой проблемы относительно присущей XIX в. двуязычности высших слоев общества Российской империи (русский и французский языки), писал, что «Человек, который говорит на двух языках, переходя от одного языка к другому, меняет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли только меняет колею его мысли, а на дальнейший ход ее влияние только посредственное. Это усилие может быть сравнимо с тем, что делает стрелочник, который переводит поезд на другие рельсы» (Там же. 260). В современной лингвистике это явление известно под названием «код-свитчинг», или переключение кодов. По мнению А.А. Потебни, «разные языки у одного и того же человека связаны с разными областями и приемами мысли, ... эти разные сферы и приемы у одного и того же человека разграничены и вещественно» (Там же. 263). Как видим, ученый считал, что в сознании человека-говорящего, владеющего несколькими языками, существует и соответствующее количество отдельных языковых картин мира, которые связываются с различными сферами как мышления, так и бытия.

Мы не можем полностью согласиться с приведенными мнениями; в частности, мы считаем, что в сознании человека, сколько бы языков он не усвоил, существует не несколько отдельных национально-языковых картин мира, а одна цельная, образованная на основе родного языка, в которую включаются, индивидуально преломляясь, полностью или фрагментарно языковые картины мира, присущие всем усвоенным языкам. По нашему мнению, если бы это было не так, не происходило бы смешивания языков в процессе речи и не могли бы возникать такие явления, как суржик (понимаем этот термин широко – как элементы двух или нескольких любых языков, объединенные искусственно) и др.

Заключение

Анализ некоторых аспектов, связанных с особенностями формирования национально-языковой картины мира в современных условиях глобализации, когда большое количество людей во всем мире владеет не только национальным, но и одним или более иностранными языками, позволил сделать вывод, что в сознании такого человека – билингва или мультибилингва – существует одна целостная национально-языковая картина мира, основой которой является его родной язык. Наиболее сложным как для отдельного человека, так и для общества является создание адекватной национально-языковой картины мира в ситуациях двуязычия и смешивания языков.

Анализ показал, что в зависимости от обстоятельств, при которых происходило усвоение второго / иностранного языка (языков), оно может очень по-разному влиять на национально-языковую картину мира, носителем которой является человек-говорящий. Поскольку рассмотренные проблемы приобретают в наше время все большую актуальность, их дальнейшее исследование является очень перспективным.

Литература

- 1- Василенко В.Р. (2012) *Языковая картина мира как средство межкультурной коммуникации // Вестник психологии и педагогики: Сборник науч. трудов.* – Киев – Вып. 7.– С. 132–140.
- 2- Гачев Г.Д. *Национальные образы мира. Курс лекций* [Электронный ресурс]. – URL: <http://jsulib.ru/Lib/Articles/997/115> (дата обращения: 18.09.2017).
- 3- Герц Г. (1973) *Принципы механики, изложенные в новой связи // Жизнь науки. Антология вступлений к классическому естествознанию.* Москва: «Наука». – С. 206 – 210.
- 4- Гумбольдт В. фон. (1984) *Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; пер. с нем. Г. М. Рамишвили.* – Москва: «Прогресс».
- 5- Ещенко Т. (2010) *Понятие «родной язык» в двуязычной среде // Украинский язык в современном культурном пространстве Восточной Украины: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 17 ноября 2010 года.* – Донецк: «Украинский культурологический центр». – С. 99 – 103.

- 6- Кальмук А.Р. *Национальная языковая картина мира и её связь с паремнологическим фондом* [Электронный ресурс]. – URL: <http://naub.oa.edu.ua/2014/natsionalna-movna-kartyna-svitu-ta-jiji-zvyazok-iz-paremiolohichnym-fondom-2/> (дата обращения: 19.02.2018).
- 7- Корнилов О.А. (2003), *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, Москва: Изд-во ЧеРо.
- 8- Потемня А.А. (1993), *Мысль и язык*, Киев: Изд-во «Наукова думка».
- 9- Родной язык [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: http://uk.wikipedia.org/wiki/Рідна_мова (дата обращения: 25.02.2018).
- 10- Ставицька Леся Блудный суржик. Миф, язык, стиль [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/11935> (дата обращения: 02.03.2018).
- 11- Терещенко К.В. (2012) *Языковое воплощение концептуальной картины мира // Переводческие инновации: материалы II Всеукраинской студенческой научно-практической конференции*, Сумы, 15–16 марта 2012 г. – Сумы: СумГУ. — С. 27–30.
- 12- *Философские вопросы языкознания* (1972). Киев: Изд-во «Наукова думка».

Bibliography

- 1- Vasilenko V.R. (2012) *Jazykovaja kartina mira kak sredstvo mezhkul'turnoj komunikacii // Vestnik psihologii i pedagogiki: Sbornik nauch. trudov.* – Kiev – Vyp. 7.– S. 132–140.
- 2- Gachev G.D. *Nacional'nye obrazy mira. Kurs lekcij* [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://jsulib.ru/Lib/Articles/997/115> (data obrashhenija: 18.09.2017).
- 3- Gerc G. (1973) *Principy mehaniki, izlozhennye v novej svjazi // Zhizn' nauki. Antologija vstuplenij k klassicheskomu estestvoznaniju.* Moskva: «Nauka». – S. 206 – 210.
- 4- Gumbol'dt V. fon. (1984) *Izbrannye trudy po jazykoznaniju / Vil'gel'm fon Gumbol'dt; per. s nem. G. M. Ramishvili.* – Moskva: «Progress».
- 5- Eshhenko T. (2010) *Ponjatje «rodnoj jazyk» v dvujazyčnoj srede // Ukrainskij jazyk v sovremennom kul'turnom prostranstve Vostočnoj Ukrainy: Materialy mezhregional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii 17 nojabrja 2010 goda.* – Doneck: «Ukrainskij kul'turologičeskij centr». – S. 99 – 103.
- 6- Kal'muk A.R. *Nacional'naja jazykovaja kartina mira i ejo svjaz' s paremiologičeskim fondom* [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://naub.oa.edu.ua/2014/natsionalna-movna-kartyna-svitu-ta-jiji-zvyazok-iz-paremiolohichnym-fondom-2/> (data obrashhenija: 19.02.2018).
- 7- Kornilov O.A. (2003), *Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov*, Moskva: Izd-vo CheRo.

- 8- Potebnja A.A. (1993), *Mysl' i jazyk*, Kiev: Izd-vo «Naukova dumka».
- 9- Rodnoj jazyk [Jelektronnyj resurs] // Vikipedija. – URL: http://uk.wikipedia.org/wiki/Ridna_mova (data obrashhenija: 25.02.2018).
- 10- Stavic'ka Lesja Bludnyj surzhik. Mif, jazyk, stil' [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/11935> (data obrashhenija: 02.03.2018).
- 11- Tereshhenko K.V. (2012) *Jazykove voploshhenie konceptual'noj kartiny mira // Perevodcheskie innovacii: materialy II Vseukrainskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Sumy, 15–16 marta 2012 g. – Sumy: SumGU. — S. 27–30.
- 12- *Filosofskie voprosy jazykoznanija* (1972). Kiev: Izd-vo «Naukova dumka».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Шкорина И. М. (2020). Language and the National Language Picture of the World in the Era of Integration and Globalization. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 8(1), 139-155.

DOI: 10.29252/iarll.15.139

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/113>

Formation and Functioning of the Communicative Space of the Modern Megapolis (On the Example of the Youth Slang in the City of Kyiv)

Prykhodko Iryna Georgiyivna¹

Senior Lecturer, Kyiv Medical University,
Kyiv, Ukraine.

(date of receiving: June, 2019; date of acceptance: October, 2019)

Abstract

One of the most active and influential elements in the linguistic landscape of the metropolis is youth slang. This sociolect makes a significant contribution to the formation of the communicative space of the capital. By the example of a lively speech of young Kiev city dwellers in situations of everyday communication the author made an attempt to show how the speech behavior of the youth contributes to the expansion of the range of actual communicative situations and the popularization of slang vocabulary (which is characterized by vivid emotionality and subjective evaluation). The analysis revealed that as a result of the increase in the number of information flows and the role of mass communication (the Internet, social networks, television, radio, the press), the scope of youth slang functioning is expanded and its written form is fixed.

Keywords: Sociolect, Youth Slang, Language of the City, Urban Communications.

1. E-mail: rialk21@gmail.com

Формирование и функционирование коммуникативного пространства современного мегаполиса (на примере молодёжного сленга г. Киева)

Приходько Ирина Георгиевна¹

Старший преподаватель, Киевский медицинский университет,
Киев, Украина.

(дата получения: июнь 2019 г.; дата принятия: октябрь 2019 г.)

Аннотация

В настоящее время одним из самых активных и влиятельных элементов языкового ландшафта мегаполиса является молодёжный сленг. Этот социолект вносит существенный вклад в формирование коммуникативного пространства столицы.

На примере живой речи молодых киевлян в ситуациях бытового общения автором была предпринята попытка показать, как речевое поведение молодёжи способствует расширению круга актуальных коммуникативных ситуаций и популяризации сленговой лексики, для которой характерны яркая эмоциональность и субъективная оценка.

Благодаря распространению, доступности и массовости различных гаджетов (планшет, iPad, смартфон), наращиванию возможностей интерактивного общения в общественных местах коммуникация перемещается из приватной зоны в публичную и личная информация становится достоянием широкого круга людей. В результате увеличения числа информационных потоков и роли массовой коммуникации (интернета, социальных сетей, телевидения, радио, прессы) расширяется сфера функционирования молодёжного сленга и фиксируется его письменная форма.

Ключевые слова: Социолект, Молодёжный Сленг, Язык Города, Городская Коммуникация.

1. E-mail: rialk21@gmail.com

Введение

Как известно, значительные социальные, экономические и политические преобразования в жизни общества, вызванные процессом его демократизации, свободой слова и отменой цензуры, обуславливают существенные изменения и в языковом узусе. Авторитетные лингвисты среди актуальных процессов, которые происходят в языке, называют «неумеренную демократизацию языка – его люмпенизацию» (Скляревская 2001. 186), «активизацию разговорной речи, расширение сфер ее функционирования» (Елистратов 2007. 663), «активное взаимодействие литературного языка с просторечием и различными жаргонами» (Валгина 2001), «заимствование языковых элементов (и коммуникативных навыков) из социальных и профессиональных жаргонов и их переход в литературный язык (публичную сферу общения) (Какорина 2003. 251)».

На современном этапе одной из самых ярких и значимых тенденций развития языка считается масштабное продвижение субстандартной лексики с периферии языковой системы в другие области национального языка, более близкие литературному стандарту. Ученые справедливо отмечают, что «...практически во всех европейских языках экспансия жаргона стала реальным фактом, вызывающим тревогу у блюстителей чистоты речи и попытки по-разному оценить и объективно описать эти явления. В каждой стране такая экспансия жаргона имеет свою специфику» (Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005. 3). Н.С. Валгина обращает внимание на появление «новых центров экспансии — низовой городской культуры, молодежной контркультуры и уголовной субкультуры» (Валгина 2001). В результате целый пласт некодифицированной лексики, ранее использовавшейся при общении только членами социально ограниченных групп, вышел за рамки привычного употребления и хлынул в речь самых широких слоев населения. Сленговые слова и выражения стали активно проникать во многие сферы общественной

жизни (публицистику, политические дебаты, средства массовой информации, литературу), а их отдельные элементы фиксируются в толковых словарях.

Закономерно, что возрос интерес к проблемам живой русской речи и её стали активно изучать в рамках проблем социальной и функциональной дифференциации языка, при анализе активных процессов в языке массовой коммуникации и в контексте языка города

В данной статье на примере молодёжного сленга г. Киева показано как усложняется городская вербальная коммуникация в результате развития технических средств и информационных технологий, появляются новые возможности и каналы общения, а также происходит фиксация сленговой лексики в письменной форме.

Основная часть

Как справедливо отметила проф. Л.А. Кудрявцева, на протяжении многих лет занимающаяся изучением киевского городского просторечия, «наблюдения над живой речью горожан дают более достоверное представление о языковой ситуации в городе» (Кудрявцева 2001. 7). В полной мере представить этноязыковой ландшафт полилингвокультурного города, по мнению Е.Н. Степанова, позволит методика комплексного исследования феномена разговорной городской речи (Степанов 2013. 9). В процессе городской коммуникации пересекаются и взаимодействуют различные социальные слои населения, разговорная речь которых формирует языковой ландшафт современного большого города. В нём представлены разнообразные социальные диалекты: общий сленг, профессиональные и корпоративные сленги и жаргоны (молодежный, военный, армейский, медицинский, компьютерный, музыкальный, наркоманов, рокеров, панков, хиппи, футбольных фанатов и т. д.), арго преступного мира и др. На современном этапе именно молодёжный сленг является одной из самых активных и

влиятельных в языковом плане стихий и вносит существенный вклад в формирование коммуникативного пространства мегаполиса.

Как компонент городского просторечия молодёжный сленг находится вне литературного стандарта; используется при неофициальном, непринуждённом общении со своими ровесниками; существует преимущественно в устной форме; характеризуется ярко выраженной эмоциональной экспрессивностью с элементом субъективной оценки (достаточно резкой); отражает ситуации повседневной жизни.

На Украине носители молодёжного сленга (молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет) по данным переписи 2001 г. составляют почти 24 % горожан (более детально с демографическим составом населения можно ознакомиться на сайте 2001.ukrcensus.gov.ua).

Разнообразен и их социальный статус: учащаяся молодёжь (школьники старших классов, студенты высших и средних учебных заведений), рабочая молодёжь, молодая техническая и гуманитарная интеллигенция, солдаты и матросы срочной службы, члены неформальных (панки, хиппи, рэперы и др.) и досуговых (футбольные фанаты, толкиенисты и др.) объединений. Это наиболее деятельная и энергичная часть общества, которая открыта всему новому, не боится экспериментировать и вносить инновации во все сферы своей жизни, а в некоторых случаях даже специально стремится к эпатажу. По своей природе молодёжный сленг является наиболее динамичной системой из всех прочих социальных диалектов, наиболее подверженной влиянию моды.

Такое поведение проявляется и в языке: молодёжь активно занимается словотворчеством, стремится создать новые оригинальные номинации с ярко выраженной экспрессивностью. Элементы эмоциональности и субъективной оценки (достаточно резкой), присущие лексике молодёжного сленга, выгодно отличают её от литературных слов и способствуют распространению и расширению первоначальной сферы употребления. Со временем часть слов

молодёжного сленга (например: *балдеть, крутой, продвинутый, тусовщик, тащиться*) может даже получить статус общелитературности, что фиксируется в нормативных словарях современного русского литературного языка при помощи помет. Например, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (издание РАН 1999) единицы молодёжного сленга (*балдеть, голубой, дурь, отмочить, продвинутый, съезжать, тусоваться* и др.) сопровождаются пометами «*прост.*» и «*разг.*». В «Толковом словаре русского языка конца XX в. языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складневской, где зафиксировано около 190 единиц, определяемых нами как принадлежащие к сфере молодёжного сленга, эти слова сопровождаются пометой «*жарг.*» (*байкер, качалка, круто, крутой, тащиться, тусовочный, тусовщик* и др.).

Традиционно сфера формирования и распространения молодёжного сленга ограничивается двумя областями: внутригрупповым общением в референтной группе (нормы и ценности которой наиболее значимы для молодежи) и межгрупповой коммуникацией, предполагающей широкий круг коммуникантов. Между тем актуальные дискурсивные практики городской коммуникации предполагают общение людей, принадлежащих к разным социальным и возрастным слоям населения (школьные товарищи, сокурсники, соседи, коллеги по работе, члены досуговых групп и клубов (хобби, спорт, развлечения т. д.)). Молодёжный сленг в речи горожан можно услышать в разнообразных коммуникативных ситуациях бытового общения вне дома («Транспорт», «Магазин», «Аптека», «Поликлиника», «Очередь» и т. д.). Например, в торговом центре «Самсон» на Подоле женщина-продавец 55 лет (А) предлагает джинсы девушке 30 лет (Б):

Б: *Я не люблю с **наворотами**.*

А (показывая другую пару, расшитую блёстками): *Вот это вот **наворот**. А то просто модная тенденция.*

Или на рынке «Оболонь» мужчина-покупатель respectable вида 55 лет (А) беседует с женщиной-продавцом 30 лет (Б).

А: *Мне вырезки телячьей грамм семьсот!*

Б: *Здесь больше.*

А: ***Покатит!***

Б: *Так покатит, или меньше?*

А: *Та покатит!*

В условиях современного мегаполиса бытовое общение способствует расширению сфер функционирования молодёжного сленга за счет городской, семейной и массовой коммуникации.

Посредством внутрисемейной коммуникации осуществляется влияние речи молодого поколения на языковые привычки взрослых, когда в речевой манере старших представителей семьи появляются специфические «следы», унаследованные от детей и внуков: *Часов до одиннадцати почти никого не было, а потом вдруг, как говорит мой сын, начался такой **движняк**.* (говорит женщина 42-х лет, общаясь с подругой). *Как ты там любишь повторять? **Супер-пупер** волкодав?* (спрашивает мужчина 64 лет у внука). *Что же ты у своего **продвинутого** Тараса не спросил? Тут он для тебе не авторитет?* (спрашивает женщина 47 лет у сына-подростка.).

Существенные изменения в сфере городской коммуникации произошли с распространением Интернета, стремительным развитием в области компьютерных и электронных технологий, спутниковой связи, а также глобализационными процессами в обществе. Разнообразие индивидуальных средств связи (планшет, iPad, айфон, MP3-плеер, электронная книга, смартфон), их общедоступность и массовое распространение среди населения приводит к тому, что у современных горожан формируется зависимость от гаджетов, так называемый «гаджетинг» (Препотенская 2016. 59). Развитие мобильной связи и создание специальных программ для смартфонов и

планшетов, обеспечивающих передачу текстовых (чат), видео и аудиосообщений при помощи IP-телефонии (Skype) и WiFi (Viber), позволяет вести приватные разговоры в общественных местах при большом скоплении людей (в транспорте, кафе, торговых центрах, государственных учреждениях и др.). В таких условиях все присутствующие помимо своей воли становятся пассивными участниками коммуникативного акта и знакомятся с особенностями речи говорящего. Коммуникация при помощи sms-сообщений предполагает при минимуме языковых средств передать максимум информации, поэтому в таких сообщениях активно используются сленговые единицы, отличающиеся краткостью и семантической насыщенностью.

Значительная роль в популяризации лексики молодёжного сленга и её дальнейшем распространении принадлежит средствам массовой информации (телевидению, прессе, радио, рекламе и Интернету). Именно прессу, кино, телевидение, радио следует считать основными каналами распространения и популяризации лексики молодёжного сленга, т. к. СМИ несут информацию о разнообразных сторонах общественной и культурной жизни. Пресса мгновенно реагирует на все актуальные события в жизни социума, на все изменения человеческой деятельности и отражает их в языке, выступает посредником в миграции слов. Почти во всех материалах, касающихся особенностей образа жизни молодых людей, их интересов, вкусов, увлечений, употребляется сленговая лексика, так как она помогает передать систему мировоззрения, ценностных ориентаций, стереотипов поведения молодежи. Активность употребления единиц молодёжного сленга в СМИ зависит от того, на какой круг читателей, слушателей, зрителей рассчитан подготовленный материал – авторы могут использовать как отдельные вкрапления сленговых элементов, так и сплошной сленг.

Использование сленговых слов в средствах массовой информации, ориентированной на самые широкие слои населения, свидетельствует, во-

первых, о расширении сферы употребления данного сленгизма (как правило, появление сленговой единицы в прессе сигнализирует о широкой известности данного слова и его востребованности), а во-вторых, фиксирует письменную форму.

Лексика молодёжного сленга часто употребляется в тематических статьях, цель которых – правдиво отобразить определённый сегмент действительности, связанный с образом жизни молодых людей, например: *Так что решайся, подумай один раз хорошо, и, решившись, больше не задумывайся – полный **оттяг** гарантирован. Для особо **крутых** возможно предоставление поездов на кавказские курорты, где **тусуются** самые **навороченные** сноубордеры России и других стран бывшего «совка».* [ХЗМ, № 2(15), 2011]. *Музыкально-сидюшная контора «Вули-Булли» не перестает нас радовать **свежачками** для ушей и хорошего настроения. Три очередные **плиты** порадовали нас и очень скоро порадуют вас.* [ХЗМ, № 10, 2000].

Часто молодёжный сленг используется в статьях, авторы которых имитируют стиль общения определенного круга молодежи, например: *Продолжаем **базар** в русле Ди-джейских понятий и далее имеем **телегу** о том, какие бывают **винилы**. Для тех, кто вообще **не вдупляет** зачем это, объясняю: это **типа** спецэффекты, для тех, кто **шарит** поясню: хочешь **спрейчевать** – **пробивай** у знакомых, где можно выкупить эту ценную пластинку* [ХЗМ, № 2(15), 2015].

Современные СМИ выполняют не только информационную функцию, для них характерно стремление воздействовать на читателя / слушателя / зрителя, подавая информацию в наиболее образной форме. Поскольку для масс-медиа характерно стремление ориентироваться на разговорную речь обычного носителя языка, поэтому активно используются сленговые слова с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской: *Кто из артистов честно отслужил в армии, а кто предпочел **откосить**?* [«Отдохни», № 9, 2015]; А

*поскольку работать без программистов было невозможно, я тоже подключился к «Александру». В конце возникла страшная **запарка**, каждый человек на счету. [«Gameplay», март, 2015]; Все начиналось с **непоняток**. Желание с нашей стороны и приглашение с российской стороны от В-People было, но не было самого главного – финансы пели романсы и упорно не хотели наполнять карманы... За последние годы поклонники этого стиля получили возможность **классно отрываться** на танцполах [ХЗМ, № 2, 2013].*

Очень часто молодежные сленгизмы в СМИ используются с целью привлечения внимания аудитории. В таких случаях употребление сленговых слов свидетельствует о том, что автор и читатель принадлежат к одному кругу, их объединяют общие интересы и увлечения, например: *Обращаюсь сейчас к тебе, да, к тебе, читатель этой статьи. Ты, **чувак**, один из последних, кто до сих пор ничего не слышал об этом, на первый взгляд слегка **мажорном**, но, в сущности, еще не полностью обвешанном цепями обладателе всяческих музыкальных премий, не говоря уже о прекрасном, почти нулевом Бентли. Средства массовой информации **подсадили** тебя на Нелли на уровне подсознания [ХЗМ, № 9, 2012].*

В настоящее время в средствах массовой информации молодежный сленг присутствует не только в речи журналистов, проблемных статьях, мнениях экспертов и аналитиков, но и в так называемых «вторичных» текстах – интервью, в рубрике ответов и вопросов, переписке с читателями, в журналистских наблюдениях, а также в статьях развлекательного характера – анекдотах, гороскопах. Например, в интервью Валентина Семенюк отвечает корреспонденту: *Семенюк никогда не была **тормозом**, Семенюк показала всем, что такое инвентаризация, те сбережения, которые возвращаются, возвращаются и благодаря Семенюк (Forum, 06.02.2008); врач-нарколог отвечает на вопросы читателей в рубрике «Вопросы доктору»: **Кайф** подростка от пива и **балдѣж** от **травки** – это **кайф** на самом краю*

наркотической пропасти. (КП, 29.09.05); анонс комедии «Крутая Джорджия»: *Признавая поражение в борьбе с дочкой-оторвой мать привозит Рейчел на перевоспитание к суровой бабушке Джорджии (от которой когда-то сама сбежала)* (Сегодня, 09.02.2008); анонс фильма «Вечеринка на Ибице»: *А она целуется со звездным ди-джеем и собирается с ним на Ибицу – зажигать на самой крутой вечеринке*. (КП, 09.02.2008); юмор: *«Раньше пацаны ставили на бабки конкретно. А сейчас это стыдливо называют кредитом»* (КП, 09.02.2008).

Употребление сленгизма в анекдотах и городском фольклоре является свидетельством его освоения основной массой населения, т. к. здесь начинается игра со словом, которая предполагает прекрасное знание языкового материала, всех смысловых нюансов и оттенков. Языковая игра может базироваться как на народной смеховой культуре (балагурстве), так и на содержательной и формальной многоплановости (острословии). Многие анекдоты построены на каламбурном обыгрывании омонимии сленгизмов и слов общенародного языка, что создает комический эффект, например: *«Блин!» – сказал слон, наступив на колобка; Последние слова свиньи на мясокомбинате: «Меня колбасит»; – Как получилось, что вы сбили старушку? – Еду, вдруг бабка из-за угла. Пацаны кричат: «Тормози!». Ну, я и тормозил.*

В данных случаях языковая игра не ограничивается только каламбурным отнесением одного слова к двум разным смысловым планам, что обеспечивает одновременную реализацию разных значений слов (лит. *блин* ‘тонкая лепешка из жидкого теста, испеченная на сковороде’ и мол. *блин* ‘эмоциональное восклицание, которое может выражать досаду, удивление, гнев, страх, разочарование’; прост. *колбасить* ‘делать колбасу’ и мол. *колбасить* ‘плохо себя чувствовать’; лит. *тормозить* ‘замедлять или останавливать движение тормозом’ и мол. *стормозить* ‘вовремя не среагировать, не сообразить’).

Каламбурное сближение происходит на фоне конкретной ситуации. Тем самым, говорящие, прибегая к языковой игре, актуализируют внеязыковой фон, сопутствующий ситуации речи, включая его в акт коммуникации.

В XXI в. возможности современных СМИ влиять на читателей и слушателей возросли многократно благодаря увеличению числа информационных потоков и появлению новых мультимедийных технологий. Так, широко распространяются возможности интерактивного общения с радио- и телеаудиторией, когда любой зритель или слушатель может дозвониться на радио или в телевизионную студию, задать вопрос, принять участие в обсуждении и тем самым быть услышанным многомиллионной аудиторией. Приобретают популярность онлайн-конференции, репортажи и трансляции с мест катастроф, стихийных бедствий, спортивных и развлекательных мероприятий, которые предоставляют возможность переживать публичные события онлайн, в режиме реального времени и тем самым ощущать свою причастность к событию и вовлеченность в него. В современных реалиях любой житель мегаполиса может стать участником съемки телепередачи, реалити-шоу, дать интервью, принять участие в соцопросе или экзитполе. Все эти теле- и радиожанры ориентированы на живое общение, спонтанную речь, которая идёт в эфир без цензуры и передаёт особенности речи горожан: *«Теперь вы знаете остров, где можно **классно розкумариться!**»* [принять наркотик, испытать состояние наркотической эйфории] (комментарий ведущего к песне); *«А у меня есть информация о том, как богатые люди делают покупки и как они **покупаются** на скидки»* (речь диджея); *«Вот, казалось бы, детский анекдот, а надо ж **въехать!**»* (из беседы диджея с радиослушателями).

Речь различных молодёжных групп (с соответствующими языковыми особенностями) в разнообразных коммуникативных ситуациях широко представлена в теле и радиопрограммах (репортажах, круглых столах и т. п.),

где участниками коммуникации выступают не только журналисты, но и представители самых разных профессий, социального статуса, уровня образования. Особенно плодотворны в плане популяризации молодёжного сленга ток-шоу, реалити-шоу, где живая речь участников практически не подвергается редактированию. Следуя специфике жанра, как правило, развлекательного, сленг употребляют как герои передач, так и журналисты: – *Дорогие телезрители! Хочу заметить, что тот, с кем уплывает прекрасная Елена на остров Цитеру не дед Пихто и не конь в пальто, а Парис, сын царя Приама* (А. Варгафтик комментирует сюжет оперетты Оффенбаха; РТР, программа «Камертон», 27.11.05).

Сейчас для того, чтобы стать героем видеосюжета не обязательно принимать участие в теле или радиопрограммах. Технические возможности мобильных телефонов и планшетов в настоящее время позволяют любому человеку самому снять видеосюжет, прокомментировать его или сопроводить печатным текстом и выложить в общий доступ на Youtube, в Instagram или любой другой ресурс. При этом человек сам занимается своей презентацией, решает, что и как он скажет аудитории.

Мощным и агрессивным источником распространения МС является реклама, которая в прагматических целях (манипулирования сознанием, психологического программирования) использует экспрессивный и семантический потенциал сленговой лексики: «*Таскома. Без облома!*» (Реклама посуды марки «Tascoma» в передаче «Вкусно с Борисом Бурдой»); «*Хакнуть по-русски! Новый год для ламера*» (Анонс журнала «Internet.com»); реклама в метро); «*„Репарил“. Зашибись! – Помогае!*» (Реклама геля от ушибов). Как правило, это реклама товаров «модного» образа жизни и атрибутов сферы развлечений (мобильной связи, слабоалкогольных напитков, орешков, батончиков) и она адресована основному потребителю этой продукции – молодёжи: «*Теперь «Без тормозов» – газета не только об автомобилях. С 2003*

*года 2 раза в месяц – всё о самых **улётных** людях, событиях, фактах, приколах, заморочках! Экстремальное **чтиво**: как получать удовольствие от жизни, **крутые** способы заработка, **убойные** откровения звёзд. **ЖИЗНЬ БЕЗ БАШНИ, ЖИЗНЬ БЕЗ ТОРМОЗОВ!** В 2 раза больше информации! Не опоздай! **Живи без тормозов!**»* (Реклама в газете «SPEEDДекамерон», № 2, 2003). Такая реклама является наиболее частотной на ТВ и поневоле запоминается и другими социальными слоями населения, не имеющими отношения к сфере сленгового словоупотребления, в том числе, людьми старшего возраста. Таким образом, происходит приобщение этих социальных групп к восприятию и употреблению разнообразной сленговой лексики.

С развитием электронных средств массовой информации употребление молодежных сленгизмов перестало ограничиваться исключительно сферой устной речи. Интернет предоставил возможности общения на виртуальных площадках: на страницах разного рода тематических форумов, сайтов, социальных сетей, электронных СМИ. Например, в настоящее время сообщества <https://www.liveinternet.ru>, <https://www.livejournal.com> (живой журнал, жж), <http://www.diary.ru> (дневники) объединяют десятки тысяч пользователей.

Значительная роль в распространении молодёжного сленга принадлежит блогерам – людям, которые ведут электронные дневники, онлайн-дневники и на их страницах на регулярной основе размещают записи, содержание тексты, изображения и видео. Блоги разнообразны по своей направленности и ориентированы разную целевую аудиторию: среди них есть простые дневники для самовыражения, дневники с описанием хобби и увлечений (путешествия, спорт, музыка, быт, дизайн, хенд-мейд, здоровый образ жизни, мода, история, фанатская субкультура и т. д.), дневники общественной направленности (политика) и дневники, направленные на продвижение товаров и услуг. Блог соединяет в себе мультимедийные возможности СМИ и непосредственность живого общения. Он предоставляет читателям с одной стороны получение

информации и чтение-развлечение, с другой – отслеживает реакцию публики на те или иные события политической, общественной и культурной жизни страны, с третьей – даёт возможность расширить круг общения, принимать участие в дискуссиях и обсуждениях, делиться своими мыслями и излагать «наболевшее», с четвёртой – анонимность пользователей располагает к более неформальному контакту и позволяет обсуждать самые откровенные темы, что часто затруднительно при непосредственном общении.

Общение в чатах, электронные дневники, комментарии к новостям и статьям, отзывы пользователей разных товаров, авторские блоги – все эти виды коммуникативной активности ориентированы на спонтанную речь, содержат большую квоту молодёжного сленга и предполагают письменное оформление. Приведём примеры (сохранена авторская орфография и пунктуация): «У меня вот тут **нарисовался** было свободный часок, я и пробежалась взглядом по дневникам, меня интересующим... Я иногда **обалдеваю**, до чего доходит скупость людей. Сейчас о конкретном человеке говорю. Мы с ним сотрудничаем уже года три, какой-то период он пытался меня куда-то приглашать, ну, вроде виды имел» (электронный дневник); «Мышка отказывается **пахать**. В плане столько я раз жала уже копировать, вставить, копировать, вставить что сейчас она меня просто **игнорит**. Наверное там есть какое то определенное кол-во подобных операций и больше никак. Уже перезагружалась. Было нормально. Сейчас опять не хочет. Че опять перезагружаться? Может есть другие варианты? Я жму вставить, но ничего не происходит. **Отбой**. Всем спасибо:) Мне в **асе** уже рассказали:) Все в порядке уже» (форум компьютерщиков); «**Настроение просто суперовое**)) Сам не знаю, что случилось, но не могу не вынести боооооольшую благодарность Acris, Anya_Lucky, Humble & Ver, и, в меньшей степени, Sheea & Mickele за то, что они, сами того не ведая, вытащили меня из **депресняка**)) Хадю и улыбаюсь ;) ;))» (авторская запись в

Facebook); «Мило посидели, человек в *реале* оказался ещё более *прикольный*, чем в интернете:))» (комментарий в чужом дневнике); «Телефон как для девушки *прикольный*, но вообще *попса*. *Щас юзаю свой старый SIEMENS, так он это круче!*» (отзыв пользователя мобильного телефона).

Раньше молодежные сленгизмы использовались при таком характерном для молодежи способе общения, как записки школьников (студентов) на уроках (лекциях). В современных условиях этот вид коммуникации трансформировался в sms-переписку и общение в закрытых чатах, но по-прежнему практически недоступен для исследователя, так как содержат сведения интимного характера, не предназначенные для оглашения. С другой стороны, современные технические возможности позволяют делать скриншоты такой переписки и выкладывать её в общий доступ. Как правило, это происходит в случае возникновения конфликтной ситуации между коммуникантами, когда одна из сторон придаёт огласке сугубо личную информацию.

Таким образом, расширение сферы употребления молодежных сленгизмов происходит не только в плане увеличения числа коммуникативных ситуаций и информационных потоков, но и в плане перехода их из устной речи в письменную.

Заключение

Анализ живой речи киевской молодёжи показал, что в настоящее время в результате активного использования молодежных сленгизмов вне традиционного употребления в пределах устного внутригруппового и межгруппового общения происходит расширение коммуникативных сфер их функционирования за счет семейной, городской и массовой коммуникации.

Благодаря внутрисемейной коммуникации элементы молодежного сленга попадают в речь представителей старшего поколения.

Общедоступность и разнообразие индивидуальных средств связи способствуют увеличению числа информационных потоков, в результате чего происходит стирание пространственных, временных и социальных барьеров и в публичное пространство городской коммуникации переносятся ситуации «Деловой разговор по телефону» и «Разговор по телефону на личные темы».

Основным каналом распространения и популяризации сленговой лексики являются СМИ (как издания общего информационного профиля, так специализированные – ориентированные на молодежь и развлекательные) и Интернет. Коммуникация на страницах электронных СМИ, форумов, сайтов, социальных сетей свидетельствуют о расширении сферы употребления молодежных сленгизмов и массовом распространении их письменной формы.

Литература

- 1- Валгина Н.С. (2001) *Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие*. Москва, Изд-во «Логос». [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/>
- 2- Вальтер Х., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2005) *Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: около 5000 слов и выражений*. Москва, Изд-ва «Астрель», «АТС», «Транзиткнига».
- 3- Елистратов В.С. (2007) *Толковый словарь русского сленга*. – Москва, Изд-во «АСТ-ПРЕСС КНИГА».
- 4- Какорина Е.В. (2003) *Сфера массовой коммуникации: отражение социальной дифференцированности языка в текстах СМИ // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова*. – Москва, Изд-во «Языки славянской культуры». С. 241-276.
- 5- Кудрявцева Л.А. (2001) *Русское городское просторечие: Киев – 2000 // Русистика, № 1, с. 4-9*.
- 6- Препотенская М.П. (2016) *Коммуникация в мегаполисе: приватная публичность и публичная приватность // «Урбанистические студии: современное состояние и перспективы развития». Материалы II Всеукраинской научно-практической конференции (г. Днепрпетровск, 25 марта 2016 г.)*. – Днепрпетровск, Изд-во «Грани», с. 59-61.).

- 7- Склjаревская Г.Н. (2000) *Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы* // Исследования по славянским языкам 2001. 6. Корейская ассоциация славистов. Сеул. С. 177-202.
- 8- Степанов Е.Н. (2013) *Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы*: автореф. дис. д. филол. наук, Киев. – 33 с.

Bibliography

- 1- Valgina N.S. (2001) *Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke: Uchebnoe posobie*. Moskva, Izd-vo «Logos». [Jelektronnyj istochnik]. – Rezhim dostupa: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/>
- 2- Val'ter H., Mokienko V.M., Nikitina T.G. (2005) *Tolkovyj slovar' russkogo shkol'nogo i studencheskogo zhargona: okolo 5000 slov i vyrazhenij*. Moskva, Izd-va «Astrel'», «ATS», «Tranzitkniga».
- 3- Elistratov V.S. (2007) *Tolkovyj slovar' russkogo slenga*. – Moskva, Izd-vo «AST-PRESS KNIGA».
- 4- Kakorina E.V. (2003) *Sfera massovoj kommunikacii: otrazhenie social'noj differencirovannosti jazyka v tekstah SMI* // *Sovremennyj russkij jazyk: Social'naja i funkcional'naja differenciacija* / Ros. akademija nauk. In-t russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. – Moskva, Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury». S. 241-276.
- 5- Kudrjavceva L.A. (2001) *Russkoe gorodskoe prostorechie: Kiev – 2000* // *Rusistika*, № 1, s. 4-9.
- 6- Prepotenskaja M.P. (2016) *Kommunikacija v megapolise: privatnaja publichnost' i publichnaja privatnost'* // «Urbanisticheskie studii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija». Materialy II Vseukrainskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Dnepropetrovsk, 25 marta 2016 g.). – Dnepropetrovsk, Izd-vo «Grani», s. 59-61.).
- 7- Skljarevskaja G.N. (2000) *Slovo v menjajushhemsja mire: Russkij jazyk nachala XXI stoletija: sostojanie, problemy, perspektivy* // *Issledovanija po slavjanskim jazykam 2001. 6. Korejskaja asociacija slavistov*. Seul. S. 177-202.
- 8- Stepanov E.N. (2013) *Russkaja gorodskaja rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odessy*: avtoref. dis. d. filol. nauk, Kiev. – 33 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Приходько И. Г. (2020). Formation and Functioning of the Communicative Space of the Modern Megapolis (On the Example of the Youth Slang in the City of Kyiv). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 8(1), 157-174.

DOI: 10.29252/iarll.15.157

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/114>

Affixal Models of Expressing the Category of “Graduality” in the Adjectives of the Russian Language

Baharloo Hadi¹

Assistant Professor, Tarbiat Modares University,
Tehran, Iran.

Ahmadi Mireyla²

Associate professor, Tarbiat Modares University,
Tehran, Iran.

Sanjari Maryam³

Master of Russian Language, Tarbiat Modares University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: December, 2018; date of acceptance: October, 2019)

Abstract

This research paper is devoted to the study of the main affixal morphemes, which are used to express the functional semantic category of graduality in the adjectives of the Russian language. The article considers the category of graduality and its constituent parts (intensification and de-intensification) in Russian linguistics, and the semantic and derivational features of this category. In this work have been studied the affixal means of expressing the intensification and de-intensification of adjectives in Russian language. The analysis shows that affixal morphemes with the meaning of graduation in the Russian language are used most often to express intensification. The results of the analysis can be useful not only to students studying Russian, but also to researchers studying the relationship between functional semantic categories and word-formation means of expression of these categories.

Keywords: Adjective, Graduality, Intensity, Intensification, De-Intensification, Affixal Model.

1. Email: baharloo@modares.ac.ir

2. Email: mireyla@modares.ac.ir

3. Email: Maryam.sanjari71@gmail.com.

Аффиксальные модели выражения категориюградуальности в прилагательных русского языка

Бахарлу Хади¹

Преподаватель, Университет Тарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

Ахмади Мирейла²

Доцент, Университет Тарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

Санджари Марьям³

Магистрант кафедры русского языка Университета Тарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

(дата получения: декабрь 2018 г.; дата принятия: октябрь 2019 г.)

Аннотация

Данная статья посвящена изучению основных аффиксальных морфем выражения функционально-семантической категории градуальности в прилагательных русского языка. Для достижения цели работы были поставлены задачи рассмотрения категории градуальности и ее составляющих частей (интенсификация и деинтенсификация) в русской лингвистике, а также определение семантических и словообразовательных особенностей данной категории. Далее в работе изучены аффиксальные средства выражения интенсификации и деинтенсификации признака в прилагательных русского языка. Выбор темы, прежде всего, связан с малоизученностью аффиксальных морфем прилагательных со словообразовательным значением градуальности в русском языке. Новизна работы заключается в определении позиции, которую занимает каждая аффиксальная морфема прилагательных с градуальным значением на шкале градуальности. Проведенный анализ показывает, что аффиксальные морфемы градуирования признака в русском языке больше всего употребляются для интенсификации. Результаты анализа могут быть полезными не только исследователям, изучающим взаимосвязь функционально-семантических категорий и словообразовательных средств выражения этих категорий, но и студентам, изучающим русский язык.

Ключевые слова: Имя Прилагательное, Градуальность, Интенсивность, Интенсификация, Деинтенсификация, Словообразовательная Модель.

1. Email: baharloo@modares.ac.ir

2. Email: mireyla@modares.ac.ir

3. Email: Maryam.sanjari71@gmail.com.

Введение

Словообразование как особый раздел языкознания постоянно привлекает внимание не только лингвистов и исследователей, но и специалистов, изучающих методику преподавания иностранных языков. Этот интерес при изучении иностранного языка связан с потенциалом словообразования в расширении способности студентов для образования, понимания и использования новых языковых единиц в результате знакомства с разными морфемами и словообразовательными типами. Объектом рассмотрения в данной исследовательской работе является словообразовательный тип, в котором производное слово образуется от производящего прилагательного с помощью форманта со словообразовательным значением «градуальности».

Вопрос о градуальности прилагательных в русском языке исследовался некоторыми лингвистами (такими как З.Б. Долгих, С.М. Колесникова, К.А. Константинова, С.С. Кадысева и т.д.). Из их работ можно сделать вывод, что эта категория как качественно-количественная характеристика признака, предмета указывает на степень проявления качества, которая разделяется на интенсификацию (усилению) и деинтенсификацию (уменьшению) признака.

Основная часть

Понятийные категории можно рассматривать с разных точек зрения: логической, философской и психологической и лингвистической. Среди указанных подходов, за прошлые десятилетия особое значение приобрело их лингвистическое рассмотрение.

Как утверждает Л.М. Васильев типы семантических категорий очень разнообразны. Основные критерии их классификации – это степень абстрактности и самостоятельности, объем содержания и его внутренняя расчлененность, внешнее средство выражения содержания и характер связи с другими семантическими категориями. Л.М. Васильев среди наиболее

абстрактных и логически самостоятельных указывает на семантические категории предмета, признака, бытия, отношения, действия, состояния, количества, качества, пространства, времени и т.п. Он наряду с указанными наиболее абстрактными категориями называет менее абстрактные, в том числе семантические категории движения, места, направления, множества (множественности), величины, степени, каузативности, притяжательности, одушевленности и т.п., называемые обычно субкатегориями. В качестве примера он выделяет множественность, величина, мера, степень и собирательность как субкатегории количества; а локативность, директивность, объемность и протяженность как субкатегории пространства и т.д.

Л.М. Васильев, указывая на иерархический характер отношения между семантическими категориями (СК) и субкатегориями, пишет, что «во-первых, простые семантические категории входят нередко в сложные семантические категории, неоднородные по своему логическому содержанию. Во-вторых, многие семантические категории имеют релятивный характер, т.е. мыслятся только в связи с какими-то другими категориями. Например, СК степени (градуальности) всегда мыслятся вместе с СК качества (*очень прочный*) или интенсивности (*очень быстрый*); СК движения – вместе с СК пространства; состояние предполагает носителя состояния (субъект); оценка всегда имеет в виду того, кто оценивает, и объект оценки и т.д. В-третьих, семантические категории образуют однородные по своему логическому содержанию группы, лежащие в основе соответствующих группировок функционально-семантических полей» (Васильев 1990. 139-140)

Среди указанных категорий проблема изучения функционально-семантической категории градуальности и средств ее выражения в языке составляет основной предмет нашей исследовательской работы. Что касается истории работы, среди научных трудов, посвящённых рассмотрению слов со значением мера и степени и возраста можно указать на работы Е.И. Шегала,

И.И. Туранского, А.А. Ховаланой, Э. Сепира, Д. Болинджера и др. (Долгих 2012. 22).

Простым примером категории градуальности в русском языке является степень сравнения. По Ю.П. Князеву «количественная оценка меры (степени проявления) признака является семантической основой степеней сравнения». Он на основе работы И.А. Мельчука (Мельчук 1998. 117) предлагает следующее обобщающее определение: «категорией степеней сравнения называется такая категория, граммы которой характеризуют степень интенсивности данного свойства – либо по отношению к такому же свойству другого объекта или всех объектов, мыслимых в данной ситуации, либо по отношению к тому же свойству того же объекта, но в другой момент времени». Естественно, что данная категория предполагает только признакам, которые возможно градуировать (нарастать или убывать). В этой категории обычно выступают антонимы. Ясно, что прилагательные типа большой – маленький, широкий – узкий, хороший – плохой отличаются не выражением разных признаков, а степенью проявления разных значений одного и того же признака (Князев 2007. 179).

Качественно-количественная характеристика признака, предмета, предъявляемая в современном русском языке через семантику градуального признака (степени качества) и семантику мерительного отношения, как функционально-семантическая категория, имеет словообразовательные, морфологические, синтаксические способы выражения (Михайловна 2009: 7).

Как указывает З.Б. Долгих «одним из основных языковых уровней, представляющих и выражающих градуальную семантику, является лексический». Он, на основе определения С.М. Колесникова (2012), определяет градуальную лексику так «слова или сочетания слов, семантическая структура которых содержит градусемеру (семеру меры и степени величины признака)» (Долгих 2012. 24).

Как утверждает Е.А. Гордиенко среди разных частей «главствующее место в выражении категории градуальности принадлежит качественным прилагательным, так как именно они обозначают такой признак, который проявляется в предмете в большей или меньшей степени». В качестве примера можно указать на прилагательное *легкий* (рис. 1).

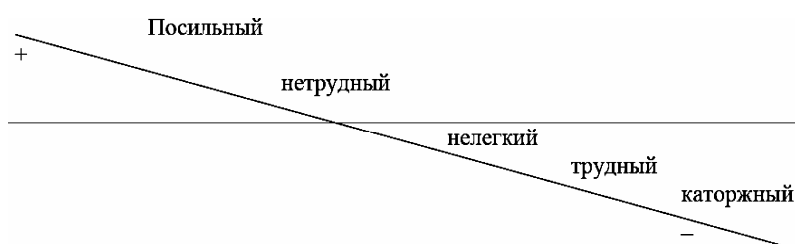

Рис. 1: Шкала градации признака для прилагательного «легкий»

«Качественные имена прилагательные обозначают признаки, которые легко поддаются градуированию: цвет, физические и психические свойства человека, размеры и т.д.» (Гордиенко 2005. 5-6).

Составляющие субкатегории градуальности

Семантическая категория градуальности разделяется на две основные субкатегории: интенсификация и деинтенсификация.

Интенсификация – это оценочная категория, которая служит для выделения какого-либо референта среди подобных референтов, и выделение такого рода происходит по субъективному представлению говорящего о мере признака или действия, отличающейся от нормальной (Родионова 2005. 154). Деинтенсификация выражает меньшую степень проявления качества и играет существенную роль при выражении низкой степени интенсивности (Гвоздев 1958. 242. Шиловская 2007. 1).

По определению Н.Д. Федяевой «интенсификаторы, употребляемые со словами, называющими полярные проявления признака, могут изменять

Аффиксальные модели выражения градуальности прилагательных в русском языке

Основные способы градуирования признака в русском языке можно разделить на две группы: эксплицитно выраженные и имплицитно выраженные. В первую группу входят два основных способа: выражение в слове (с помощью аффиксов) и вне слова (с помощью градуаторов как наречия, местоименные слова, частица и т.д., например, *очень, совсем, почти, чуть-чуть*).

Имплицитное градуирование признака «связано с тем, что градуальная семантика качественных прилагательных является характерным их признаком» (Усачева 2004. 31).

Первую группу составляют в основном мотивированные (производные) прилагательные, а вторую группу немотивированные (непроизводные).

Далее в связи с темой нашей работы рассматриваем основные аффиксальные морфемы, использующиеся в русском языке для интенсификации и деинтенсификации признака прилагательных русского языка. Корпус анализа составляет более 200 примеров из разных источников, в том числе: «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой (Ефремова 1996), «Современный русский язык. Словообразование» (Земская 2011), «Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование» (Мусатов 2010), «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (Ефремова 2000).

Для толкования аффиксальных морфем кроме вышеуказанных источников использованы книги «Современный русский литературный язык (Гвоздев 1958) и «Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе» (Князев 2007).

Аффиксы интенсификации признака прилагательных

На основе результатов нашего анализа можно сказать, что префиксальный, префиксоидальный и суффиксальный способы являются основными способами, использующимися в русском языке для интенсификации признака прилагательных. Далее в работе рассматриваются эти способы и средства их реализации в русском языке, а также определяется положение указанных формантов на шкале градации признака.

1. Префиксальный способ: основные средства интенсификации признака при префиксальном способе можно разделить на следующие:

за-: префикс **за-** обозначает признак, который характеризуется нахождением по той стороне или за пределами того, что названо мотивирующим словом или словосочетанием с ним, например: *законченный* (обладающий целостностью, полнотой, завершённый), *запредельный* (находящийся за пределами чего-л. или находящийся за пределами реальной действительности); *заумный* (излишне мудреный; недоступный пониманию кого-л.).

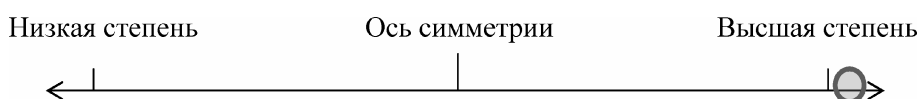

Рис. 3: Шкала градации приставки **за-**

наи-: в ряд приставок-интенсификаторов можно включить приставку **наи-**, которая при присоединении к превосходной степени выражает экспрессивное усиление и придает слову несколько архаический, книжный характер. Например: *наивысший* (самый высший), *наикратчайший* (самый короткий), *наилучший* (самый лучший), *наименьший* (самый малый), *наиаккуратнейший* (самый аккуратный), *наиумнейший* (очень умный), *наибезобразнейший* (очень безобразный).

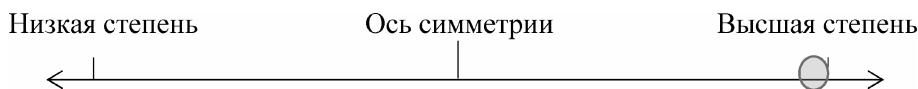

Рис. 4: Шкала градации приставки *най-*

пре-: по значению близка к наречиям меры высокой степени **очень**, **чрезвычайно**, и в новых образованиях нередко создает оттенок разговорной речи». Например: *премилый* (очень милый), *прежирный* (очень жирный), *преважный* (очень важный), *препротивный* (весьма противный), *preneприятный* (очень неприятный), *прегрубый* (грубый в высшей степени), *преотличный* (отличный, превосходный).

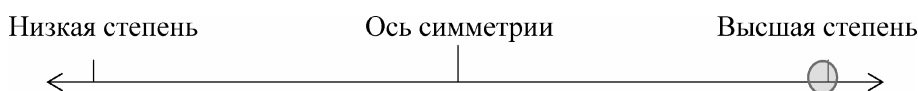

Рис. 5: Шкала градации приставки *пре-*

раз-: по значению синонимична приставке **пре-** и отличается от нее оттенком грубоватости. Например: *развесёлый* – очень весёлый (ср. *превесёлый*), *разлюбезный* (очень приятный, милый кому-л.), *разудалый* (такой, которому все нипочем; очень удалой), *распрекрасный* (очень прекрасный), *расчудесный* (очень чудесный), *разнесчастный* (очень несчастный), *распотешный* (очень потешный).

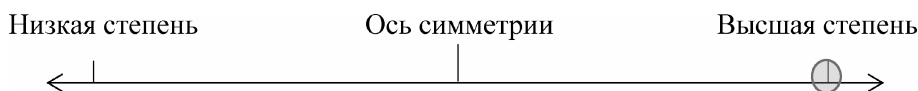
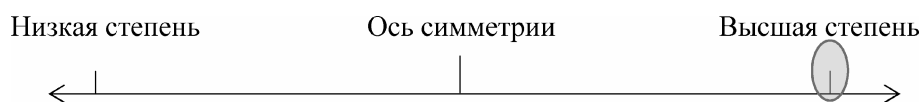

Рис. 6: Шкала градации приставки *раз-*

по-: приставка-интенсификатор со значением незначительной интенсивности, например, *покраснее* – стать красным, краснее, приобрести красный цвет, *поболее* – немного больше, *получше* – немного лучше, *пониже* – немного ниже и т.д.

Рис. 7: Шкала градации приставки *пере-*

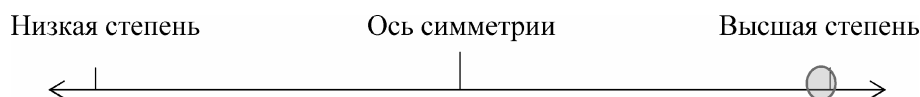
пере-: словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением усиленного признака. *известный-переизвестный* (чрезмерно известный), *перерослый* (выросший выше других), *переразвитый* (чрезмерно развитый), *перепуганный* (находящийся в постоянном страхе, сильный испуг), *перепрелый* (испорченный от прения; перепревший), *переполненный* (наполненный, заполненный чем-л. сверх меры, с избытком), *переобремененный* (чрезмерно, слишком обременять), *перенасыщенный* (слишком сильно насыщенный, пропитанный чем-л.), *перенаселенный* (слишком густо населенный, с избытком населения) и т.п.

Рис. 8: Шкала градации приставки *пере-*

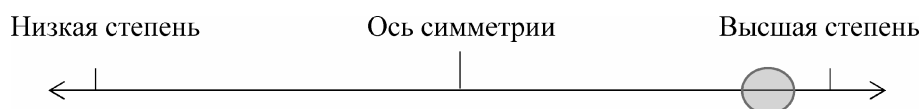
2. Префиксоидальный способ: В.Н. Мусатов определяет аффиксоиды как «словообразовательные морфемы, которые совмещают в себе как признаки корня, так и признаки аффикса. В зависимости от того, какую роль выполняют аффиксоиды (суффикса или префикса), они подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды. Префиксоиды – это такие корневые морфемы, которые занимают в слове позицию префиксов и употребляются в их функции» (Мусатова 2010. 60-61).

Из основных префиксоидов русского языка, которые могут служить интенсификатором признака можно указать на следующие:

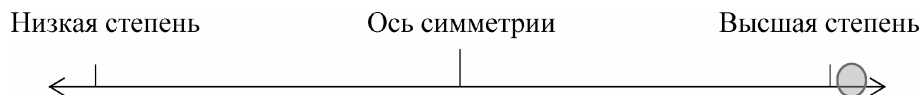
архи-: со значением высокой степени проявления признака. *архисовременный* (очень современный), *архиважный* (очень важный),

Рис. 11: Шкала градации префиксоида *супер-*

досто-: первая часть сложных слов с общим значением очень, весьма: *достоуважаемый* (весьма уважаемый, (много)уважаемый), *достопочтенный* (весьма почтенный).

Рис. 12: Шкала градации префиксоида *досто-*

сверх-: со значением высокой степени проявления признака. Этот аффикс выражает высшую меру, указывая как бы на превышение обозначаемого качества» и по значению аналогична **ультра-сверхчеловеческий** (превышающий обычные человеческие силы, возможности), *сверхметкий* (обладающий очень большой меткостью), *сверхсильный* (превышающий чьи-л. силы, возможности; непосильный), *сверхдальний* (значительно превышающий обычную, среднюю дальность чего-л.), *сверхмощный* (обладающий очень большой мощностью), *сверхопытный* (не доступный опыту, находящийся за пределами опыта), *сверхтвердый* (отличающийся очень большой твердостью), *сверхтяжелый* (значительно превышающий обычную тяжесть), *сверхразумный* (находящийся за пределами постигаемого разумом), *сверхъестественный* (необычайный).

Рис. 13: Шкала градации префиксоида *сверх-*

чрез-: со значением высокой степени проявления признака: *чрезмерный* (превосходящий меру; слишком большой, слишком сильный), *чрезвычайный*

(превосходящий обычную меру, не такой, как обычно; исключительный, очень большой, очень сильный).

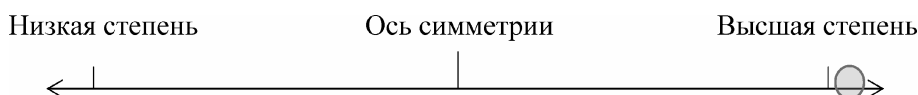

Рис. 14: Шкала градации префиксоида *чрез-*

небез- (*небес-*): отрицает отсутствие известного признака и на основе этого указывает на небольшую меру качества. Она по значению близка к суффиксу – **оват-**». Например: *небезвредный* (причиняющий или приносящий некоторый вред; довольно вредный), *небесполезный* (имеющий или приносящий некоторую пользу; довольно полезный), *небезызвестный* (имеющий некоторую известность, достаточно известный), *небезгрешный* (не лишенный грехов; довольно греховный), *небезынтересный* (не лишенный некоторого интереса; довольно интересный), *небезопасный* (не лишенный опасности; довольно опасный), *небезуспешный* (имеющий некоторый успех; довольно успешный), *небезразличный* (вызывающий некоторый интерес, сочувствие, внимание), *небезобидный* (могущий причинить обиду, вред), *небезосновательный* (имеющий некоторые основания; достаточно основательный), *небезвыгодный* (приносящий некоторую выгоду; довольно выгодный).

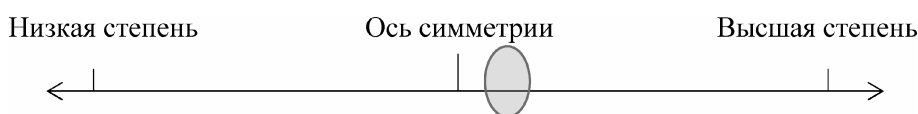

Рис. 15: Шкала градации префиксоида *небез-* (*небес-*)

экстра-: усиливает значение производящего прилагательного, и выражает признак, выходящий за пределы обычного: *экстракардиальный* (чрезвычайно кардиальный), *экстраординарный* (чрезвычайный, необыкновенный), *экстрановый* (чрезвычайно новый), *экстремодный* (чрезвычайно модный).

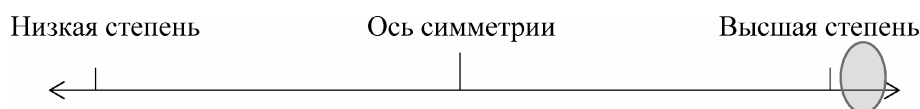

Рис. 16: Шкала градации префиксоида экстра-

3. Суффиксальный способ: среди основных суффиксов-интенсификаторов признака прилагательных в русском языке можно указать на следующие:

-ёхоньк- (-охоньк-), -ёшеньк- (-ошеньк-), -еньк- (-оньк-): выражают предельно меру качества». Например: *белехонький* – *белешенький* (очень белый), *чернехонький* – *чернешенький* (очень черный), *слабенький* (очень слабый) – *слабоватый*, *серенький* – *сероватый* (очень серый), *новехонький* – *новешенький* (очень, совсем новый), *синенький* (очень синий), *добренький* (очень добрый), *живехонький* (очень скоро, быстро), *тихонький* (очень тихий), *умнёшенький* (очень умный), *легошенький* (очень легкий), *сухонький* (совсем сухой), *молоденький* (очень молодой).

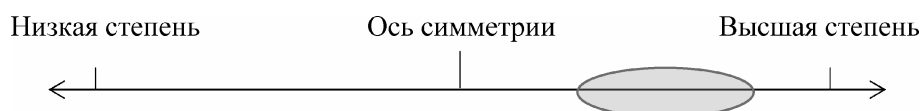

Рис. 17: Шкала градации суффиксов -ёхоньк- (-охоньк-), -ёшеньк- (-ошеньк-), -еньк-(-оньк-)

-ученьк- (-юсеньк-): Формо- и словообразовательный суффикс, образующий имена прилагательные с усиительно-ласкательным значением *малюсенький* (очень маленький).

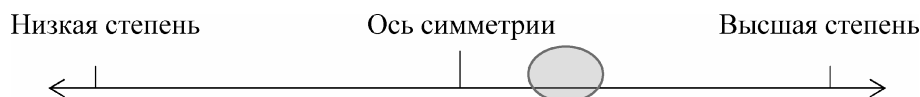

Рис. 18: Шкала градации суффикса юсеньк-

-уц- (-юц-, -яц-, -ац-): выражает большую меру качества. Например: *жирующий* (очень жирный), *худющий* (самый плохой), *чернящий* (очень черный), *большущий* (очень большой; огромный), *синящий* (очень синий), *злющий* (очень злой), *хитрющий* (очень хитрый), *длиннющий* (очень длинный).

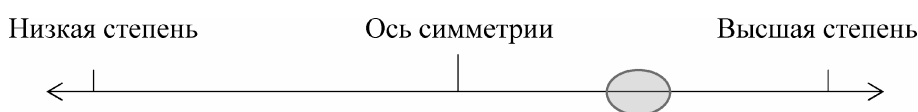

Рис. 19: Шкала градации суффикса -уц- (-юц-)

-ейш (ий)- / -айш (ий): выражает большую меру качества. Например: *богатеиший* (очень богатый), *старейший* (очень старый), *широчайший* (очень широкий), *строжайший* (очень строгий), *крупнейший* (очень крупный).

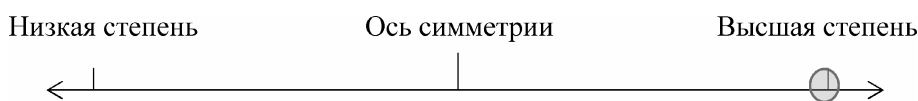

Рис. 20: Шкала градации суффикса -ейш (ий)- / -айш (ий)

Словообразовательные способы выражения деинтенсификации прилагательных в русском языке

Основными способами выражения деинтенсификации прилагательных (как и в случае интенсификации) являются префиксальный и суффиксальный способы, которые рассматриваются в следующей части.

1. Префиксальный способ: Из префиксов-деинтенсификаторов русского языка можно указать на следующие:

без- (бес-): образует прилагательное антоним к прилагательным без этой приставки, выражая значения отсутствия признака, например: *безбожный* (отрицающий существование бога), *безбрежный* (не имеющий берегов, видимых границ), *безудержный* (ничем не удерживаемый), *беспощадный* (не

дающий пощады), *бесценный* (очень ценный; неоценимый), *бесчисленный* неисчислимый, многочисленный), *беспорный* (не вызывающий возражений, сомнений, споров), *безотрадный* (лишенный отрады, радости), *бездельный* (ленивый), *безграмотный* (не умеющий читать и писать; неграмотный), *безопасный* (не грозящий опасностью. Не причиняющий вреда), *бесчеловечный* (очень жестокий, безжалостный), *безболезненный* (не вызывающий, не причиняющий боли), *безаварийный* (протекающий, происходящий без аварий), *безбоязненный* (не знающий боязни), *безвкусный* (не имеющий хорошего вкуса), *безъядерный* (свободный от производства, размещения и применения ядерного оружия, не имеющий ядра).

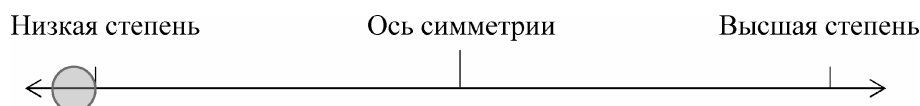

Рис. 21: Шкала градации приставки без- (бес-)

не-: отрицает наличие признака, образуя антонимы к прилагательным без этой приставки: *несмелый* (робкий), *небольшой* (*маленький*) – *большой*, *нередкий* (*частый*), *нехороший* (*плохой*), *нетрудный* (легкий), *несложный* (простой), *невесомый* (не имеющий веса, тяжести, очень легкий, имеющий незначительный вес), *неограниченный* (ограниченный), *невозможный* (неосуществимый, невыполнимый), *невеселый* (находящийся в грустном настроении; скучный), *неверный* (не соответствующий действительности, истине; ложный, ошибочный), *нескромный* (выражающий отсутствие скромности) и т.д.

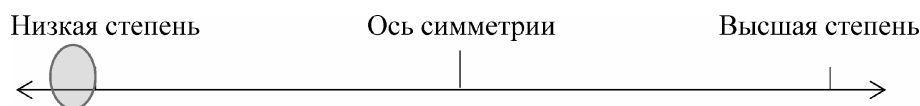

Рис. 22: Шкала градации приставки не-

а-: словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением признака, который характеризуется отрицанием или отсутствием качества, близка по значению к приставкам **без-**, **не-**: *аморальный* (неотносящийся к морали, нарушающий мораль, *безнравственный*), *алогичный* (неотносящийся к логике, противоречащий логике, *нелогичный*), *аритмичный* (характеризующийся отсутствием или нарушением ритма; неритмичный), *асинхронный* (не совпадающий во времени, не одномоментный) и т.д.

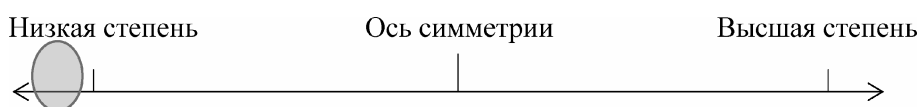

Рис. 23: Шкала градации приставки а-

полу-: единственный префиксоид, добавляющий к прилагательным значение неполноты признака (не вполне, почти): *полуодетый* (одеть не полностью), *полуголый* (почти голый), *полуразрушенный* (разрушенный не полностью), *полубольной* (недомогающий, не совсем здоровый), *полугласный* (не до конца гласный; неявный, неоткрытый), *полуграмотный* (едва умеющий читать и писать), *полудетский* (почти детский, почти как у ребенка), *полудикий* (до некоторой степени дикий), *полудремотный* (близкий к дремотному), *полуживой* (близкий к смерти, умирающий; полумертвый), *полураздетый* (почти раздетый, не совсем одетый), *полуразбитый* (почти лишенный сил (физических или моральных)), *полупрозрачный* (не совсем прозрачный), *полупомешанный* (не совсем нормальный, с признаками помешательства), *полуофициальный* (официальный до некоторой степени).

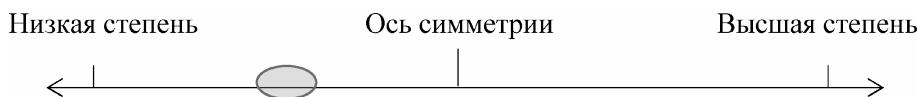

Рис. 24: Шкала градации префиксоида полу-

2. **Суффиксальный способ.** В ряду суффиксов -деинтенсификаторов можно указать на следующие:

-еньк- и -оньк-: выражает уменьшительно-ласкательное значение в таких прилагательных, как *сухонький* (уменьш.-ласкат. к сухой), *молоденький* (немного молодой), *старенький* (немного старый) *слабенький* (немного слабый) – *слабоватый*.

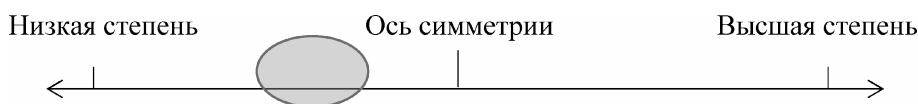

Рис. 25: Шкала градации суффикса -еньк- и -оньк-

-оват- (-еват-): со значением ослабленного, неполного качества. Ю.П. Князев утверждает, что «в качестве еще одного компонента «категория сравнения и оценки» иногда выделяют модератив – обозначение ослабленной степени качества, реализуемое в таких прилагательных, как *красноватый* (в некоторой, в определенной степени красный, немного красный) и *беловатый* (приближающийся цветом к белому, имеющий белый оттенок)» (Князев 2007. 180). Например: *желтый* – *желтоватый* (немногожелтый, имеет желтый оттенок), *сероватый* (немного серый), *синеватый* (немного синий), *жесткий* – *жестковатый* (немногожесткий), *редкий* – *редковатый* (немного редкий), *грубоватый* (немного грубый), *сутуловатый* (немного сутулый), *глуповатый* (недостаточно умный; недалекий), *резковатый* (немного резкий), *светловатый* (немного светлый), *холодноватый* (немного холодный), *седоватый* (немного седой), *беловатый* (приближающийся цветом к белому, имеющий белый оттенок), *рыжевватый* (немного рыжий), *черноватый* (немного чёрный), *хитроватый* (немного хитрый) и т.д.

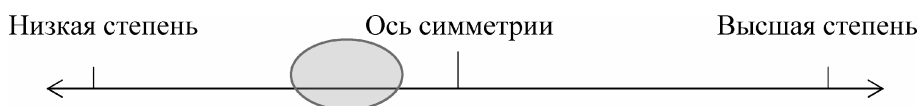

Рис. 26: Шкала градации суффикса -оват- (-еват-)

Как показывает наш анализ, основную роль в градуировании признака играют предкорневые морфемы (18 морфем). Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Аффиксальные морфемы градуирования признака в русском языке.

Интенсификация	деинтенсификация
Префикс	
общее количество: 6 за- най- пре- раз- по- пере-	общее количество: 3 без-, бес- не- а-
Префиксоид	
общее количество: 8 архи- ультра- супер- досто- сверх- чрез- небез-, небес-: эустрада-	общее количество: 1 полу-
Суффикс	
общее количество: 4 -ёхоньк-, (-охоньк-), -ёшеньк-, (-ошеньк-), -еньк- (-оньк-) -юсеньк- -ущ- (-ющ-, -ящ-, -ащ-) -ейш (ий)- / -айш (ий)	общее количество: 2 -оват- (-еват-) -еньк- (-оньк-)

Степень градуирования признака в прилагательных русского языка может меняться в зависимости от использованной аффиксальной морфемы. На рисунке 27 нарисована шкала градации признака прилагательных в общем виде.

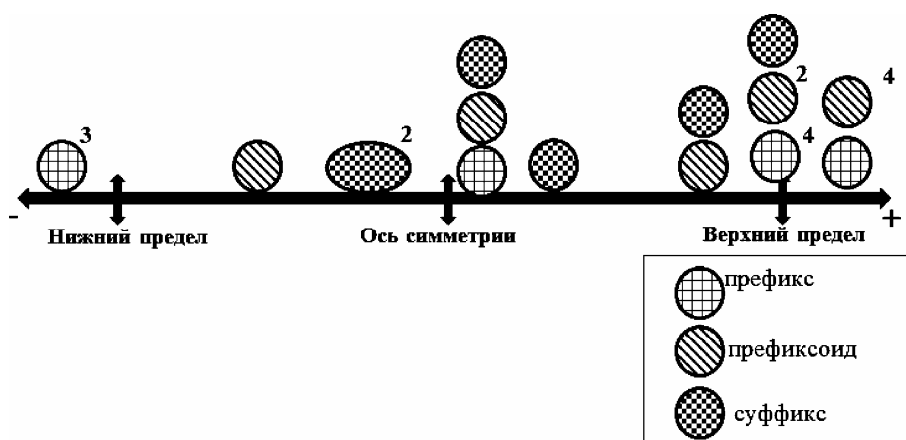

Рис 27. Сравнение степени градуирования признака в русском языке (числа обозначают количество морфем, выражающих данную точку градуирования)

Заключение

Анализ словообразовательных способов выражения значения градуальности в прилагательных русского языка показывает, что в обеих субкатегориях интенсификации и деинтенсификации используются суффиксальный, префиксальный и префиксоидальный способы. В обоих разделах суффиксальный и префиксальный способы являются основными способами, но в субкатегории интенсификации более заметна роль префиксоидов.

В общем, в русском языке 24 морфемы служат для градуирования признака прилагательных: 18 морфем-интенсификаторов, и 6 морфем-деинтенсификаторов. При этом интересно наличие омонимичных морфем - **еньк-**, **оньк-** с омонимичным значением интенсификации и деинтенсификации.

Литература

- 1- Гвоздев А.Н. (1958), *Современный русский литературный язык*.–М., государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР.
- 2- Гордиенко Е.А. (2005), *Категория интенсивности: опыт применения принципа унификации при исследовании антонимо-синонимических отношений в лексике современного русского языка* // дисс. на соиск. уч. ст. кфн. Волгоград.
- 3- Долгих З.Б. (2012), *Функционально-семантическая категория градуальности в системе современного португальского языка*. –М. Вестник МГЛУ. Выпуск 10 (643).
- 4- Ефремова Т.Ф. (2000), *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*.–М., Изд-во «Русский язык».
- 5- Ефремова Т.Ф. (1996), *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*.–М., Изд-во «Русский язык».
- 6- Земская Е.А. (2011), *Современный русский язык. Словообразование*.–М., Изд-во «Флинта: Наука».
- 7- Князев Ю.П. (2007), *Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе*.–М., Изд-во «Язык и славянский культур».
- 8- Колесникова С.М. (2012), *Синтагматические особенности наречий меры и степени и их градуальная функция в современном русском языке*. –М. Вестник МГОУ. Серия "Русская филология". No 3.
- 9- Михайловна Р.Е. (2009), *Категория градуальности в современных мордовских языках (на материале имени прилагательного)* // дисс. на соиск. уч. ст. кфн. – М.
- 10- Мусатов В.Н. (2010), *Русский язык: Морфемика, морфонология, словообразование*. –М., Изд-во «Флинта: Наука».
- 11- Родионова С.Е. (2005), *Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры*. Под. Ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик –СПБ., Изд-во «Наука».
- 12- Федяева Н.Д. (2003), *Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий градуальности, оценки, нормы (на лексическом и текстовом материале современного русского языка)* // дисс. на соиск. уч. ст. кфн. Омск.
- 13- Шиловская Л.В. (2007), *Особенности деинтенсификации действия, выраженного глаголом и именем существительным в современном французском языке*. Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 9.
- 14- <https://ru.wiktionary.org>

Bibliography

- 1- Gvozdev A.N. (1958), *Sovremennyy russkij literaturnyy jazyk*. –M., gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo ministerstva prosveshhenija RSFSR.
- 2- Gordienko E.A. (2005), *Kategorija intensivnosti: opyt primeneniya principa unifikacii pri issledovanii antonimo-sinonimicheskikh otnoshenij v leksike sovremennogo russkogo jazyka* // diss. na soisk. uch. st. kfn. Volgograd.
- 3- Dolgih Z.B. (2012), *Funkcional'no-semanticheskaja kategorija gradual'nosti v sisteme sovremennogo portugal'skogo jazyka*. –M. Vestnik MGLU. Vypusk 10 (643).
- 4- Efremova T.F. (2000), *Novyy slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. –M., Izd-vo «Russkij jazyk».
- 5- Efremova T.F. (1996), *Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo jazyka*. –M., Izd-vo «Russkij jazyk».
- 6- Zemskaja E.A. (2011), *Sovremennyy russkij jazyk. Slovoobrazovanie*. –M., Izd-vo «Flinta: Nauka».
- 7- *Grammaticheskaja semantika: russkij jazyk v tipologicheskoy perspektive*. –M., Izd-vo «Jazyk i slavjanskij kul'tur».
- 8- Kolesnikova S.M. (2012), *Sintagmaticheskie osobennosti narechij mery i stepeni i ih gradual'naja funkcija v sovremennom russkom jazyke*. –M. Vestnik MGOU. Serija "Russkaja filologija". No 3.
- 9- Mihajlova R.E. (2009), *Kategorija gradual'nosti v sovremennykh mordovskikh jazykah (na materiale imeni prilagatel'nogo)* // diss. na soisk. uch. st. kfn. –M.
- 10- Musatov V.N. (2010), *Russkij jazyk: Morfemika, morfonologija, slovoobrazovanie*. –M., Izd-vo «Flinta: Nauka».
- 11- Rodionova S.E. (2005), *Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom russkom jazyke // Problemy funkcional'noj grammatiki: Polevye struktury*. Pod. Red. A.V. Bondarko, S.A. Shubik –SPB., Izd-vo «Nauka».
- 12- Fedjaeva N.D. (2003), *Jazykovej obraz srednego cheloveka v aspekte kognitivnykh kategorij gradual'nosti, ocenki, normy (na leksicheskom i tekstovom materiale sovremennogo russkogo jazyka)* // diss. na soisk. uch. st. kfn. OMSK.
- 13- Shilovskaja L.V. (2007), *Osobennosti deintensifikacii dejstvija, vyrazhennogo glagolom i imenem sushhestvitel'nyh v sovremennom francuzskom jazyke*. Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Ser. 9.
- 14- <https://ru.wiktionary.org>

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Бахарлу Х., Ахмади М. & Санджари М. (2020). Affixal Models of Expressing the Category of “Graduality” in the Adjectives of the Russian Language. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 8(1), 175-197.

DOI: 10.29252/iarll.15.175

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/115>

A Reflection of the Struggle for Individual Freedom in Nineteenth-Century Russia in the Life and Work of V.F. Raevskogo «The First Decembrist»

Yunkina Anna Aleksandrovna¹

Teacher of Russian language and literature, Municipal Budgetary General Education Institution "Secondary School №11" MBOU "SOSH 11" the city of Stary Oskol (Belgorod region),
Stary Oskol, Russia.

(date of receiving: February, 2019; date of acceptance: August, 2019)

Abstract

The study Goal was to recreate the image of the tragic and heroic personality of the poet-Decembrist V.F. Raevsky, analyzing books dedicated to his life, to get acquainted with the history of the poems. The life-tragedy of the V.F. Raevskogo is that he is, sentenced by a military court to death for free-thinking, spent five years in the castle dungeons, awaiting execution, and after its cancellation — more than forty years in Siberian exile. The heroism of “the first Decembrist” is that even in this hopeless situation, he survived, not broken, fought valiantly for life for the truth. In exile, Vladimir Fedoseevich Raevsky was taught to read and write peasant children. In Siberia, he continued to write poetry. In the center of his Rejewski — way “singer in prison”, unyielding fighter for his ideals, not bowed “ramen head” or to the people or to fate. In spite of all the blows of the rock, V.F. Raevsky did not lose heart, remained true to his ideals and values to the end.

Keywords: V.F. Raevsky, Decembrists, Link, Poem, Noble Family, Teaching Activities, Destiny.

1. E-mail: 1anna_76@mail.ru

Отражение борьбы за свободу личности в России XIX века в жизни и творчестве В.Ф. Раевского - «первого декабриста»

Юнкина Анна Александровна¹

Учитель русского языка и литературы муниципального бюджетного
общеобразовательного учреждения
«Средняя общеобразовательная школа №11» (МБОУ «СОШ №11» города
Старый Оскол,
Старый Оскол (Белгородской области), Россия.

(дата получения: февраль 2019 г.; дата принятия: август 2019 г.)

Аннотация

Цель исследования – воссоздать образ трагической и героической личности поэта-декабриста В.Ф. Раевского, проанализировав книги, посвящённые его судьбе.

Жизненная трагедия В.Ф. Раевского состоит в том, что он, приговоренный военным судом к смертной казни за вольнодумство, провёл пять лет в крепостных застенках, ожидая исполнения приговора, а после его отмены – более сорока лет в сибирской ссылке. Героизм «первого декабриста» в том, что даже в этой безнадёжной ситуации он выстоял, мужественно боролся за правду.

Находясь в ссылке, Владимир Федосеевич Раевский учил грамоте крестьянских детей. Он женился на крещёной бурятке Евдокии Моисеевне Середкиной, успешно хлебопашествовал, огородничал: устроил парники, выращивал арбузы и дыни; купил мельницу, завел лошадей. В Сибири продолжал писать стихи. В центре творчества Раевского — образ «певца в темнице», непреклонного борца за свои идеалы, не склонившего «рамен с главою» ни перед людьми, ни перед судьбою.

Ключевые слова: В.Ф. Раевский, декабрист, ссылка, стихотворения, дворянский род, педагогическая деятельность, судьба.

1. E-mail: 1anna_76@mail.ru

Введение

Формулировка проблемы. Имя «первого декабриста» В.Ф. Раевского недостаточно известно современной молодёжи. Ни того, что его именем названа улица в Старом Осколе, ни музея в селе Богословка под Губкином недостаточно для популяризации незаурядной, талантливой личности, обладавшей невероятной силой духа. Поэтому **актуальность исследования** заключается в том, что оно предлагает познакомиться с неизвестными страницами жизни нашего выдающегося земляка. **Цель исследования** – воссоздать образ трагической и героической личности поэта-декабриста. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**: проанализировать книги, посвящённые судьбе В.Ф. Раевского, познакомиться с историей создания стихотворений.

Краткий обзор используемой литературы и источников: краткая информация о жизни В.Ф. Раевского содержится в «Белгородской энциклопедии». Александр и Николай Крупенковы написали книгу «Судьба декабриста» в остросюжетном публицистическом жанре на основе использования архивных документов, обнаруженных авторами в переписке семьи Раевских и публикующихся впервые. Книга А.Н. Крупенкова «Братья Раевские» посвящена В.Ф. Раевскому и его братьям, людям неординарным, оставившим след в истории страны. При подготовке очерков использованы ранее неопубликованные письма родственников В.Ф. Раевского, обнаруженные в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Изучению биографии В.Ф. Раевского посвящена книга Натана Эйдельмана «Необыкновенная жизнь декабриста Раевского». Большую историческую и научную ценность представляет целиком состоящая из документов книга «Воспоминания В.Ф. Раевского», подготовленная к печати исследователем-литературоведом М.К. Азадовским. Первым же биографом В.Ф. Раевского стал П.Е. Щеголев, посвятивший жизнь изучению фактов биографии А.С. Пушкина.

Он видел в Раевском лишь типичнейшего представителя вольнодумства Александровской эпохи, не выделявшегося сколько-нибудь заметно из среды других деятелей того времени. Невысоко ценил первый биограф Раевского его поэтическое творчество; его стихи имели, по мнению Щеголева, лишь историко-литературное значение. Благодаря исследованиям и публикациям Л. Сперанской, В.Г. Базанова и П.С. Бейсова фонд сочинений Раевского обогатился ценнейшими материалами: стихотворения, письма, наброски художественных отрывков в прозе, официальные заявления и протесты, политические и публицистические трактаты, автобиографические наброски и записки. В свете этих материалов и исследований Раевский предстает перед нами как выдающийся представитель начальной поры революционного движения, замечательный пропагандист и организатор, незаурядный поэт, талантливый и блестящий писатель-публицист.

Предмет исследования: личность, политические взгляды, семья В.Ф. Раевского. **Объект исследования:** воспоминания, письма, исследовательская литература, посвящённая сложной судьбе В.Ф. Раевского. **Методы исследования:** чтение произведений, изучение литературы по теме. **Гипотеза:** Трагедия В.Ф. Раевского в том, что он, приговоренный военным судом к смертной казни за вольнодумство, провёл долгие пять лет в крепостных застенках, ожидая исполнения приговора, а после его отмены – более сорока лет в сибирской ссылке. А героизм «первого декабриста», как назвали его позже, состоит в том, что даже в этой, казалось бы, безнадёжной ситуации он выстоял, не сломался, мужественно боролся за жизнь, за правду, как он её понимал, и в итоге, одержал победу над своими мучителями.

Основная часть

Чем может быть интересна современному читателю личность Владимира Федосеевича Раевского? Чем прославился человек, на родине которого, в селе

Богословка Губкинского городского округа, к 200-летию со дня его рождения, 8 апреля 1995 года, открыт и ныне действует дом-музей? Село, в котором расположен музей, раньше называлось слободой Хворостянкой. В конце XVIII века она относилась к Старооскольскому уезду Курской губернии. Именно здесь 28 марта (8 апреля) 1795 года родился первый декабрист, хороший друг «солнца русской поэзии» А.С. Пушкина, поэт, публицист, участник Бородинского сражения Владимир Федосеевич Раевский. Он принадлежал к старинному дворянскому роду, имевшему, в том числе, и собственный герб. В XVIII в. слобода Хворостянка была подарена Александре Андреевне Фениной (матери Владимира Федосеевича) как приданое. Её муж, Раевский Федосей Михайлович, построил здесь одноэтажный дом, с колоннами и стрельчатыми окнами, посадил фруктовый сад и липовую аллею. В этой семье и родился будущий декабрист Раевский В.Ф. Его родители построили Андреевскую церковь. В музее хранится камень из основания церкви, на котором написано: «1804 года мая 18 дня усердием Федосея Михайловича и Александры Андреевны Раевских». Сохранил этот камень краевед, житель села Хворостянка, учитель Шаталов.

А в начале XIX в. приезжает второй Раевский – Владимир Гаврилович и строит дом на участке, который был подарен его жене Шеховской. Двухэтажный дом с фруктовым садом, липовыми аллеями и с привезёнными из Америки каштанами начали строить в 20-х гг. XIX в. Часть аллеи и два каштана сохранились до наших дней. В Хворостянке помнят, что Раевские были добрыми помещиками и всегда помогали крестьянам в трудное время, давали продукты, если к ним обращались. Вероятно, именно своей добротой, интеллигентностью, культурой поведения запомнились Раевские.

Последним Раевским, жившим в этом доме, был двоюродный племянник Владимира Федосеевича – Николай. Начавшаяся в XX веке борьба с местными богатеями не коснулась помещика Раевского Н.В., так как крестьяне не имели

к нему никаких претензий: он был добр к ним, откликался на просьбы. Поэтому он прожил в селе до 1929 г., а потом, передав дом под школу, уехал в Ленинград к детям. Школа начала свою работу с 1930 г. по решению Райисполкома. Сначала это была ШКМ (школа крестьянской молодёжи), а с 1939 г.- средняя школа. С 1973 по 1995 г. дом стал превращаться в развалины. В 2013 году дворянскую усадьбу отреставрировали. Сейчас дом Раевского – памятник архитектуры регионального значения. В нём под одной крышей расположились музей, рассказывающий о жизни первого декабриста, библиотека, детская музыкальная школа и Дом ремёсел.

В родовом поместье прошли первые восемь лет жизни Владимира Федосеевича, сюда он приезжал в 1858 году, после амнистии, подышать воздухом родных мест и поклониться могилам отца, матери, четырёх братьев и двух сестёр.

Пришлец! Здесь родина твоя —

Впервые светлая заря

Здесь взор твой озарила

Здесь колыбель твоя была

И праотцов твоих могила.

Истоки характера человека нужно искать в его детстве. Для получения образования Владимира Раевского отправляют из родных мест в Москву, где он восемь лет проводит в благородном пансионе при Московском университете, существовавшем на взносы состоятельных родителей. В том же московском пансионе обучались В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов. Выбор такого учебного заведения свидетельствует о том, что отец Владимира придавал огромное значение хорошему образованию детей, открывающему прекрасные жизненные перспективы, и не жалел для этого ни сил, ни средств. Годовая плата при поступлении в пансион составляла 750

рублей. Если родители не обеспечивали детей учебными книгами, то за право пользоваться учебниками платили. Желаящие обучиться игре на фортепиано или верховой езде также оплачивали уроки за свой счёт. (За обучение игре на скрипке и флейте плата не взималась). При поступлении воспитанники дарили пансиону серебряные ложки, простые ножи и вилки. Не трудно представить, сколько средств потребовалось Федосею Михайловичу Раевскому на содержание в благородном пансионе трёх сыновей. Но не только о просвещении родных детей заботился Федосей Михайлович. Село Богословка было в числе самых просвещённых населённых пунктов края, потому что помещики Раевские стремились охватить обучением всех детей своей округи, построив для них школы.

Режим в благородном пансионе резко отличался от домашнего, но Владимир быстро освоился. Раевский готов был соблюдать справедливый порядок. В пять часов утра, едва в коридорах раздавался звонок, воспитанники были на ногах. И с этого момента их время было подчинено строгому распорядку: завтрак, занятия в классах, обед, приготовление уроков на завтра. Учёба чередовалась с играми, развлечениями. А ровно в девять вечера все были в кроватях, отходили ко сну. Видимо, именно эта привычка к порядку, умение грамотно и с пользой распределять время, и помогли Раевскому не сломаться в годы испытаний тюремным заключением и ссылкой...

Жили пансионеры в общем корпусе. Только для отличных и полуотличных учеников выделялись отдельные комнаты или горницы. За занятиями, играми, поступками и общением между собой, за явкой в классы и столовую, за здоровьем и опрятностью учеников наблюдали комнатные надзиратели, неотлучно находящиеся при воспитанниках.

К концу обучения Раевский обладал глубокими познаниями в области отечественной и мировой истории и литературы, географии, в совершенстве овладел французским и немецким языками. У Владимира в пансионе были

любимые учителя, которые прививали своим ученикам понятия доброты, справедливости, человеческого достоинства и подлинного благородства. Годы учёбы стали хорошей школой умственного и нравственного развития. Уже тогда у Владимира начала складываться собственная точка зрения на некоторые явления жизни, которая отличалась от общепринятой, в частности, от той, которой придерживались отец и родственники. В одном из своих позднейших писем, вспоминая время учения в пансионе, Раевский писал сестре Вере: «Любил ли меня отец наравне с братьями Александром и Андреем – я не хотел знать, но что он верил мне более других братьев, надеялся на меня одного, – это я знал. Он хорошо понимал меня и в письмах своих, вместо эпитафии, начинал: «Не будь горд, гордым Бог противен»; в моих ответах я начинал: «Унижение паче гордости»... Я воспитывался с братьями вместе, братья не были дружны между собой, но оба они искренно любили меня. И когда мать наша посылала нам деньги на конфеты и пансион, и всегда мне менее, нежели каждому из них, – они всегда делились поровну и как бы стыдились за мать» (Натан Эйдельман). Первым ударом, обрушившимся на Владимира, стала смерть матери: одиннадцать детей осиротели, когда в 1810 году от чахотки умерла мать Александра Андреевна Раевская.

В годы учёбы в благородном пансионе Владимир был близок со старшим братом Александром, тем тяжелее стала его безвременная кончина от чахотки. Боль утраты выразил Раевский в стихотворении «Элегия»:

Раздался звон глухой... Я слышу скорбный глас,
Песнь погребальную вдали протяжным хором,
И гроб, предшествуем бесчувственным собором.
Увы! То юноша предвременно угас!
Неумолимая невинного сразила
Зарею юных дней

И кров таинственный, неведомый открыла

Для горести отца, родных его, друзей.

В автобиографическом письме к В. Ф. Поповой от 21 мая 1868 г. читаем: «Насколько любил я сестер моих — и Наталья, и Александра очень хорошо знали, — когда в Петербурге с Петербургской стороны в Смольный монастырь, зимою, в 30 градусов мороза, в легкой шинельке сверх мундира, в кивере и в холодных сапогах, я ходил пешком, чтобы только повидаться, поцеловаться с ними...»

Владимир Раевский старался не обмануть надежд, возлагаемых на него отцом. Будучи зачисленным в 1811 году после окончания пансиона в Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе в Петербурге, он проявлял похвальное прилежание к военным наукам, добросовестно штудировал труды прославленных русских полководцев, особенно А.В. Суворова. В этот период у него начинает пробуждаться осознание социальной несправедливости существующих в России порядков. Раевского-дворянина тяготило угнетение народное... Он писал о том, что помещики, заставляя крестьянина работать и в выходные дни, отлучают его от церкви, подрывают нравственные устои общества. По его словам, «сея семена змеяядные», власть имущие пожнут горькие плоды. Так и случилось.

«Один в поле не воин», — гласит русская пословица. Но Владимир Федосеевич оказался именно таким одиноким борцом с ударами судьбы. Горькому одиночеству посвящены строки стихотворения «Песнь невольника», созданного в начале 1820-х годов:

Пенаты добрые, отчизны берег милый,

Поля родимые, где в юности счастливой

Мой век с беспечностью покойно, мирно тек;

Простите навсегда! Окованный цепями,

Я скорбь делю с слезами,
Я сир и одинок.
(...) Товарищи-друзья! Я с вами разлученный
Не буду более под тенью лиц смиренных
Я счастьем гимны петь: миг радостей поник!
На чуждой стороне, игралище судьбины,
Я жду бедам кончины,
И сир и одинок!

Но жалобы на судьбу – это удел лирического героя стихотворения. Сам же Раевский в любых, самых сложных жизненных перипетиях оставался гордым, не покорившимся, не опустившим головы воином. Он ни разу не позволил себе уныния, смирения и прекращения борьбы. Ни на Бородинском поле в 1812 году... Ни 5 февраля 1822 года при аресте генералом Сабанеевым, о котором он в своих «Воспоминаниях» писал: «Этот роковой час 12-й решил участь всей остальной жизни моей. Мне был 27-й год. Этим арестом кончилась моя светлая, общественная жизнь – началась новая, можно сказать, подземная, тюремная. После жизни военной и тюремной... началась жизнь ссыльная»... [6] (Захар Прилепин). Ни при объявлении приговора о взыскании тысячи семисот шестнадцати рублей и четырёх копеек, истраченных на прогоны в связи с судебным процессом и «лишении живота», — приговора, который он смог опротестовать... Ни в ссылке, оказавшись вдали от остальных декабристов, которые, как могли, поддерживали друг друга, получая помощь от родственников... Ни во время последней поездки в отчий дом для получения своей доли наследства, на которое он, как оказалось, уже не смог претендовать, потому что оно было растрчено неразумным управлением брата Петра и поделено между замужними сёстрами, не пожелавшими помочь старшему брату...

Большую роль в формировании личности В.Ф. Раевского сыграли события Отечественной войны 1812 года. Оказавшись на Бородинском поле, Раевский не думал о грозящей опасности, у него было одно стремление: победить, разгромить врага. Вот что писал он впоследствии о своих переживаниях на поле битвы: «О собственных чувствах я скажу только одно: если я слушал вдали гул пушечных выстрелов, тогда я был не свой от нетерпения, и так бы и перелетел туда... Полковник это знал и потому, где нужно было послать отдельно офицера с орудиями, он посылал меня» [5] (Натан Эйдельман). В послужном «формуляре» краткая запись: «26 августа участвовал в сражении под селом Бородино, за отличие в коем награждён золотою шпагою с надписью «За храбрость». Молодой артиллерист проявил себя и как талантливый поэт. Его стихи по сути своей публицистичны, они призывают на борьбу за свободу и счастье Родины. Патриотические мысли и чувства Раевского ярко выражены в стихотворении «Песнь воинов перед сражением», написанном в разгар войны:

Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярем и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?..
Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить,
Мила за Родину могила,
Без родины поносно жить. [6] (Захар Прилепин).

Если бы не рок судьбы, не стремление бороться за справедливость, Владимир, судя по его мужеству перед лицом смерти, легко смог бы сделать военную карьеру. Однако же мировоззрение Владимира Федосеевича свидетельствовало о неприятии им военных действий. «Война, – считал

Раевский, – это страшное преступление против человечества, а её зачинщики – преступники, которых надо судить народным судом. Я бы спросил, – писал он в заметках о войне 1812 года, – что чувствовал Наполеон, когда после Бородинского сражения 40 тысяч трупов и раненых, стонущих и изнемогающих людей густо покрывали поле, по которому он ехал?... Почему человека, гражданина за убийство одного такого же гражданина наказывают смертью... а смертоубийство массами называют победою?» Несправедливая война, и вообще война, если её можно избежать договорами, уступками, должна рассматриваться судом народным, и виновников такой войны предавать суду и наказывать смертью. Тогда войны были бы реже – и сотни тысяч людей молодых, крепких и здоровых уцелели бы от насильственной смерти». Эти слова звучат актуально и в наши дни.

Противник войны, Раевский так и остался в чине майора. После службы в Каменец-Подольском, где он создал свободолюбивый офицерский кружок «Железные кольца», члены которого носили в знак «священной» дружбы особые железные кольца — символ политического союза, Владимир Федосеевич в конце 1817 года в знак протеста против жестоких наказаний в армии подал в отставку и возвратился домой. Прожив в Хворостянке полгода, он в звании штабс-капитана поступил в 32-й егерский полк, где создал тайное сообщество единомышленников под названием «Дружеский лист». Во время службы в 32-м егерском полку Раевский близко познакомился с видными членами тайного общества М.Ф Орловым и А.Г. Непениным, вступил в «Союз благоденствия», где его соратниками стали будущие декабристы П.И. Пестель, Г.С. Волконский.

Владимир Федосеевич обладал незаурядными организаторскими и педагогическими способностями. Генерал Орлов в августе 1821 года назначил его начальником дивизионного учебного заведения в Кишинёве. Здесь майор Раевский преподавал слушателям историю, географию, государственное

право. На уроках литературы давал юнкерам задания заучивать наизусть стихотворения К.Ф. Рылеева, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, выбирая те, которые имели политическую направленность. На занятиях он ввёл собственноручно сделанные прописи, в которые вставил слова «свобода», «конституция», «равенство», «революция». Разъяснял солдатам, что природа создала всех людей одинаковыми и поэтому между нами должно быть равенство. Политическая пропаганда была положена и в основу педагогической деятельности Раевского в ланкастерской школе – школе взаимного обучения солдат. Поэтому чрезвычайно важна та характеристика «духа армии», которую дает Раевский позже в своих «Воспоминаниях». Говоря о намерении Тайного общества произвести «военную революцию», Раевский пишет: «На 2-ую Армию можно было смело рассчитывать <...> Солдаты в 16-й дивизии готовы были на отчаянное дело. Именно в этой атмосфере возник такой памятник декабристской публицистики, как политическая записка Раевского «О солдате», проникнутая духом идей тайного общества

Несмотря на то, что именно эти занятия послужили косвенной причиной ареста, заключения в тюрьму и ссылки, Раевский никогда не сожалел о содеянном. Более того, находясь в ссылке, снял помещение и для распространения грамотности среди крестьянских детей создал школу в далёкой сибирской деревне. В Олонках, где он отбывал ссылку, даже женатые стали ходить в училище. Раевский обладал удивительным талантом располагать людей к себе, поэтому сумел сблизиться с простым народом, женился на крещёной бурятке Евдокии Моисеевне Середкиной (1.03.1811—22.04.1875), крестьянке села Олонки Идинской волости Иркутской губернии, родившей ему девятерых детей. Успешно работал от крестьянского общества по поставке чая и вина, хлебопашествовал, огородничал: устроил парники, выращивал арбузы и дыни; купил мельницу, завел лошадей; крестьянское

общество поручило ему, как грамотному и умелому человеку, вести общую торговлю.

В Сибири он продолжал писать стихи, среди которых особого внимания заслуживает одно из самых сильных, выношенных и выстраданных его произведений — стихотворение «Мой милый друг, твой час пробил», известное под названием «К дочери» (1848). Обращенное к старшей дочери поэта и приуроченное к ее замужеству, оно имеет и более широкий адрес. Это обращение к молодому поколению, которое должно правильно оценить сделанное отцами, сберечь и продолжить их дело. Раевский возвращается памятью к дням молодости, когда он «боролся долго» «с разъяренными волнами», к грозному часу, когда над ним «гром ударил в тишине». Он не признает справедливости обрушившейся на него кары. Он зовет новых людей на святой подвиг, на то, чтобы «гореть к высокому любовью», бороться так же самоотверженно, как отцы. В центре творчества Раевского — образ «певца в темнице», непреклонного борца за свои идеалы, не склонившего «рамен с главою» ни перед людьми, ни перед судьбою. Вопреки всем ударам рока, отсутствию помощи и поддержки в сложных жизненных ситуациях В.Ф. Раевский не пал духом, остался верен себе, своим идеалам и ценностям до конца.

Свидетельством неординарности личности В.Ф. Раевского является тот факт, что за недолгое время общения в Кишинёве с А.С. Пушкиным Владимир Федосеевич сумел завоевать доверие и уважение великого русского поэта. По свидетельству И.П. Липранди, изложенному в работе П.Е. Щеголева, «Пушкин, как вспыльчив ни был, но часто выслушивал от Раевского, под весёлую руку обоих, довольно резкие выражения и далеко не обжался, а напротив, казалось, искал выслушивать бойкую речь Раевского». Оба поэта относились друг к другу с известной долей иронии: Раевский называл Пушкина «Овидиевым племянником», а Пушкин прозвал сурового к себе и

другим Раевского «Спартанцем» за смелость его политических суждений. Именно Пушкину судьба доверила первым узнать и предупредить Раевского о грядущем аресте, он дал товарищу возможность уничтожить некоторые компрометирующие материалы. На следующий день после их беседы, 6 февраля 1822 года, Раевский был взят под стражу и заключен в Тираспольскую крепость. Пушкин тяжело переживал случившееся. Поэт-умник сумел передать из крепости стихотворение-послание «Друзьям в Кишиневе». Там были строки, обращенные к Пушкину, «певцу Кавказа».

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где пламя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут как явный разговор,
Как преступление, на плаху.

Прочитав это стихотворение, Пушкин сказал: «После таких стихов не скоро же мы увидим этого Спартанца!» И действительно, после ареста Раевского им больше встретиться не пришлось. В наследии Пушкина есть три незаконченных ответа на послания к нему поэта-декабриста Раевского: послание «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел» и стихотворения «Свободы сеятель пустынный», «Не тем горжусь я, мой певец».

Владимир Федосеевич был мужественным и остроумным, смело выражал свою точку зрения. Одно из его неосторожных высказываний и привело к замене почти оправдательного приговора на ссылку в Сибирь, но в этом был весь Раевский. Великий князь Михаил Павлович поинтересовался, где Раевский получил образование, и пренебрежительно отозвался об университетах и пансионах как рассадниках смуты. На что Раевский ответил:

«Пугачёв не учился ни в университете, ни в пансионе». Следственному комитету так и не удалось доказать причастность майора Раевского к делу декабристов, поднявших восстание в Петербурге и на Юге, однако это не помешало сурово наказать его за упорство и вольнодумство.

История, как известно, движется по спирали. В ходе исследования выяснилось, что нелёгкой была судьба не только первого декабриста, но и его потомков. Из книги Натана Эйдельмана «Первый декабрист», где он цитируется автобиографическая повесть А. Жигулина «Черные камни», удалось узнать, что 1 января 1930 года родился Анатолий Жигулин, праправнук В.Ф. Раевского; в будущем, как и предок, - он заговорщик и поэт. Детство и юность его проходят в Воронеже, где в 1947-1948 годах создается Коммунистическая партия молодежи. В нее входило более пятидесяти человек, в том числе и Анатолий Жигулин, часто действующий под фамилией Раевский. Цель организации – «изучение и распространение в массах подлинного марксистско-ленинского учения». В сентябре 1949-го Жигулин-Раевский арестован и отправлен в ссылку: из Воронежа через Москву (в фургоне «Мясные изделия»), в столыпинских вагонах - через Россию и Сибирь. В сентябре 1950-го - августе 1951-го - тайшетская пересылка, тяжелая работа на лесоповале, где однажды возникает диалог:

- Раевский? Вы дворянин?

- Нет. Мама была дворянкой.

- Позвольте, но ведь Раевских-мужчин, кажется, всех перебили во время гражданской войны, оставшихся - в тридцать седьмом. Вы старший сын в семье?

- Да.

- Так вы, Толя, по законам Российской империи, потомственный дворянин. Ибо если пресекается мужская линия знаменитых наших

фамилий, то титул и звание наследует старший сын женщины, принадлежащей к этому роду. А у вас еще и фамилия двойная.

В августе - сентябре 1951-го отправка из Тайшета на Колыму; затем три каторжных года. Только в 1954-м году, после годов тяжелейшей работы на лесоповале и пыток Жигулина амнистируют. Он, так же, как и прапрадед, не мог молчать. История его непростой судьбы вылилась на страницы литературных произведений: поэтических сборников и автобиографической повести «Чёрные камни».

Заключение

Таким образом, исследование подтвердило гипотезу о том, что в судьбах людей, борющихся против существующего миропорядка за справедливость, стремящихся улучшить облегчить жизнь других людей, тесно переплетаются героизм и трагизм. В.Ф. Раевский достоин сохранения памяти о нём: вопреки сложнейшим ситуациям, создаваемых для него судьбой, бесконечным испытаниям на прочность, Владимир Федосеевич до конца своих дней продолжал трудиться и преумножать добро в нашем сложном и подчас горестном мире.

Литература

- 1- Ермолаева Полина. *Здесь колыбель твоя была...* nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/20...s-kolybel-tvoya-byla 08.02.2018г.
- 2- Жигулин А. (1988). *Черные камни*. Москва: Изд-во «Журнал "Знамя"» № 7 и 8.
- 3- Захар Прилепин. *За нами горы тел кровавых*. www.reading-hall.ru/publication.php?id=19543 08.02.2018г.
- 4- Крупенков А.Н. (1992). *Братья Раевские*. Белгород: Изд-во «Везелица».
- 5- Крупенков А.Н., Крупенков Н.Ф. (1994). *Судьба декабриста: Историческое повествование*. – Белгород: Изд-во МП «Квант».
- 6- Натан Эйдельман. *Первый декабрист*. vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/NYE/FIRST/DEC01.HTM 08.02.2018г.

- 7- Раевский В.Ф. *Из литературного наследия В.Ф. Раевского. Воспоминания В.Ф. Раевского.* docplayer.ru/26336073-Iz-literaturnogo-naslediya-v...a-v-f-raevskogo.html 08.02.2018г.

Bibliography

- 1- Ermolaeva Polina. *Zdes' kolybel' tvoja byla...* nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/20...s-kolybel-tvoya-byla 08.02.2018g.
- 2- Zhigulin A. (1988). *Chernye kamni.* Moskva: Izd-vo «Zhurnal "Znamja"» № 7 i 8.
- 3- Zahar Prilepin. *Za nami gory tel krovavyh.* www.reading-hall.ru/publication.php?id=19543 08.02.2018g.
- 4- Krupenkov A.N. (1992). *Brat'ja Raevskie.* Belgorod: Izd-vo «Vezelica».
- 5- Krupenkov A.N., Krupenkov N.F. (1994). *Sud'ba dekabrista: Istoricheskoe povestvovanie.* – Belgorod: Izd-vo MP «Kvant».
- 6- Natan Jejdelman. Pervyj dekabrist. vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/NYE/FIRST/DEC01.HTM 08.02.2018g.
- 7- Raevskij V.F. *Iz literaturnogo nasledija V.F. Raevskogo. Vospomинanija V.F. Raevskogo.* docplayer.ru/26336073-Iz-literaturnogo-naslediya-v...a-v-f-raevskogo.html 08.02.2018g.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Юнкина А. А. (2020). A Reflection of the Struggle for Individual Freedom in Nineteenth-Century Russia in the Life and Work of V.F. Raevskogo «The First Decembrist». *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(1), 199-216.

DOI: 10.29252/iarll.15.199

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/116>

The Personification of the Nature in the Novel “Sweet Salt of Bosphorus” By E. Safarli

Bryk Marina Murmanovna¹

PhD Candidate, National Pedagogical Dragomanov University,
Kyiv, Ukraine.

(date of receiving: April, 2019; date of acceptance: November, 2019)

Abstract

In modern linguistics much attention is paid to the studying of the concept. Being a key term of many linguistic areas, the concept has become the main subject of cognitive linguistics, lingvoculturology and one of the newest streams — lingvoimagology. Our research deals with the studying of the concept “Nature” and one of the ways of its verbalization in the literary text — personification. Both intellectual and emotional spheres of a person participate in the process of creation of the personification. It contributes to the understanding of the images of the surrounding world, which is very important for perception of a literary text containing writer’s individual vision of different processes and phenomena. Analyzing examples of personification used by the writer gives the possibility to make conclusions about morphological and syntactical structure of this stylistic device and key features which create its basis. The research of stylistic means and devices is especially important in terms of modern literature, because nowadays writers create special language style which must be carefully studied.

Keywords: Lingvoimagology, Concept, Personification, Personification Structure.

1. E-mail: marina212012@rambler.ru

Олицетворение природы в романе Э.Сафарли «Сладкая соль Босфора»

Брык Марина Мурмановна¹

Аспирант кафедры общего языкознания и германистики, Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова,
Киев, Украина.

(дата получения: апрель 2019 г.; дата принятия: ноябрь 2019 г.)

Аннотация

В современном языкознании значительное внимание уделяется изучению концепта. Данный термин является ключевым для ряда областей лингвистической науки, включая когнитивную лингвистику, лингвокультурологию и одно из новейших направлений – лингвоимагологию. В нашем исследовании мы рассмотрим концепт «Природа» и олицетворение как средство его вербализации. В процедуре создания эффекта олицетворения задействованы эмоциональная и интеллектуальная сферы человека. Это способствует пониманию образов окружающего мира и дает возможность пропускать их через чувства и эмоции, что является важным для понимания литературного произведения, в котором заложено индивидуально-авторское видение тех или иных процессов и явлений. Анализ примеров использования автором олицетворения дает возможность сделать выводы о морфолого-синтаксической структуре данного тропа и о ключевых признаках, на основе которых он строится. Особенно актуальными является исследование данного тропеического средства на материале современной прозы, поскольку сегодня писатели создают особенный языковой стиль, который нуждается во всестороннем лингвистическом исследовании.

Ключевые слова: Лингвоимагология, Концепт, Языковая Картина Мира, Олицетворение, Персонификация, Олицетворяющая Структура.

1. E-mail: marina212012@rambler.ru

Введение

Метафорическое осмысление природы имеет древние традиции, поскольку человек с самого начала своего существования был взаимосвязан с ней. Приближенность к природе повлияла на формирование духовного мира человека. Природные явления и объекты являлись предметами поклонения, наделяясь магическими свойствами.

В основе большей части художественных образов природы лежит троп олицетворения, с помощью которого ее объекты и явления наделяются человеческими качествами. Благодаря антропоморфным свойствам природа в литературных произведениях становится не только ключом к пониманию авторского мировосприятия и инструментом передачи эмоциональных состояний, но и полноправным персонажем, включенным в сюжетную структуру и способным оказывать на ее влияние. По справедливому замечанию М. Эпштейна, природа в литературе не просто «эстетическое своеобразие» словесного произведения искусства, но и «система устойчивых мотивов» (Эпштейн 1990. 34).

В данной статье мы исследуем олицетворяющие структуры в романе «Сладкая соль Босфора», которые применяются Э. Сафарли при создании образов природных явлений и объектов, выделяя их грамматические особенности и свойства, на которых они строятся.

Основная часть

Исследование природы попадает в поле интересов многих фундаментальных наук и становится составляющей различных видов искусств. Для современных направлений лингвистики является актуальным изучение природы в виде концепта. В настоящее время термин концепт находит применение в различных областях лингвистической науки:

когнитивистики, лингвокультурологии, лингвоимагологии. Согласно данным наукам, концепт является ключевой единицей языковой картины мира. В настоящее время наиболее полное исследование языковой картины мира возможно в рамках лингвоимагологии.

Лингвоимагология – новое синтезирующее направление, которое разрабатывается профессором Л.П. Ивановой и включает в себя «отдельные аспекты и категории когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, теории текста, теории коммуникации, прагмалингвистики» (Иванова 2013. 144).

Термин «концепт» в лингвоимагологии рассматривается как элемент художественного осмысления мира, потому для раскрытия его значения используем определение Ю.С. Степанова: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов 1995. 30).

В процессе воплощения концепта в художественном тексте важная роль принадлежит образным средствам языка. Предметом нашего исследования являются олицетворения в рамках концепта «Природа» в романе Э. Сафарли «Сладкая соль Босфора».

По мнению И.Б. Голуб, «олицетворением называется наделение неодушевленных предметов признаками и свойствами человека. Олицетворение – один из самых распространенных тропов. Традиция его употребления восходит к устной народной поэзии. Художники слова сделали олицетворение важнейшим средством образной речи. Олицетворения используются при описании явлений природы, окружающих человека вещей, которые наделяются способностью чувствовать, мыслить, действовать» (Голуб 2010. 135).

Особым видом олицетворения следует считать персонификацию. Персонифицированные предметы и явления обретают реальный человеческий облик.

Статус олицетворения не определен однозначно в лингвистической науке. Много трудов посвящено исследованию данного стилистического приема (Е.А. Бахмутова, Ю.А. Бельчиков, А.И. Гудавичюс, Н.О. Гучинская, М.А. Зозуля, А.П. Квятковский, В.П. Ковалев, Е.А. Некрасова, С.С. Парсамов и др.).

Несмотря на распространенность олицетворения в художественных текстах и наличие характерных отличительных черт, данный прием часто трактуется как всего лишь один из видов метафоризации (Е.А. Бахмутова, М.А. Зозуля, В.П. Ковалев, Е.А. Орлова, Е.А. Тихомирова и др.) или как форма аллегории (Ю.А. Бельчиков, Н.О. Гучинская).

В исследованиях лингвистов, посвященных изучению грамматических и стилистических особенностей художественного приема олицетворения, отмечается многообразие языковых средств его выражения в тексте. Особенности тропа описываются в связи с идиостилем конкретного писателя или со спецификой жанра произведения.

В нашем исследовании под олицетворением понимаем ассоциативное перенесение внешних признаков и эмоциональных черт человека на предметы и явления природы.

Наша структурная классификация олицетворений базируется на типологии С.К. Константиновой (Константинова 2005). В основу типологии положены морфолого-синтаксические признаки, учитывающие место олицетворения в синтаксической структуре предложения или текста, принадлежность к частям речи и синтаксические функции олицетворяющих слов. Таким образом, основными грамматическими структурами, содержащими олицетворение, являются предикативные двучленные синтагмы, атрибутивные двучленные синтагмы, дистанционное олицетворение, развернутый олицетворяющий контекст и олицетворяющее сравнение.

Проанализируем олицетворения в пределах концепта «природа» в романе «Сладкая соль Босфора» современного русскоязычного писателя Эльчина

Сафарли. Данный художественный прием применяется автором в следующих фрагментах:

Стихи

Босфор

Босфор в ответ кивает. В качестве приветствия сонное утреннее море посылает в ответ волну – пенистую, шипучую (Сафарли 2017. 8);

Он – верный, чувственный, постоянный – всегда готов прийти на помощь. Только позови. Если осень обижает, Босфор рвет и мечет. (...)

Он знает – осень виноватой быть не может (Сафарли 2017. 11);

Поэтому нанесенные ей обиды Босфор не прощает. Он любит осень (Сафарли 2017. 11);

Он ненавидит осадки, так как в такую погоду люди его не посещают. Ведь, по сути, Босфор одинок с тех пор, как дельфины покинули пролив... (Сафарли 2017. 24);

Босфор бесится от злости – за утро громадные волны потопили два судна в бухте (Сафарли 2017. 44);

Босфор добрый, щедрый, красивый и ну очень романтический... (Сафарли 2017. 48);

В полнолуние мой романтический друг с нетерпением ждет гостей. Он боится оставаться наедине с луной (Сафарли 2017. 56);

«Я слишком самодостаточен, чтобы повиноваться ей...» (Сафарли 2017. 56);

Когда Босфор злится, он становится еще более очаровательным (Сафарли 2017. 56);

За окном дремал вечерний Босфор... (Сафарли 2017. 82);

Мои слезы вытирает Босфор (Сафарли 2017. 222).

На основе приведенных примеров можем сделать вывод о том, что среди грамматических конструкций, содержащих олицетворение пролива Босфор, наибольшей частотностью использования обладает двучленная предикативная синтагма. В качестве слов, которые содержат в себе олицетворяющий признак, выделяем глаголы действия: *кивает, прийти, вытирает, называет*; глаголы состояния: *ждет, дремал*. Особое место занимают глаголы эмоционального отношения: *не прощает, любит, ненавидит, бесится, боится, дуется, возмущается, не терплю, верит, злится*. Эмоциональное состояние Босфора передается и с помощью фразеологизма *рвет и мечет*. Количественное превосходство глаголов эмоционального отношения (10 из 16) свидетельствует о стремлении автора максимально «очеловечить» Босфор, чему способствуют и следующие имена прилагательные: *верный, чувственный, постоянный, одинокий, добрый, щедрый, романтический, самодостаточен, отважен, мудрый*. Данные лексемы характеризуют Босфор как «личность» и входят в состав атрибутивных двучленных синтагм.

В словосочетании *Босфор с нетерпением ждет* выделяем предикативную двучленную синтагму + олицетворяющую предложно-падежную форму имени существительного.

Э. Сафарли акцентирует внимание и на внешних признаках Босфора, давая им оценку:

Босфор добрый, щедрый, красивый ... (Сафарли 2017. 4).

Приобретенный Босфором человеческий облик позволяет автору выделять такие признаки как части тела и мимика:

Недовольная гримаса сменяется прежним спокойствием. Подхожу к нему ближе, крепко обнимаю. Шепчу на ухо: «Ты не такой, как все. Ты удивителен. Ты всегда с нами. И мы всегда с тобой!..» (Сафарли 2017. 57);

«... Ведь таким образом я отдаляюсь от берега. Берега, где ты, Айдынлыг, и еще много моих друзей», – дуется Босфор, хмурясь, как обиженный ребенок (Сафарли 2017. 56).

Обратим внимание на сравнительный оборот *«как обиженный ребенок»*. Будучи олицетворяющим сравнением, данная конструкция содержит эксплицированную субъективно-модальную оценку персонификации описываемого объекта.

Особенностью образа пролива Босфор является наделение его возможностью говорить. В тексте встречаем несколько примером прямой речи Босфора, в которую также включены олицетворяющие признаки:

Босфор возмущается пуце прежнего: «Ты издеваешься?! Лучше бы подсказал, как загнать злюку за толстые облака. Мне не больно. Просто не терплю, когда мною помыкают!» (Сафарли 2017. 56);

Босфор по-юношески отважен. Уверенно называет себя свободным. «Быть свободным – значит верить в собственные желания. Многие из них кажутся неосуществимыми. Так кажется. Просто надо сделать первый шаг. Дальше, легче... Быть свободным – значит никогда не жалеть. Быть свободным – значит желать, добиваясь желаемого». Теория мудрого Босфора. Дни, месяцы, года, века научили морского друга вере. Он верит, даже когда вьюга нагоняет пенистые волны... (Сафарли 2017. 170).

В тексте находим характеристику речи Босфора, дополняющую персонифицированный образ:

Издалека доносятся недовольное пыхтение Босфора (Сафарли 2017. 24).

Олицетворяющий признак содержится в прилагательном, которое обозначает эмоцию, характерную для человека. Касательно имени существительного, номинирующего звук, создаваемый стихией, то он может быть характерным и для животного.

Ветер

Ветер в романе «Сладкая соль Босфора» также выступает денотатом олицетворения. Среди слов, содержащих олицетворяющие признаки, выделяем глаголы в составе предикативных двучленных синтагм:

умеет слушать, нацупывает, вникает, отслеживает, умеет молчать, спешит поведать, шепчет.

Вопреки природной непостоянности он [ветер] умеет слушать – нацупывает невидимыми руками эмоции, вникает в слова, внимательно отслеживает интонацию. И еще. Ветер умеет молчать (Сафарли 2017. 14);

... Магический ветерок города души преследует по пятам. Будто спешит о чем-то поведать крутится вокруг меня, шепчет непонятные заклинания, обдает ароматом розмарина. Он, как хвастливый ребенок, желающий продемонстрировать, чему научился (Сафарли 2017. 262).

При создании образа ветра автор снова использует олицетворяющее сравнение, в котором в качестве образа выступает ребенок, как и в случае с Босфором. Подобным в описании стихий является также выделение частей тела, в данном случае – руки.

В тексте, кроме общего образа ветра, встречаем и образы отдельных его видов.

Люблю их ощущать, прогуливаясь по набережной, где ветры разгульны, свободны, отважны (Сафарли 2017. 17);

Несмотря на внешнюю агрессивность, внутри пойраз нежно-заботливый. С ним интересно говорить – он щедро делится харизмой (Сафарли 2017. 15);

Пойраз улыбается, говорит, что теплых слов не слышал давно. «Люди думают, я злой... Поэтому отвечают мне злобно... Все, кроме тебя». Пытаюсь разубедить его. Он делает вид, что верит... Пойраз слушает меня... (Сафарли 2017. 16);

Да и последний не обижается, когда сравнивают. «Я холодный – он теплый... Как нас можно сравнивать?» – ухмыляется пойраз (Сафарли 2017. 16);

Сначала он шипит, угрожает нависающими волнами, присматривается. Что поделаешь, недоверчив по природе... Но как только пойраз узнает в тепло одетом человеке «капусте» родного гостя, он успокаивается. Протягивает руку, крепко обнимает, вдыхает твой запах... (Сафарли 2017. 16);

...Когда в Стамбул приходит мельтем – сухой летний ветер, я покидаю город души. Признаюсь, из-за боязни перед мельтемом. Он жесток, беспощаден. Во всяком случае, для меня. Мельтем любит прошлое (Сафарли 2017. 17).

Для описания характера ветров Э. Сафарли применяет атрибутивные двучленные синтагмы со следующими именами прилагательными: *разгульны, свободны, отважны, нежно-заботливый, недоверчив, любопытный, злой, жесток, беспощаден*. Предикативные синтагмы в своем составе имеют следующие типы глаголов: глаголы действия – *делится, узнает, протягивает, обнимает, говорит*; глаголы эмоционального отношения: *не обижается, любит, угрожает, успокаивается, улыбается, верит, ухмыляется*; глаголы чувственного восприятия – *присматривается, вдыхает, слушает*. Еще одна черта ветра представлена с помощью олицетворяющего наречия *щедро*. Таким

образом, пойраз с мельтемом обладают качествами человеческого характера, эмоциями и чувствами. На реальные очертания внешности указывает возможность установить тактильный контакт с ветром, наличие у него частей тела (*протягивает руку*), а также характеристики внешних особенностей поведения (*делает вид, ухмыляется*). Важным элементом персонифицированного образа, как и в случае с Босфором, считаем способность ветра «говорить» и наличие прямой речи данного персонажа в тексте.

Э. Сафарли использует олицетворяющие сравнения, в которых в качестве образов выступает как человек, так и животное (*щенок-лабрадорчик*).

Пойраз – как умный, успешный мужчина с нерасполагающей внешностью, но с тонкой душой (Сафарли 2017. 15);

Протягивает руку, крепко обнимает, вдыхает твой запах, как любопытный щенок-лабрадорчик (Сафарли 2017. 16).

Берег+море

В тексте находим примеры персонификации звуков природы. Так, в следующем предложении олицетворяющий признак содержится в имени существительном *ворковать* – «издавать мягкие, гортанные звуки (о голубях). 2. Обычно шутил. Мягко, нежно говорить, разговаривать между собой» (Кузнецов 2000. 150).

Горячий песок, кричащие чайки в небе, воркование берега с морем...
(Сафарли 2017. 209).

Волны

Образ волн создается с помощью атрибутивной и предикативной синтагм с олицетворяющим прилагательным и глаголом:

*Разъяренные волны топят корабли, подводные течения разгоняют
рыбешку* (Сафарли 2017. 11);

Шум волн заглушает. Волны не хотят, чтобы ты услышала меня
(Сафарли 2017. 222).

Времена года

Осень

Осень изображается с помощью олицетворяющего сравнения с девушкой,
которое вводится словом *похожа*:

*Она похожа на пышногрудую брюнетку, влюбленную в
свободолюбивого моряка, которого преданно ждет* (Сафарли 2017. 10);

*При этом она [осень] за справедливость. Когда обижают –
молчит. Терпит. Выжидает. Как только обидчики забывают о
сказанных словах, она, снимая маску безразличия, нападает* (Сафарли
2017. 10).

Более подробные олицетворяющие признаки представлены следующими
грамматическими конструкциями:

- предикативные двучленные синтагмы: *осень ждет / за справедливость /
молчит / терпит / выжидает / нападает*.
- атрибутивные синтагмы: *влюбленная*
- олицетворяющий деепричастный оборот: *снимая маску безразличия*.

Персонафицированный образ дополняется также с помощью характера,
который выделяет и описывает автор:

У нее (осени) характер мягкий, покладистый (Сафарли 2017. 11).

Животные

Кошки

В романе «Сладкая соль Босфора» кошки сравниваются с богинями благодаря олицетворению-приложению в составе атрибутивной двучленной синтагмы:

С двумя своими кошками – Гюльшен, Эбру. Подобрала их у подъезда дома. Из жалких худышек превратила в толстопузых богинь...
(Сафарли 2017. 9);

Лохматые создания верны ему. Их не волнует, какая боль затаилась в душе... (Сафарли 2017. 71);

Мястам не остается в долгу. По утрам садится у подъезда, встречает выходящих. Приветливо виляет хвостом, напутственно мяукает. Желает удачи (Сафарли 2017. 263);

Сердце сентиментальной кошечки отдано рыжему коту с глазами разных цветов (Сафарли 2017. 264).

Другие олицетворяющие признаки вводятся с помощью имен прилагательных *верные, сентиментальные* в составе атрибутивных двучленных синтагм; олицетворяющего наречия *напутственно*; предикативных двучленных синтагм *кошка встречает / желает удачи*.

Собака

Подобно кошкам, собака сравнивается с богиней с помощью перифразы:

Длинноухая богиня уплетает печенью... (Сафарли 2017. 19).

Домашний питомец главного героя способен чувствовать и мыслить, что в тексте выражено глаголами *любит, понимает*, а также деепричастным оборотом *осознавая собственную бесполезность*:

Айдынлыг тоже ждет, любит весну (Сафарли 2017. 49);

Айдынлыг лежит рядом. Навострила уши, виляет хвостом. Ликует.

Понимает: на линии – половинка сердца хозяина (Сафарли 2017. 140);

Айдынлыг, осознавая собственную бесполезность, разваливается под кухонным столом (Сафарли 2017. 241).

Автор описывает эмоции, которое испытывает животное, с помощью глагола (*ликует*) и наречия:

Айдынлыг останавливается перед разноцветными полями тюльпанов, восхищенно лает (Сафарли 2017. 49).

Используя имена прилагательные (*искренняя, добрая*) в составе атрибутивной синтагмы и причастный оборот (*верящая в чудеса*), автор характеризует «личность» Айдынлыг:

Айдынлыг – половинка моего сердца. Половинка искренняя, добрая, верящая в чудеса... (Сафарли 2017. 49).

Дельфины

Когда дует теплый лодоз, в Босфор заплывают дельфины. Жизнерадостные, игривые, немного настороженные. [...] Нет, они не в обиде на Босфор. Они в обиде на людей, загрязняющих Босфор (Сафарли 2017. 17).

Э. Сафарли, описывая морских жителей, применяет имена прилагательные с олицетворяющими признаками, а также предикативную синтагму (*они не в обиде*).

Маленькие дельфины имплицитно сравниваются с детьми, когда изображаются вовлеченными в детскую игру:

... дельфинята затеяли чехарду недалеко от берега ... (Сафарли 2017. 82).

Чайки

Когда в городе души моросит дождь, чайки, вальсирующие над синеющим Босфором, громче кричат. В их глазах появляется смятение. Нет, они не боятся, что их привычную умиротворенность омрачат капли небесной воды. Все дело в преданности. Не хотят отлетать от Босфора, на время затаиться в соломенных убежищах. Чайки Стамбула сопровождают тебя на протяжении всей дороги жизни (Сафарли 2017. 6).

Вальсирующие чайки – атрибутивная двучленная синтагма, где олицетворяющий признак выражен причастием.

Чайки не боятся / не хотят / сопровождают – предикативные двучленные синтагмы.

Такие душевные состояния, как *смятение* и *умиротворенность*, приписываются птицам с помощью дистантных олицетворений. Звуки, издаваемые чайками, олицетворяются с помощью следующего словосочетания:

... чайки пели колыбельную большому городу... (Сафарли 2017. 82).

Голуби

Образ голубей автор создает, привлекая олицетворяющее сравнение, где в качестве образа выступает человек:

Стая голубей окружила торговку, словно телохранители всеми любимого Сердара Ортаджа (Сафарли 2017. 32).

Журавли

...Весну в Стамбул приносят журавли. Они – чуток усталые, с поблекшими перьями, глазами кофейного цвета – громким криком влетают в город души. Молодые журавлики шумят от радости. Пожилые журавли – сохраняют молчание. Когда сквозь бежевый туман они замечают Великий мост, то просто плачут. С глаз, наполненных темно-золотой водицей мудрости, стекают слезы. Слезы счастья. Весь долгий путь из Африки они мечтали добраться до Стамбула... (Сафарли 2017. 46);

Они отдыхали, беседовали с Босфором, рассматривали многочисленных голубей с легкой завистью во взгляде. Ведь им не надо куда-то улетать. «А у нас впереди еще перелет в Восточную Европу...» – сетовали журавли в беседе с друзьями-цаплями. Они жаловались, но в душе все равно оставались самыми счастливыми созданиями на свете... (Сафарли 2017. 47).

Автор изображает эмоции вестников весны с помощью:

- дистантных олицетворений с предложно-падежными формами имен существительных: *от радости, с легкой завистью*. К дистантным олицетворениям относим и словосочетание *слезы счастья*.
- предикативных двучленных синтагм с олицетворяющими глаголами *плачут, мечтали, отдыхали, рассматривали*. Отдельно выделим глаголы, благодаря которым персонифицируются звуки птиц: *беседовали, сетовали, жаловались*. Два последних глагола являются синонимами и отображают эмоциональный окрас беседы. Кроме этого, в ходе «беседы» автор вводит прямую речь журавлей.
- атрибутивной двучленной синтагмы с прилагательным *усталые*. Вторым типом атрибутивной двучленной синтагмы является олицетворение-приложение *друзья-цапли*.

Развернутое олицетворение журавлей дополняется описанием глаз птиц с помощью определения *наполненных темно-золотой водицей мудрости*.

Пеликаны

На его берегах встречаю пеликанов. Они узнают меня. Правда, до сих пор опасаются взбалмошной Айдынлыг. Как только собака подбегает к ним с приглашением поиграть, грациозные пеликаны моментально ретируются, недовольно фыркая. Мол, нас, аристократов, такие игры не забавляют... (Сафарли 2017. 47);

...прислушиваюсь к еле слышному светскому трепу пеликанов с чайками. Последние жалуются на темперамент Мраморного моря. Он им непонятен. «...Наше море отличается от Босфора. Оно может год быть совершенно спокойным. И вдруг без причины начинает бушевать. Нейтрального состояния у Мраморного нет. Поэтому нам, чайкам, с ним сложно. Не знаем, чего ждать» (Сафарли 2017. 48).

Традиционно наиболее употребляемыми лексемами с олицетворяющими признаками являются глаголы: *узнают, опасаются, ретируются, жалуются*.

Речь птиц автор персонифицирует с помощью деепричастного оборота *недовольно фыркая* и определения-персонификатора+имени существительного с антропоморфным признаком *светский треп*.

В данном примере Э. Сафарли вводит прямую речь птиц, в которой также содержатся антропоморфные характеристики, и олицетворение-приложение *пеликаны-аристократы*.

Растительный мир

Деревья

Основную часть времени посвящал деревьям в саду. Лучшие собеседники. Выслушивали, кивали листьями, ничего не требуя взамен (Сафарли 2017. 244);

*Гордился своими деревьями. Некогда жалкие саженцы на глазах
взрослели, приобретали могучие стволы* (Сафарли 2017. 246);

*«... Вы, дети столицы, не будете возиться с обычными для вас
деревьями... Лучшие пусть умрут со мной». Когда Джалал-деде
произносил эти слова, слышал плач деревьев. Боялись потерять
покровителя. Боялись потерять жизнь* (Сафарли 2017. 246).

Персонафицированный образ деревьев вводится с помощью олицетворения-приложения *деревья-собеседники*. Развернутое олицетворение создается с помощью следующих грамматических структур:

*Деревья выслушивали / кивали / выросли / умрут / боялись
потерять* – предикативные двучленные синтагмы;

Ничего не требуя взамен – олицетворяющий деепричастный оборот;

Плач деревьев – генитивная конструкция.

Растения

Растения в тексте романа предстают в виде живых существ, которые так же имеют право на жизнь:

*Больно получать столь прекрасные создания мертвыми. Когда
дарят сорванные тюльпаны, будто удар в спину наносят. Значит, ради
моего дня рождения их лишили жизни?...* (Сафарли 2017. 89).

В данном развернутом олицетворении автор использует определение-персонафикатор и антропоморфный предикат.

«Эмоциональность» растений представлена с помощью двучленных предикативных и атрибутивных синтагм:

Красные тюльпаны ждут тебя... (Сафарли 2017. 59) – антропоморфный признак выражен глаголом состояния;

Запомни одно. Свежий овощ улыбается тебе, а не умоляет купить его»... (Сафарли 2017. 209) – антропоморфные признаки выражены глаголами действия;

Тем временем Гюльбен занята рисом. «Волшебные зернышки, не любящие спешки» (Сафарли 2017. 237) – антропоморфный признак выражен причастием.

Небесные светила

Луна

Образ луны персонифицируется с помощью олицетворения-приложения (*царица ночного Стамбула луна*) и перифразы, которая несет в себе олицетворяющее сравнение: *царица ночи, царица, злока*.

...Царица ночного Стамбула луна. Она везде разная. В Москве немного зловещая [...], в Таиланде – чересчур беспокойная. Стамбульская луна умиротворенная (Сафарли 2017. 55);

Грубые космические булыжники облетают царицу ночи стороной. Она защищена. Защищена сотнями любящих сердец. Их тепло заставляет луну забыть о собственном небесном одиночестве (Сафарли 2017. 55);

Потому что она могущественна. Она царица – недостижимая, властная, сильная. Стамбульская луна легким движением руки правит босфорской водой. Вызывает приливы, отливы (Сафарли 2017. 56);

«Лучше бы подсказал, как загнать злоку [луну] за толстые облака» (Сафарли 2017. 56).

Олицетворяющие признаки находим в именах прилагательных (*зловещая, беспокойная, умиротворенная, могущественна, властная, сильная*), и глаголе *забыть*, который указывает на наличие ментальной сферы у небесного

объекта. Также обратим внимание на деталь, указывающую на человеческую внешность луны – *луна легким движением руки*.

Звезды

... Под конец вечера всей компанией вываливаемся на балкон, взглянуть на подмигивающие нам звезды. Одна из них, сделав кувырок в ночном небе, устремляется вниз (Сафарли 2017. 82).

В данном примере автор указывает на наличие у звезд мимики (*подмигивающие* – атрибутивная двучленная синтагма) и характерного для человека телодвижения (*сделав кувырок* – дистантное олицетворение с деепричастным оборотом).

Солнце

Небесное светило обладает человеческими эмоциями, которые передаются с помощью двучленных предикативных синтагм с глаголами *ненавидит* и *осуждает*:

Захвати солнце с собою. Оно больше не нужно. Оно ненавидит. Оно осуждает (Сафарли 2017. 185).

Образ солнца создается также с помощью дистантного олицетворения, представленного предлогом и именем существительным, содержащим олицетворяющий признак:

Гордость городка – сахарно-сочные арбузы. Растут под опекой палящего солнца... (Сафарли 2017. 211).

Таким образом, в романе Э. Сафарли «Сладкая соль Босфора» выделяем следующие виды олицетворяющих структур:

Предикативная двучленная синтагма включает в себя существительное – денотат олицетворения и персонификатор – слово, содержащее олицетворяющий признак. В романе Э. Сафарли выделяем олицетворяющие предикативные синтагмы, в которых сказуемое-персонификатор представлено в структуре простого глагольного сказуемого, например *пойраз улыбается, красные тюльпаны ждут* и др.; составного глагольного сказуемого *ветер спешит о чем-то поведать, чайки не хотят отлетать* и составного именного сказуемого *осень за справедливость, дельфины не в обиде* и др.

Атрибутивные двучленные синтагмы в тексте представлены конструкциями трех типов. В первом типе атрибутивных двучленных синтагм антропоморфный признак содержится в согласованном определении, выраженном именем прилагательным, например: *Босфор одинок, пойраз недоверчив, сентиментальная кошечка, разъяренные волны* и др. Олицетворяющий признак может быть выражен причастием: *подмигивающие звезды* или причастным оборотом *чайки, вальсирующие над синеющим Босфором / волшебные зернышки, не любящие спешки*.

Второй тип атрибутивной двучленной синтагмы представляют олицетворения-приложения: *кошки-богини, Айдынлыг-богиня, друзья-цапли, деревья-собеседники* и др.

К третьему типу атрибутивной двучленной синтагмы относим олицетворения в составе генитивных конструкций: *плач деревьев*.

Как **дистантные олицетворения** рассматриваем такие олицетворяющие конструкции, в которых антропоморфный признак сочетается с персонифицированным денотатом дистантно через неантропоморфный глагол. Дистантные олицетворения представлены следующими группами грамматических конструкций:

- олицетворяющие наречия: *Мястам напутственно мяукает, Айдынлыг восхищенно лает*.

- олицетворяющие предложно-падежные формы имени существительного: *Босфор бесится от злости, молодые журавлики шумят от радости* и др.
- олицетворяющие деепричастия/деепричастные обороты: «... *дуется Босфор, хмурясь, как обиженный ребенок*», «*одна из них [звезд], сделав кувырок в ночном небе, устремляется вниз*» и др.

Примеры **олицетворяющих сравнений** уже упоминались, но добавим, что наиболее часто они вводятся с помощью союза *как*, а также союза *словно* и слова *похожий*. В роли образа сравнения выступает человек (ребенок, мужчина, брюнетка, телохранители), исключение составил лишь один пример, где в качестве образа используется животное (*щенок-лабрадорчик*).

Иногда в роли предмета олицетворения выступает не сам объект или явление природы, а его признак. Анализ олицетворений природы позволяет выделить, что довольно часто автор персонифицирует звуки природы. Олицетворяющий компонент содержится:

- в существительном, номинирующем звуки природы: *недовольное пыхтение Босфора, воркование берега с песком, светский треп пеликанов*.
- в глаголах: *ветер шепчет, пойраз шипит*.
- в деепричастиях: *пеликаны недовольно фыркают*.
- олицетворяющие признаки содержатся также в именах прилагательных и наречиях: *недовольное пыхтение, недовольно фыркают, восхищенно лает*.

Заключение

Для изображения природы в романе «Сладкая соль Босфора» автор широко использует олицетворение и персонификацию. Персонифицированными

являются образы Босфора, ветра, осени и луны. Общими чертами считаем наличие эмоций, возможность исполнять действия свойственные человеку, реальные очертания внешности (антропоморфные признаки), наличие характера, основные черты которого описывает автор, а также речь. Она превращает данные образы в полноправных персонажей произведения с особой ролью в его структуре и их личной точкой зрения.

Большинство проанализированных нами олицетворений являются развернутыми и включают не один, а несколько антропоморфных признаков, выраженных сходными или различными грамматическими способами. В романе «Сладкая соль Босфора» представлено 65 олицетворяющих контекстов в рамках концепта «природа», в которых выделяем следующие грамматические конструкции: предикативные двучленные синтагмы, атрибутивные двучленные синтагмы, дистантные олицетворения, олицетворяющие сравнения.

Анализ приведенных примеров свидетельствует о том, что наиболее часто предметом олицетворения становятся сами объекты и явления. В связи с этим внимание писателя фокусируется на их эмоциональной и ментальной сфере. К признакам, которые наиболее часто олицетворяются автором, относим звуки природы, внешний вид и жесты.

Таким образом, частота использования тропа олицетворения и разнообразие выделенных нами грамматических структур свидетельствуют о его эффективности в процессе построения тропеической системы текста, а также о важной роли олицетворения в создании ярких художественных образов.

Литература

- 1- Голуб И.Б. (2010). *Стилистика русского языка*. – М.: Изд-во «Айрис-пресс».

- 2- Зозуля М.А. (2011). *Метафора-персонификация в романах В. Голдинга: лингвокогнитивный аспект*: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Донецк: Изд-во «Донец. нац. ун-т».
- 3- Иванова Л.П. (2013). *Лингвоимагология как синтезирующее направление современного языкознания* // Беларуско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературоведение, культурология: сборник научных трудов. – Витебск: Изд-во «ВДУ им. П.М. Машерова».
- 4- Константинова С.К. (2005). *Семантика олицетворения*. – Курск: Изд-во «Курский гос. ун-т».
- 5- Кузнецов С.А. (2000). *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Изд-во «Норинт».
- 6- Парсамов С.С. (2004). *Персонификация водной стихии в народной мифологии*. – Кировоград: Изд-во «КОД».
- 7- Сафарли Э. (2017). *Сладкая соль Босфора*. М.: Изд-во «АСТ».
- 8- Степанов Ю.С. (1995). *Изменчивый «образ языка» в науке XX века* // Язык и культура конца XX века. – М.: Изд-во «Наука».
- 9- Эпштейн М.Н. (1990). *«Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии*. – М.: Изд-во «Высшая школа».

Bibliography

- 10- Golub I.B. (2010). *Stilistika russkogo jazyka*. – М.: Izd-vo «Ajris-press».
- 11- Zozulja M.A. (2011). *Metafora-personifikacija v romanah V. Goldinga: lingvokognitivnyj aspekt*: avtoref. disc. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. – Doneck: Izd-vo «Donec. nac. un-t».
- 12- Ivanova L.P. (2013). *Lingvoimagologija kak sintezirujushhee napravlenie sovremennogo jazykoznanija* // Belarussko-russko-pol'skoe sopostavitel'noe jazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologija: sbornik nauchnyh trudov. – Vitebsk: Izd-vo «VDU im. P.M. Masherova».
- 13- Konstantinova S.K. (2005). *Semantika olicetvorenija*. – Kursk: Izd-vo «Kurskij gos. un-t».
- 14- Kuznecov S.A. (2000). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* / Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. – SPb.: Izd-vo «Norint».
- 15- Parsamov S.S. (2004). *Personifikacija vodnoj stihii v narodnoj mifologii*. – Kirovograd: Izd-vo «KOD».
- 16- Safarli Je. (2017). *Sladkaja sol' Bosfora*. М.: Изд-во «АСТ».

- 17- Stepanov Ju.S. (1995). *Izmenchivyy «obraz jazyka» v nauke HH veka // Jazyk i kul'tura konca HH veka.* – M.: Izd-vo «Nauka».
- 18- Jepshtejn M.N. (1990). *«Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii.* – M.: Izd-vo «Vysshaja shkola».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Брык М. М. (2020). The Personification of the Nature in the Novel “Sweet Salt of Bosphorus” By E. Safarli . *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 8(1), 217-241.

DOI: 10.29252/iarll.15.217

URL: <http://www.iournaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/117>

شخصیت‌پردازی طبیعت در رمان ا. صفرلی «نمک شیرین بسفر»

مارینا مورمانوونا بریک^۱

دانشجوی دکتری گروه زبان‌شناسی همگانی و مطالعات کشورهای آلمانی‌زبان،

دانشگاه ملی علوم تربیتی م. پ. دراگومانوف

کیف، اوکراین.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۱۹)

در زبان‌شناسی نوین، توجه ویژه‌ای به مطالعه کانسپت (مفهوم) می‌شود. این اصطلاح برای تعدادی از زمینه‌های علم زبان‌شناسی از جمله زبان‌شناسی شناختی، زبان‌شناسی فرهنگی و یکی از جدیدترین شاخه‌های زبان‌شناسی یعنی زبانی‌شناسی مفاهیم، بسیار مهم و کلیدی به حساب می‌آید. در پژوهش حاضر مفهوم «طبیعت» و شخصیت‌پردازی به عنوان ابزار بیان زبانی آن بررسی و مطالعه می‌شود. در فرایند ایجاد بُعد شخصیت‌پردازی از ابعاد عاطفی و فکری انسان بهره گرفته می‌شود. این امر به درک تصاویر و مفاهیم دنیای اطراف ما کمک می‌کند و از این طریق آنها را با احساسات و عواطف درمی‌آمیزد؛ این برای درک اثر ادبی که از دیدگاه‌های شخصی نویسنده درباره روندها و پدیده‌های گوناگون تشکیل شده است، بسیار مهم می‌نماید. با تجزیه و تحلیل نمونه‌هایی از استفاده نویسنده از شخصیت‌پردازی می‌توان در مورد ساختار مورفولوژیکی / صرفی و نحوی این مجاز و ویژگی‌های اصلی آن به نتایج مهمی دست‌یافت. مطالعه این شیوه بیان مجاز مبتنی بر آثار نثر معاصر از اهمیت ویژه‌ای برخوردار است، زیرا امروزه نویسندگان سبک زبانی خاصی خلق می‌کنند که نیاز به تحقیقات جامع زبان‌شناختی دارد.

واژگان کلیدی: زبان‌شناسی مفاهیم، تصویر زبانی از جهان، شخصیت‌پردازی، تصویرسازی شخصیت، ساختار شخصیت‌پردازی.

بازتاب مبارزه برای آزادی فردی در روسیه سده نوزدهم
در زندگی و آثار ادبی و. ف. رایفسکی - «اولین دکابریست»

آنا آکساندروونا یونکینا^۱

معلم زبان وادبیات روسی، مدرسه آموزش متوسطه شماره ۱۱ شهر ستاری اسکل (ستاری اسکل اوبلاست)،
بلغاراد، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۹)

هدف از پژوهش حاضر، بازآفرینی تصویر شخصیت تراژیک و قهرمانانه شاعر دکابریست یعنی رایفسکی از طریق تجزیه و تحلیل کتاب‌هایی است که به سرنوشت وی اختصاص داده شده است.

تراژدی زندگی رایفسکی در آن است که دادگاه نظامی او را به جرم آزاداندیشی به اعدام محکوم کرد؛ او پنج سال را در زندان قلعه در حال انتظار اجرای حکم گذراند و پس از لغو آن بیش از چهل سال را نیز در حالت تبعید در سیبری سپری کرد. قهرمانی «نخستین دکابریست» در این است که او در این شرایط بسیار سخت صبر پیشه کرد؛ حتی باز هم با شجاعت در راه حقیقت جنگید و دست از مبارزه برنداشت. ولادیمیر فداسیویچ رایفسکی در تبعید به کودکان دهقان سواد می‌آموخت. در سیبری به نوشتن شعر ادامه داد. در مرکز آثار رایفسکی تصویر «خواننده شاعر در زندان» وجود دارد؛ مبارزی سرسخت که برای رسیدن به آرمان‌هایش نه در برابر مردم و نه در برابر سرنوشت قد خم نکرده است.

واژگان کلیدی: و. ف. رایفسکی، دکابریست، تبعید، اشعار، خاندان درباری، کار تعلیم و تربیت، سرنوشت.

مدل‌های ون‌دی بیان مقوله "درجه‌بندی" در صفات زبان روسی

هادی بهارلو^۱

استادیار گروه زبان روسی دانشگاه تربیت مدرس،
تهران، ایران.

میریلا احمدی^۲

دانشیار گروه زبان روسی دانشگاه تربیت مدرس،
تهران، ایران.

مریم سنجری^۳

کارشناس ارشد زبان روسی، دانشگاه تربیت مدرس،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۹)

این مقاله به بررسی تکواژهای ون‌دی اصلی که در زبان روسی برای بیان مقوله درجه‌بندی استفاده می‌شوند، می‌پردازد. برای دستیابی به این هدف ابتدا مقوله معناساختی درجه‌بندی و زیرمقوله‌های تشکیل‌دهنده آن (افزایش و کاهش شدت) بررسی می‌شود. بررسی ویژگی‌های معناساختی و واژه‌ساختی مقوله یاد شده موضوع اصلی این کار تحقیقی را تشکیل می‌دهد. جنبه نوآورانه این کار، ترسیم نمودار مقیاس میزان شدت و جانمایی هر یک از وندها بر روی این نمودار است. نتایج پژوهش نشان می‌دهد که ابزار ون‌دی در زبان روسی بیشتر متمرکز بر بیان مفهوم شدت صفت هستند. نتایج حاصل از تحقیق برای دانشجویان زبان روسی و پژوهشگران حوزه مقوله‌های معنایی مناسب خواهد بود.

واژگان کلیدی: صفت، درجه‌بندی، شدت، افزایش شدت، کاهش شدت، روش واژه‌سازی.

1. E-mail: baharloo@modares.ac.ir

2. E-mail: mireyla@modares.ac.ir

3. E-mail: Maryam.sanjari71@gmail.com.

شکل‌گیری و عملکرد فضای ارتباطی در کلان‌شهر مدرن (از دریچهٔ زبان عامیانه جوانان در کیف)

ایرینا گئورگیونا پریخودکا^۱

استادیار، دانشگاه ملی تاراس شفیچنکو کیف،
کیف، اوکراین.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۹)

در حال حاضر، یکی از مؤثرترین و تأثیرگذارترین عناصر زبانی کلان‌شهرها، زبان عامیانهٔ جوانان است. این نوع زبان سهم بسزایی در شکل‌گیری فضای ارتباطی پایتخت دارد. نویسندهٔ مقاله با استفاده از زبان جوانان شهر کیف در موقعیت‌های ارتباطی روزمره، در پی آن است تا نشان دهد که چگونه زبان گفتاری جوانان به گسترش دامنهٔ موقعیت‌های ارتباطی و محبوبیت واژگان عامیانه کمک می‌کند و از مهم‌ترین ویژگی‌های آن احساسی و ذهنی بودن آن است. با توجه به گسترش، فراوانی و دسترسی به وسایل ارتباط جمعی (از قبیل تبلت، آی‌پد، تلفن همراه هوشمند) و افزایش امکان ارتباط تعاملی در مکان‌های عمومی، ارتباطات از فضای خصوصی به عمومی منتقل می‌شود و اطلاعات شخصی در اختیار طیف گسترده‌ای از مردم قرار می‌گیرد. در نتیجهٔ افزایش تبادل اطلاعات و نقش رسانه‌های ارتباطات جمعی (اینترنت، شبکه‌های اجتماعی، تلویزیون، رادیو و مطبوعات)، حوزهٔ عملکرد زبان عامیانه جوانان گسترش می‌یابد و حتی شکل کتبی آن نیز در زبان ثبت می‌شود.

واژگان کلیدی: زبان خاص طبقه‌ای از اجتماع، زبان عامیانهٔ جوانان، زبان شهر، ارتباطات شهری.

زبان و تصویر ملی-زبانی جهان در عصر همگرایی و جهانی شدن

ایننا مارکورونا شکورینا^۱

دانشیار، دانشگاه ملی اقتصاد سیمیون کوزنتس خارکف،

خارکف، اوکراین.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۹)

تصویر جهان هم از دیدگاه جامعه و هم تک تک افراد آن، یکی از مهم‌ترین شرایط برای درک جامع از جهان محسوب می‌شود. در این مقاله موضوعات مربوط به توسعه زبان و شکل‌گیری تصویر ملی-زبانی از جهان در شرایط مدرن جهانی سازی بررسی می‌شود؛ شرایطی که تعداد زیادی از مردم در سراسر جهان نه تنها به زبان مادری و ملی بلکه به یک یا چند زبان خارجی دیگر نیز تسلط دارند. در این پژوهش تصویر جهان به عنوان جهان‌بینی هر فرد و گروه‌های قومی و نتیجه ادراک و فهم جهان پیرامون که در زبان نمود پیدا کرده است، مطالعه و بررسی می‌شود. همچنین به مسئله ایجاد تصویر ملی-زبانی از جهان در شرایط دوزبانه بودن و اختلاط زبان‌ها توجه ویژه‌ای شده است؛ نیز ویژگی شکل‌گیری تصویر مدرن ملی-زبانی از جهان در ذهن جوانان تجزیه و تحلیل و به مشکلاتی که در این فرایند شکل‌گیری به وجود می‌آید اشاره می‌شود. در این مقاله به علت‌های بروز پدیده دوزبانگی و مفهوم «زبان مادری» در شرایط دوزبانه بودن پرداخته می‌شود.

واژگان کلیدی: زبان مادری و ملی، تصویر ملی-زبانی از جهان، زبان خارجی، اختلاط زبان‌ها، دوزبانه بودن.

ماسک‌های عاطفی: بُعد اکولوژیک زبان

ناتالیا گنادیوونا سالادوونیکووا^۱

دانشیار، دانشگاه دولتی علوم اجتماعی و پداگوژیک ولگوگراد،

ولگوگراد، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۱۹)

مدرسه زبان‌شناسی عواطف و احساسات ولگوگراد که توسط پروفیسور ویکتور ایوانوویچ شاخوفسکی، نظریه‌پرداز تئوری عواطف، اداره می‌شود از سال ۲۰۱۰م. بر روی بُعد اکولوژیک عواطف و احساسات زبانی مطالعه و پژوهش انجام می‌دهد. این بدین معناست که اولین نظریه زبان‌شناسی احساسات در روسیه که در سال ۱۹۸۷ م. ارائه شده است، امروز از جنبه اکولوژی نیز تعریف جدیدی پیدا می‌کند. به عبارت دیگر، روش‌شناسی علم عواطف‌شناسی از جنبه آداب احساسات بررسی می‌شود. همانگونه که می‌دانیم سه نوع رابطه بین احساسات و عواطف انسانی و راه‌های بیان آنها وجود دارد: گاهی احساسات حس می‌شوند ولی ابراز نمی‌شوند؛ گاهی احساسات هم حس و هم ابراز و بیان می‌گردند و گاه ممکن است حسی وجود داشته باشد ولی حس دیگری ابراز و بیان شود. در مقاله حاضر برای نامگذاری وضعیت آخر اصطلاح استعاری «ماسک‌های عاطفی و احساسی» استفاده می‌شود. پژوهش حاضر به کمک این استعاره به این موضوع می‌پردازد که انسان در موقعیت گفتاری ایجاد ارتباط با دیگران از چه احساساتی بهره می‌گیرد و به هنگام خارج شدن از این موقعیت ارتباطی از چه نوع احساسات و عواطفی استفاده می‌کند. همچنین نشانه و علامت ارزیابی احساساتی که طرفین گفتار ترجیح می‌دهند آن را «مخفی و پنهان» کنند، تحلیل می‌شود. زبان در این موقعیت‌های گفتاری «ماسک» به حساب می‌آید. در این مقاله سعی بر این است که اکولوژیک بودن این نوع زبان ارزیابی شود.

واژگان کلیدی: احساسات، علامت ارزیابی، اکولوژیک بودن، جنبه اخلاقی، ماسک عاطفی.

فناوری‌های بازی به عنوان ابزار ایجاد مهارت‌های زبانی دانشجویان خارجی در یادگیری تاریخچه زبان

مارینا ولادیمیروونا ساراپاس^۱

دانشیار، دانشگاه دولتی علوم تربیتی و پداگوژیک مسکو،
مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۱۹)

در روش‌های نوین آموزش زبان روسی به عنوان زبان خارجی به فناوری‌ها و تکنولوژی‌های بازی که در فضاهای آموزشی بسیار استفاده می‌شود، توجه ویژه‌ای شده است. آموزش با تکیه بر سرگرمی و بازی نه تنها باعث ایجاد مهارت‌های زبانی بیشتر می‌شود، بلکه بر دانش عمومی زبان‌آموزان به میزان چشمگیری می‌افزاید. بازی‌های آموزشی از مفیدترین و مؤثرترین ابزارهای آموزش زبان محسوب می‌شوند که می‌توانند به میزان زیادی زبان‌آموزان را به تاریخچه زبانی که می‌آموزند، علاقه‌مند کنند. استفاده از روش‌های آموزش زبان با تکیه بر بازی در فضای آموزشی خارج از روسیه باعث می‌شود که زبان‌آموزان بیشتر به زبان روسی و تاریخچه آن علاقه نشان دهند و پدیده‌ها و ویژگی‌های زبانی، برای آنها ملموس‌تر و قابل فهم‌تر گردند. در انتخاب محتوای آموزشی، موضوع کاربردی بودن محتوا اهمیت بسیار ویژه‌ای دارد که باعث ایجاد مهارت‌های زبانی، ارتباطی و فرهنگ‌شناسی در زبان‌آموزان خارجی می‌شود. در مقاله حاضر روش‌های انتخاب محتوای آموزشی با تکیه بر فناوری‌های بازی و مثال‌ها و نمونه‌های متعددی از بازی‌های آموزشی در یادگیری زبان با هدف حل مشکلات رایج زبان‌آموزان خارجی در حوزه‌های درست‌نویسی، آواشناسی و دستور زبان از دریچه تاریخچه زبان روسی ارائه می‌گردند.

واژگان کلیدی: زبان روسی به عنوان زبان خارجی، روش‌های آموزش زبان روسی به عنوان زبان خارجی، تاریخچه زبان روسی، فناوری‌های بازی، بازی آموزشی.

روش‌های آموزش زبان با تکیه بر حرفه و تخصص زبان‌آموزان:

ایجاد مهارت‌های پژوهشی در دانشجویان رشته زبان روسی

تاتیانا ولادیمیروونا پاخالکووا-سائیچ^۱

دانشیار، دانشگاه ملی رادیوالکترونیک خارکف،
خارکف، اوکراین.

لانا یوریوونا ماروزووا^۲

دانشیار، دانشگاه ملی رادیوالکترونیک خارکف،
خارکف، اوکراین.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۹)

امروزه در روش‌های نوین آموزشی توجه ویژه‌ای به آموزش‌های حرفه‌ای دانشجویانی می‌شود که کسب دانش تخصصی برای آنان بستگی به مهارت و تسلط زبانی آنها دارد. در این روش‌های آموزشی، محور آموزش از دو بخش محتوای آموزشی و فعالیت‌های آموزشی که باعث ایجاد مهارت‌های حرفه‌ای و تخصصی در دانشجویان می‌شود، تشکیل شده است. میزان موفقیت این روش‌های آموزشی بستگی به رویکردها، روش‌ها و فنون آموزشی دارد که از طریق آنها شرایط آموزش زبان به زبان‌آموزانی که با هدف افزایش تخصص در زمینه دیگر آموزش زبان می‌بینند، معین و مشخص می‌گردند. دانشمندان بر اساس تحلیل زبان فنی مهندسان، مهم‌ترین موضوعات و موقعیت‌های ارتباطی و گفتاری گوناگونی را طبقه‌بندی می‌کنند. آموزش گفتار به دانشجویان خارجی در رشته‌های فنی و مهندسی مراکز آموزش عالی می‌تواند به عنوان مدل روش‌های آموزش زبان ارائه گردد؛ خود این مدل که بر پایه الزامات و شرایط نوین آموزش‌های تخصصی دانشجویان تعریف می‌گردد و شامل اهداف و محتوای آموزشی است، شرایط آموزشی و فرایند شکل‌گیری و ایجاد مهارت‌های تخصصی را در برمی‌گیرد و هدف نهایی آن در «ایجاد مهارت‌های کلامی و گفتاری در دانشجویان با تکیه بر حرفه و تخصص آنها» خلاصه می‌گردد.

واژگان کلیدی: مهارت‌های ارتباطی، روش‌های آموزش زبان با تکیه بر تخصص و حرفه، موقعیت گفتاری، خودبیانگری شخصی، بُعد تخصصی.

1. E-mail: p-soich@rambler.ru

2. E-mail: lanmoroz@rambler.ru

تصویر شرق عربی در سفرنامه‌های سده نقره‌ای

یلنا نیکالایونا یلتسووا^۱

دانشیار، انستیتوی عالی زبان‌های دانشگاه کارفاگن،

تونس، جمهوری تونس.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۱۹)

سده نقره‌ای در فرهنگ روسیه در شکل‌گیری جهان‌بینی خاصی که توجه ویژه‌ای به تمدن شرق دارد، نقطه عطفی به شمار می‌رود. در این عصر به واسطه افزایش سفرها به کشورهای جهان عرب، شاهد رشد و توسعه چشمگیر ادبیات جهانگردی و سفرنامه‌نویسی هستیم. در میان سرزمین‌هایی که نقش بسزایی در شکل‌گیری تصویر شرق عربی در کنار منطقه خاورمیانه و خاور نزدیک ایفا کرده‌اند، نام کشورهای قاره آفریقا (همچون: مراکش، الجزایر، تونس، مصر و اتیوپی) به چشم می‌خورد. بدین طریق پرده‌های اسرار از روی آفریقای ناشناخته تا آن زمان برداشته و این قاره به «سرزمین جهانگردان» تبدیل می‌شود و خیلی زود به عرصه تحقیق و پژوهش و خلق آثار ادبی در روسیه مبدل می‌گردد. با این‌که پژوهش‌های دانشمندان جهانگرد از سیاست‌های امپراطوری روسیه نشأت می‌گرفت و منعکس‌کننده آن بود، اما فضای ادبی متأثر از عرفان و واکاوی‌های فلسفی و تئوسوفی جهان عرب باب معرفت و علم و دانش گسترده‌ای را می‌گشاید و زندگی جوامع بدوی و اصالت سنت‌ها و فرهنگ‌های منسوخ بار دیگر در اذهان مردم روسیه تداعی می‌شود. مقاله حاضر به بررسی و مطالعه سفرنامه‌های منشور آندری بئلی – سفرنامه‌نویس و نمادپرداز برجسته سده نقره‌ای می‌پردازد. سفر این نویسنده به شرق (تونس و مصر) نه تنها ما را با عناصر فرهنگی تمدن شرق و چشم‌انداز نمادین کشورهای شرقی آشنا می‌کند، بلکه واکاوی‌های فلسفی و ادبی خود شاعر و شکل‌گیری گونه نوین شعری را پیش روی چشم ما قرار می‌دهد.

واژگان کلیدی: سده نقره‌ای، شرق عربی، سفرنامه‌نویسی، آندری بئلی، تونس، مصر.

تاریخ شکل‌گیری اصطلاحات حقوقی روسیه در سده‌های چهاردهم تا هفدهم

یلنا آناتولیونا چاشینا^۱

استاد، دانشگاه آدام میتسکوویچ پوزنان،

پوزنان، لهستان.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۹)

مقاله به بررسی ویژگی‌های روند شکل‌گیری واژگان حقوقی در زبان روسی در سده‌های چهاردهم تا هفدهم میلادی می‌پردازد. در اولین منابع و کتاب‌های دوره زبان روسی باستان *зло, грех, проказа, пакости*، چون *ослушание* و غیره (ترجمه به ترتیب: حقه، شیطنت، گناه، شرارت، نافرمانی) بیان می‌شدند. مفاهیمی چون «مجرم» به معنای شخصی که مرتکب بزه می‌شده است در منابع آن دوره با واژه‌هایی چون *ослушники* و *злодеи* (به معنای بزهکار) بیان می‌شوند. کمی بعد تعاریف جدیدی از مفاهیم بزهکاری ارائه شد و به دنبال آن واژگان جدیدی به وجود آمد که بیانگر ویژگی‌ها و تفاوت‌های اعمال و رفتارهای بزه بر اساس تفاوت در نشانه‌ها و ویژگی‌های آنها بود: اعم از آنکه ارتکاب بزه در ارتباط با شخصی بوده است و یا مالی، عمدی یا غیرعمدی بودن ارتکاب آن، و اینکه بزه ارتکابی برای اولین بار و یا چندمین بار بوده است. مقاله حاضر به بررسی و مطالعه اصطلاحات و واژگان مربوط به اعمال بزه مربوط به اموال می‌پردازد. اعمال بزه در این حوزه عموماً با واژگان و اصطلاحاتی چون *разбой, татьба, грабеж* (ترجمه به ترتیب: سرقت، سرقت، زورگیری، غارت) بیان می‌شوند. برای بیان شخص بزهکار از اسامی *разбойник, тать, грабежник* (ترجمه به ترتیب: سارق، زورگیر، غارتگر) استفاده می‌شود. مهم‌ترین ملاک و معیار در انتخاب اسم بزهکاری که مرتکب دزدی و سرقت می‌شده است، محل ارتکاب جرم و ویژگی‌های مال مسروقه بوده است: *церковный тать, кромский* (ترجمه به ترتیب: سارق کلیسا، سارق منطقه کروم، سارق انبار، سارق اسب‌ها). در مقاله اصطلاحات و واژگان از نقطه‌نظر تاریخ پیدایش، معناشناسی، واژه‌سازی و ساخت اصطلاحات و حوزه‌های کاربرد آنها تحلیل و بررسی می‌شود.

واژگان کلیدی: واژه‌شناسی تاریخی، معنای واژگان، واژگان حقوقی، روسیه باستان، حکومت مسکو.

نظام تعادل به عنوان اساس و پایه فلسفی زندگی و آثار ادبی

ماکسیمیلیان والوشین

سرگئی میخایلوویچ پینایف^۱

استاد، دانشگاه دوستی ملل روسیه،

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۱۹)

مقاله حاضر به مهم‌ترین ویژگی جهان‌بینی و آثار ادبی «م. آ. والوشین» که همان هارمونی دنیای او و حد اعتدال تضادهاست، می‌پردازد. این اصل، پیوسته در تمام ابعاد وجودی و حیاتی او حضور مستمر دارد و به خوبی در شخصیت وی به عنوان شاعر بروز می‌کند. این ویژگی از یک طرف به او شخصیتی چندوجهی و دلی بیکران می‌بخشد و از طرف دیگر او را در چارچوب اصول محدود می‌کند. ساختار نظام جهان آفرینش مملو از نیروهای متضاد و مقابل هم است: خداوند - شیطان، دو نیرویی که همدیگر را به تعادل می‌رسانند؛ خود جهان که مظهر «جهان تعادل‌های پایدار و ناپایدار» است؛ در تاریخ «دو طرف بی‌انتهای زمان»، دو جریان شکوفایی و برگریزان و خزان وجود دارد. از بین رفتن تعادل - که خاص انقلاب‌هاست - عواقب و پیامدهای فاجعه‌بار و اسفناکی را با خود به همراه دارد، ولی از دیدگاه والوشین نقطه مقابل از بین رفتن و فروپاشیدن مفهوم عشق است.

واژگان کلیدی: والوشین، جهان‌بینی، هارمونی، تعادل، تضادها و اضداد، انقلاب.

چکیده‌های فارسی

خاورمیانه در آثار ادبی روسیه در فاصله سال‌های ۱۸۵۰-۱۷۵۰

ولادیمیر الکسیویچ کاتلنیکوف^۱

استاد، انستیتو ادبیات روسی (خانه پوشکین) وابسته به فرهنگستان علوم روسیه،

سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۹)

مقاله حاضر به مطالعه و بررسی تحلیلی آثار ادبی روسی در حوزه ادبیات نمایشی، اشعار و سفرنامه‌ها در فاصله سال‌های ۱۷۵۰ تا ۱۸۵۰ میلادی می‌پردازد. در این آثار نشانه‌هایی از جهان‌بینی دینی، فرهنگی، اشعار و آداب و رسوم و سنت‌های ملی مردمان منطقه خاور نزدیک به چشم می‌خورد. در مقاله نشان داده می‌شود که در آثار ادبی عصر مدرن موضوعات و موتیوهای شرقی در آثار نویسندگانی چون: لامانوسف، رژوسکی، مایکف و در دوره‌های زمانی بعدی در آثار ادبی نویسندگانی چون: ژوکاوسکی و شیشکوف، گریبایدوف، آزنابیشین، پوشکین، روتچف، ایلچوسکی، آدادووسکی، یاکوباویچ، تومانسکی، لرمانتف، ساکالوفسکی کاملاً مشهود است. همچنین در مقاله حاضر عناصر و موتیوهای شرقی در آثار الکسی تالستوی، پالانسکی و مایکف بررسی و به موضوع سفرهای گریگاریویچ-بارسکی، داشکوف و موراویوف به خاورمیانه نیز پرداخته می‌شود.

واژگان کلیدی: ادبیات روسیه سده هجدهم و نوزدهم، خاور میانه، موضوعات و موتیوهای شرقی، شعر، ادبیات نمایشی و درام.

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۴۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3>	
نام و نام خانوادگی / مؤسسه:		
شغل / نوع فعالیت:	میزان تحصیلات:	
نشانی:		
تلفن:		
کد پستی:	صندوق پستی:	
شماره‌های درخواستی از شماره	تا شماره	تعداد
درخواستی از هر شماره:	تاریخ:	
امضاء		

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ / مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلکساندرنا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگوروننا مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی (دو فصلنامه علمی)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمد رضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۲۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- ۱۱ خاورمیانه در آثار ادبی روسیه در فاصله سال‌های ۱۸۵۰-۱۷۵۰ ولادیمیر الکسیویچ کاتلنیکوف
نظام تعادل به عنوان اساس و پایه فلسفی زندگی و آثار ادبی ماکسیمیلیان والوشین
- ۳۵ سرگئی میخایلوویچ پینایف
- ۴۹ تاریخ شکل‌گیری اصطلاحات حقوقی روسیه در سده‌های چهاردهم تا هفدهم یلنا آناتولیونا چاشینا
- ۶۷ تصویر شرق عربی در سفرنامه‌های سده نقره‌ای
روش‌های آموزش زبان با تکیه بر حرفه و تخصص زبان‌آموزان: ایجاد مهارت‌های پژوهشی در
دانشجویان رشته زبان روسی تاتیانا ولادیمیروونا پاخالکوا-سائیچ / لانا یوریونا ماروزووا
- ۸۳ فناوری‌های بازی به عنوان ابزار ایجاد مهارت‌های زبانی دانشجویان خارجی در یادگیری
تاریخچه زبان مارینا ولادیمیروونا ساراپاس
- ۱۰۳ ماسک‌های عاطفی: بُعد اکولوژیک زبان
ناتالیا گنادیوونا سالادوونیکووا
- ۱۲۱ زبان و تصویر ملی-زبانی جهان در عصر همگرایی و جهانی شدن
ایننا مارکونا شکورینا
- ۱۳۹ شکل‌گیری و عملکرد فضای ارتباطی در کلان‌شهر مدرن (از دریچه زبان عامیانه جوانان در کیف)
ایرینا گئورگیونا پریخودکا
- ۱۵۷ مدل‌های وندی بیان مقوله "درجه بندی" در صفات زبان روسی
هادی بهارلو / میریلا احمدی / مریم سنجرى
- ۱۷۵ بازتاب مبارزه برای آزادی فردی در روسیه سده نوزدهم در زندگی و آثار ادبی و. ف. رایفسکی - «اولین
دکابریست»
آنا آلكساندروونا یونکینا
- ۱۹۹ شخصیت‌پردازی طبیعت در رمان ا. صفرلی «نمک شیرین بسفر»
مارینا مورمانوونا بریک
- ۲۱۷